

Н.Г. Чернышевский
Статьи, исследования
и материалы

13

1999

Н.Г. Чернышевский
Статьи, исследования и материалы

Сборник научных трудов

13

**Издательство Саратовского
педагогического института
1999**

ББК 46.3.1

Ч. 45

В сборник помещены материалы двух научных конференций, состоявшихся в Саратове в 1997 и 1998 гг. Биография и творчество Н.Г. Чернышевского рассмотрены в широком историческом, культурологическом контексте его эпохи.

Для преподавателей, научных работников, студентов-филологов и историков, читателей, интересующихся историей русской культуры.

Редакционная коллегия: доктор филологических наук, профессор А.А. Демченко (отв. редактор), кандидат филологических наук, профессор Ю.Н. Борисов (зам. отв. редактора); зам. директора по науке музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского Л.Л. Калинин (отв. секретарь), директор музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского Г.П. Муренина; доктор филологических наук, профессор Е.П. Никитина; доктор исторических наук, профессор И.В. Порох; доктор филологических наук, профессор В.В. Прозоров.

Ч 460301000 без объявл.
Я79(03)-98

ISBN 5-87077-038-6

© Издательство Саратовского
пединститута, 1999

От редактора

Чернышевский принадлежит к писателям, к которым время никогда не относилось равнодушно. С самых строк в «Современнике» 1854 года, возвестивших о появлении в литературе талантливого работника до сегодняшнего дня вокруг его имени бурлят страсти, оно, как и прежде, продолжает шуметь на перекрестках русской жизни, по выражению А.Л.Волынского, одного из идейных оппонентов Чернышевского конца XIX века.

Мы пережили время безграничного превознесения Чернышевского, толкуемого в угоду официальной идеологии. Мы были свидетелями, когда иные исследователи, строившие на изучении Чернышевского свою научную карьеру, ныне готовы отречься от этого имени, едва ли не предать его анафеме.

Самым сильным союзником в противодействии хвалителям и хулителям Чернышевского выступает сам Чернышевский. Пришло время объективных, взвешенных оценок, без шараханий в ту или другую сторону. Для того, чтобы осветить его таким, каким он нужен в действительности, нужно непредубежденное, строгое научное изучение, основательное критическое обследование всего наличного биографического и творческого материала. Необходимо преодолеть сложившийся в нашем сознании со времени школьных штудий стереотип представлений о Чернышевском, будто бы звавшем Русь к топору. Мы привыкли к тому, что большинство наших ученых вслед за III отделением и правительством Александра II считали Чернышевского создате-

лем и главой революционной подпольной организации, но документальных свидетельств на этот счет не существует. Нет безусловных доказательств и того, что прокламация «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», за которую его сослали в Сибирь, написана им. По справедливому замечанию философа-богослова В.В. Зеньковского, далекого от убеждений Чернышевского, но сумевшего объективно оценить его как гуманного представителя русской философской мысли, «Чернышевского часто и охотно стилизовали различные течения русского радикализма, но сам он был шире тех рамок, в которые его вставляли»¹. Так, в запрещенной цензурой статье «Письма без адреса» (1862) Чернышевский, обращаясь к Александру II, писал о возможной революции в России: «Ожидаемой развязки» трепещут все общественные слои, «не вы один, а также и мы желали бы избежать ее», поскольку справедливо негодующий народ, не удовлетворенный начавшейся реформой, в своей слепой ненависти «не пощадит ни нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию» (Т.Х. С. 92). Выход один: не бездумными или половинчатыми решениями подталкивать народ к бунту, а, напротив, опираясь на народ, вовлекая его в прогрессивные реформы, оценивать свои намерения с точки зрения действенной заботы о его материальном благосостоянии и политической свободе. В этом смысле Чернышевский, остававшийся на стороне народа, был революционным демократом. Он, по оценке А.Н. Пыпина, желал «возможно широкого распространения просвещения и простора для литературы»². А.Н. Пыпин включал Чернышевского «отрицателя» в широкий социально-политический и литературный контекст. Чернышевский был влиятельным журналистом и писателем, ведущим автором и соредактором одного из замечательнейших журналов той поры «Современник», создателем знаменитого романа «Что делать?», всколыхнувшего всю отечественную литературу и вызвав-

шему к жизни крупное литературное движение, обусловленное возникновением особого жанра антинигилистического романа.

Предстоит большая работа по изучению богатого наследия Чернышевского и его эпохи, дела хватит для многих и многих исследователей, кто не предубежден, кто ищет истину, кто выступает не из соображений какой бы то ни было конъюнктуры, а от имени науки.

Программы прошедших в 1997 и 1998 годах в Саратове научных чтений «Чернышевский и его эпоха», традиционно продолжающих объединять именем Чернышевского научные силы ученых разных специальностей тому яркое подтверждение. Содержание очередного выпуска сборника научных статей составилось из материалов этих чтений. Выпуск сборника приурочен к 170-летию со дня рождения Чернышевского.

Ссылки на труды Чернышевского даются в сборнике с указанием тома и страниц издания: Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1939 - 1953.

Примечания:

- 1 Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т. I. Ч. 2. С. 8
- 2 Пыпин А.Н. Н.А. Некрасов. СПб., 1905. С. 266-267

1. Исследования и статьи

Н.Г. Чернышевский как представитель духовной элиты России

В многочисленной литературе, посвященной Н.Г. Чернышевскому, его личность рассматривается в одном из трех традиционных ракурсов - как писатель, как философ и как революционер-демократ. Но все эти три ярких воплощения личности Николая Гавриловича являются между тем выражением его одной общей особенности - он был и остается истинным представителем *духовной элиты России* второй половины XIX века.

Понятие «элита» длительное время было не в чести у наших публицистов и идеологов. Этим понятием, как правило, обозначались привилегированные классы и сословия, чем-либо возвышающиеся над простым народом - своим положением в обществе, особой осведомленностью, благодаря близости правительственным кругам и царю, богатством, роскошью, наконец, полученным образованием, которое позволяло немногим лучше разбираться в явлениях жизни, особом языке искусства, в науках и политике. В этом случае понятие «элита» указывало на первенство в обществе, на классово-сословные привилегии и противоречия, на ту часть населения страны, которая как бы противостояла, а часто и на самом деле противостояла людям, ничего этого не имевшим. Но данное словоупотребление ничего общего не имеет с подлинным смыслом этого слова. И, вероятно, пришло время вернуть ему реальный, истинный смысл.

«Elite» в переводе с французского языка означает *лучшую часть* от целого, и если в нашем случае *целым* является народ, то «элита» будет означать *лучшую часть*, цвет этого народа. Такой смысл и принадлежит понятию «духовная элита», обозначившему *лучшую часть* народа, ту

часть, которая наиболее полным образом выражает его активную духовную силу, интеллектуальный уровень нации, ее нравственный опыт. Когда мы говорим «духовная элита», то мы не отделяем одно сословие или класс от другого, не дифференцируем население страны на привилегированных и непривилегированных. Всегда, всю историю России среди всех классов общества обнаруживали себя люди, не стремящиеся ни к богатству, ни к роскоши, ни к особому положению и привилегиям, ни к превосходству над другими. Эти люди испокон веков были большими тружениками и благодаря постепенно накапливаемому нравственному и материальному опыту научились понимать прошлое, осознавать настоящее и заглядывать в будущее. Именно им, этим скромным и порой незаметным людям Россия обязана своим умственным развитием. И именно они поднимали нравственное самосознание России на высшую его точку, обозначая тем самым ту духовную высоту, которую достигал и мог достичь русский человек.

Но *духовная элита России* всегда была малочисленной: это лишь вершина огромной горы. Малое число прозорливых и мужественных людей, с беспокойным сердцем, полным сочувствия, сострадания к людям, прежде всего - небогатым, униженным, оскорбленным, несли тяжелый крест постижения жизни современника, человека, как в его величии, так и в падении, как в красоте, та и в уродстве. Будучи малочисленной, духовная элита во все времена была в России незащищенной от зла и насилия. Даже такого могучего, как дуб, и, казалось бы, неуязвимо с его положением и достатком человека как Л.Н. Толстой, и то постигла участь злого преследования, вплоть до отлучения от церкви. Кого убивали палачи и наемники, кого душило одиночество и его спутница водка, кого приводили к порогу самоубийства, кого - к вынужденной дуэли, а кого заточали пожизненно в крепость, ссылали на рудники в глухие места Сибири на поселение, под присмотр жандарма. Но не часто

удавалось сломить человека, подавить его вольный, свободомыслящий дух: внутренняя напряженная работа ума и сердца неизбежно порождала необоримую духовную силу, помогавшую выжить человеку в самых нечеловеческих условиях, выдерживать самые жестокие пытки и надругательства. Духовная элита России создавалась великими умами и великими мучениками. Некоторым из них доставалась спокойная благополучная в своих внешних проявлениях жизнь и тихая смерть в собственном доме в кругу родных. И это тихое благополучное увядание казалось еще опаснее, чем каторга и ссылка, потому что могло затянуть тиной, утомить и опустошить сердце, подрезать крылья романтическому порыву юности и зрелости, ослабить и убить ум. Но и здесь искус выдерживался до конца, и, несмотря на давление быта, полумещанской среды, отсутствие полноценного общения, человек выживал и находил путь движения уму и оживления сердцу.

Преодолевая невзгоды и так и не научившись беречь и защищать свою жизнь, высоко ценя и непреклонно отстаивая свое естественное право думать и говорить искренне и нелживо, они научились глубоко проникать своим умственным взором в сердцевину жизни и остро чувствовать ее неурядицы и катаклизмы. Среди таких людей и именно так человеком был Николай Гаврилович Чернышевский. Он фактически не принадлежал ни одному сословию. Сын священника, он не был ни по духу, ни по судьбе его продолжателем и восприемником. Не был он и типичным представителем городского обывателя или разночинной среды, так как никогда не находился в этой среде, разве что в Петербурге, посте окончания университета. Но и в этом случае среда, с которой он имел дело, люди среди которых он жил и с которыми общался почти повседневно, никак не могут быть отнесены к той или иной среде, даже разночинной, поскольку тут немалое место занимали и выходцы из крестьянской среды, и их ремесленников городских пред-

местий, и из родовитых дворян. Те объединения, союзы общества, которые внезапно то тут, то там возникали и с такой же поспешностью распадались, как правило, не принадлежали ни классовым интересам, ни политическим, но более всего стимулировались опытами свободного, непредвзятого мышления, однородностью наблюдений и выводов, схожестью молодых, горячих характеров.

Умственная деятельность была не службой, а потребностью и привычкой, без которых трудно себе представить как Н.Г. Чернышевского, так и многих его друзей и собеседников. Мы видим, еще с ранней юности, он проявляет значительный интерес к книгам. Мы знаем, что еще в годы обучения в семинарии, когда ему было только 16 лет, он поражал своих одноклассников обширными гуманитарными знаниями «Научные сведения его были необычайно велики, - свидетельствует учившийся с ним вместе А.И. Розанов, - он знал языки латинский, греческий, еврейский, французский, польский и английский. Начитанность была необыкновенная... Слушаешь, бывало, и не можешь понять: откуда человек набрал столько сведений! И так всегда. Коль скоро о чем-нибудь не знает никто, то и берутся за Чернышевского, а тот знает уже непременно. Многообразием знаний и обширностью сведений по св. Писанию, всеобщей гражданской истории, логики, психологии, литературе, истории, философии и пр. Он поражал всех нас»¹. Никакие семейные или педагогические требования не могли послужить причиной для такого большого рвения в учебе. Причиной может быть только рано пробудившийся интерес к знанию, тенденция того самого духовного роста, которая и привела его к широкому взгляду на положение различных слоев и классов в России, состояние общественной жизни и ее особенностей.

Вопрос о принадлежности Н.Г. Чернышевского к духовной элите России содержит в себе несколько частей, которые невозможно охватить в небольшой статье. Отметим эти

части особо. Во-первых, необходимо более проникновенное в само понятие «духовная элита», определение ее признаков и функциональных особенностей, ее места и роли в общественной жизни. Во-вторых, определение особенностей духовной элиты к середине XIX века, основные темы дискуссий, исследований, точки сосредоточения творческой мысли, нравственного опыта, политического сознания. В-третьих, круг и состав людей, которых мы могли бы причислить к духовной элите России, их особенности и образ мысли. В-четвертых, место Н.Г. Чернышевского в духовной элите, его роль и значение в развитии сознания и самосознания России. Наконец, в пятых, конкретный вклад Н.Г. Чернышевского - не в развитие философии или литературы, политической мысли или социологического знания, но во всей общей сумме - в углубление и обогащение духовного опыта современников, в духовную эволюцию последующих поколений. Разве не стремление к истине, преодоление субъективизма отдельных групп или классов определяли его творческую активность, напряженность его умственной работы? В одном из писем А.Н. и М.Н. Чернышевским в 1878 году он замечал: «Всякая иллюзия оказывает дурное действие на ход человеческих дел; и тем более вредны такие иллюзии, которые, как превознесение своей группы во вред другим людям, имеют источником своим не какую-нибудь невинную ошибку, а побуждение дурное». Именно устранение *иллюзорных форм мысли*, т.е. мышления мифологического во имя укрепления позиций адекватного своему объекту, трезвого, реалистического мышления и являлось одним из ведущих стимулов его деятельности. В чем-то напоминая французских просветителей - активная журнальная и литературная деятельность - он вместе с тем и резко отличался от них своей наступательно дерзостной и деятельной мыслью. Возможно, само время требовало не только размышлять, но и остро обсуждать практические вопросы: не следует забывать, что тогдашняя эпоха - это

время раскрепощения крестьян, трудное, противоречивое, не дававшее однозначных оценок и определений не реформам, ни существующим порядкам. Это время обостряющихся противоречий между социальными группами и классами, идеологическими и идейными течениями. Поэтому-то духовная элита не могла не пропускать через свое сознание и опыт эти противоречия, не могла не реагировать на них. Более того, в своих сочинениях Н.Г. Чернышевский не раз задумывался не только о противоречиях жизни, но и о противоречиях сознания самого человека. Ему была доступна идея внутреннего духовного опыта как основы жизнедеятельности, нравственной и социальной ориентированности человека, его самоопределения. Об этом ярко свидетельствуют его «Очерки гоголевского периода русской литературы», ряд других сочинений. Мир людей эпохи В.Г. Белинского и Н.Г. Чернышевского был сложен и противоречив. Именно поэтому настоятельно сказалась потребность в духовной элите, которая раскрыла бы для всех основы и истоки происходящих событий, обосновала по всем правилам философии и науки свои позиции и взгляды, указала путь к действию, определила нравственные критерии в оценке явлений и принципы как ориентиры в сложном и запутанном мире повседневности. Здесь не может быть использован термин, обозначающий какую-либо отдельную группу, социальный слой или прослойку. Духовная элита складывается из людей высочайшей культуры, поднимающихся над узкими прагматическими интересами отдельных классов, прослоек и групп, над субъективизмом идеологических ориентаций. Это - искатели правды, невзирая ни на какие установки политического или социального характера, партий и идеологических течений. Их трудно причислять, «привязывать» к западникам или славянофилам, правым и левым, другим каким-либо группировкам. Их временное или более длительное пребывание в каких-либо партиях и союзах носит, как правило, неустойчивый противоречивый

характер. Они стремятся к деятельности, но эта деятельность управляется исключительно поиском истины и мерой ее обнаружения, невзирая на субъективизм как сторонников, так и противников. Это своего рода мудрецы и учителя жизни, но их мало кто слушает, а чаще - их, наоборот, обвиняют в отступничестве, диссидентстве, непоследовательности, преследуют как инакомыслящих... С кем это *инакомыслящих*? С одуревшими от власти людьми? С потерявшими рассудок богачами, не знающими, что же еще такое придумать, чтобы потешить себя? С теми, кто догматизировал ранее полученный результат, остановился в развитии, перестал думать, размышлять, анализировать? Может они - *инакомыслящие* в отношении самих себя?!

Конечно, их «инакомыслие» было простым отторжением от себя *бессмыслия, немыслия* вообще, поскольку их мозг уже не мог остановиться перед какой-либо преградой и как правило ясно различал *немыслие, недомыслие, псевдомыслие* и другие варианты неполноценности и притворства, за которым часто скрывалось обыкновенное *пустомыслие* или повторение непродуманных, критически не оцененных чужих слов, идей, положений.

Если подвести некоторый итог, то можно сказать, что понятие «духовная элита России» вводит нас в контекст новых еще не исследованных аспектов истории отечественной культуры и, бесспорно, фигура Н.Г. Чернышевского позволяет углубить, а само понятие «духовной элиты», столь полезное и важное и для нашего времени, для нашей новой истории.

Примечания:

1 Розанов А.И. Николай Гаврилович Чернышевский // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1958. Т. I. С. 20

2 Чернышевский Н.Г. Избранные философские сочинения. М., 1938. С. 497

**«Что делать?» и автобиография
Н.Г.Чернышевского: «игровые» ходы
авторской мысли**

Представляется, что к концу XX века сказаны все слова в защиту Н.Г. Чернышевского и против него. Но отметим при этом, что даже самые ярые противники его, если они удерживаются хотя бы на минимуме объективности, не могут не отдавать должное своему оппоненту. В. Набоков в романе «Дар» создал развернутый и талантливо написанный памфлет на своего идейного противника. Но и он признает героизм Чернышевского в его борьбе с царизмом. Годунов-Чердынцев, alter ego Набокова, смеется над стилем «Что делать?». Но вот парадокс: признается, что эта книга «собрала в себе весь жар его личности, - жар, которого нет в беспомощно-рассудочных ее построениях, но который таился как бы меж слов... и неизбежно обречен был рассеяться со временем». Итак, «жар» души, который «собран» в этой «маленькой мертвой книге», но которого «нет». Странно: «обречен был рассеяться» и действительно стал исчезать, - но еще при жизни Набокова - мощно возродился на Западе, в рамках феминистского движения. Современная английская писательница Фэй Уилдон в «Письмах к Алисе» с восторгом пишет о «Что делать?» как «международном бестселлере», предлагающем нам «Утопию, которая радует душу, волнует и, притом, оказывается достижимой». Правда, при этом его почитательница предлагает нам совершенно фантастическую версию жизни автора: оказывается Чернышевский «наводил на всех страх» своим демоническим взором, из тюрьмы он «бежал... благодаря тому, что обратил всех тюремщиков в свою веру» и т. п.³ Николай Гаврилович добродушно посмеялся над такими вымыслами о себе. А мог бы и порадоваться тому, что его идеи живут.

Что же касается сопоставления «Что делать?» с автобиографическими материалами писателя, то никто, насколько мы знаем не занимался этим специально - настолько эти два текста кажутся на первый взгляд разнородными. Между тем сравнение их может выявить некоторые существенные важные в творчестве писателя, еще не привлекавших в должной мере внимания специалистов и читателей.

В общем плане подобное сопоставление уже давно намечено - А.П. Скафтымов, А.А. Демченко, М.Т. Пинаев и другие исследователи отмечают: находясь в 1862 - 1864 годах в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, Н.Г. Чернышевский задумывает обширную «Энциклопедию знания и жизни», состоящую в основном из художественно-популярных и беллетризованных сочинений. Он мечтал создать этот свод знаний «в самом легком популярном духе, в виде почти романа, с анекдотами, остротами, так чтобы читали все, кто не читает ничего, кроме романов». Тяга к составлению всевозможных энциклопедий древности наблюдается у мудрецов всех времен и народов. Чернышевский в своем замысле вдохновлялся, в частности. Опыт Лессинга, Гете, французских энциклопедистов, бывших «универсалами» - писателями, публицистами, учеными. Оригинальность же замысла была в том, что энциклопедия мыслилась именно в художественной форме. И «Что делать?» стало «ударной» частью ее - сверхпопулярной популяризаторской книгой, соединяющей в себе в легкой и непринужденной форме бесед с «проницательным читателем» самые различные жанры: семейно-любовный роман, утопию, фантастику, деловые выкладки, пропаганду новых взглядов, включающих в себя и историко-софские рассуждения.

Что же касается автобиографических набросков писателя, то, как пишет, А.П. Скафтымов, второй вариант их предназначался автором для большого цикла, раздела «Энциклопедии» и назывался «Повести в повести»². Исследо-

ватель подчеркивает: сам Чернышевский понимал, что «сюжетно и литературно -стилистически» автобиография явилась бы «инородным телом» в будущем художественном произведении. Вместе с тем контекст «Повестей в повести», в свою очередь, перекликаются с «Что делать?» особенно в теме «свободы семейно-брачных отношений» и будущего социального переустройства, то сравнение знаменитого романа, а автобиографическими главами еще более облегчается.

Речь пойдет как о прямых перекличках разных по жанру произведений одного автора, так и о возникающих благодаря жанровому взаимодействию в рамках единой, пусть не оформившейся окончательно «Энциклопедии..» дополнительных смыслах, игре идейно-художественных обертонів, к овладению которой шел Чернышевский как писатель. Еще академик В.В. Виноградов заметил, а М.М. Бахтин подкрепил своими рассуждениями такой важный момент в творчестве писателя, как движение его к полифоническому роману³. В первой части «Поветей в повести», называвшейся «Перл создания», Чернышевский хотел создать, как он сам говорил «роман чисто объективный», в котором «не было бы никакого следа моих личных симпатий». Задача явно не выполнимая, но на подобных парадоксах и держится искусство. Далее писатель обращался к читателям так. «Ищите, какому взгляду я сочувствую или не сочувствую. Ищите, как одно воззрение переходит в другое, совершенно несходное с ним. Вот истинный смысл заглавия «Перл создания» - тут, как в перламутре, се переливы цветов радуги...»

В известном смысле эта «игра» значений, эти «переливы» оттенков образной системы уже представлены в «Что делать?». Об этом уже приходилось говорить, когда речь шла о сравнении романа Чернышевского со знаменитой «Ярмаркой тщеславия» У. Теккерея⁴. Подобно английскому сатирику, революционер-демократ ведет игру с читателем, хотя принципиальная разница заключалась в типах этой

игры на активизацию читательского восприятия - Теккереею не нужно было скрывать свои политические взгляды. Чернышевский же «эзоповой речью» вводил в заблуждение недалеких царских цензоров. Теперь же разговор пойдет о другом, хотя тоже связанный с «игровым» и полифоническим аспектами текстов русского автора.

Вначале укажем на прямые переклички романа «Что делать?» с автобиографическими материалами писателя. Возьмем образ автора рассказчика. В романе он усложнен различными масками - ироничного собеседника, комментатора событий, человека, лично знакомого героями повествования. Но иногда он выступает в романе непосредственно, как Николай Чернышевский, сообщая нам нечто о своей жизни. Так, в XI разделе 4-й главы читаем: «Я помню, как испугался я, двенадцатилетний ребенок...» Рассказывается о страшном ночном пожаре в «большом провинциальном городе», то есть в Саратове, когда мальчик Коля преодолел свой страх, включившись в работу по тушению пожара. Этот чисто мемуарный отрывок находит соответствие в тех местах автобиографии, где автор упоминает о пожарах времен своего детства, пишет о том, что он был «очень труслив и воображал себе ужаснейшие страхи», которые, к счастью, оказывались ложными. Подлинность мемуарного отрывка из романа подтверждается авторитетом Н.М. Чернышевской - см. ее книгу «Н.Г. Чернышевский в Саратове» (Саратов, 1952, С.56). Еще больший интерес представляет воспоминание автора «Автобиографии» о своих детских снах. «Я часто видел сны; конечно, в числе их было много страшных». Они относились, как правило, к двум сферам жизни, к «явлениям природы и к впечатлениям общественной и домашней жизни». Во снах являлись маленькому Коле волки, медведи, разбойники, наводнения на Волге, но особенно он был напуган, увидев во сне громадных обезьян, тащивших его куда-то. И лишь став взрослым, он понял, что его детские страхи были навеяны всего-

навсего чтением «сенсационных» повестей, рассказами окружающих. Так, Чернышевский рационализирует свои детские впечатления. Но он был прав, когда в дневнике (запись от 24 июня 1848 г.) пишет под воздействием смерти одной своей подруги детства: «она являлась мне теперь в таких чистых, ясных, хотя совершенно неопределенных воспоминаниях, и поэтому-то верно и дорого и свято для нас то, что соприкасалось с нашим детством: мы тогда чисты, святы...» Значит, по-своему были «святы» для писателя и его сны. Эта личная его особенность гармонировала с той важнейшей ролью сна как архетипа мировой культуры, которую мы знаем по мифологии, произведениям Шекспира, Гете и др. Отсюда и определяющее структурное место снов Веры Павловны в «Что делать?». Они представляют талантливую попытку писателя опять-таки «рационально» выстроить в них историю своей борьбы с детскими страхами, своих грандиозных мечтаний. Страхы героини в первых двух ее снах конкретно осязаемы, аллегоричность их прозрачна. Верочка видит себя запертой в подвале, разбитой параличом, она боится своей матери, которая, подобно ведьме, (и в стиле волшебных видений из повести Ч. Дикенса «Рождественская песнь») устрашает дочь зрелищем «честной бедности». Но героиня легко, очень уж легко преодолевает в своих снах, а затем и в своей романной жизни, эти трудности. С помощью богини - «невесты всех женихов» Верочка исцеляет девушек, разбитых параличом, освобождает их. Аналогия с Иисусом, творящим чудеса, напрашивается сама собою, недаром Чернышевский еще в бытность свою студентом, «почел себя изобретателем машины для произведения вечного непрерывного движения» (Дневник, 23 сентября, 1848 года), т.е. чуда, мечтал об «усовершенствовании» христианства как учения о «божественном назначении любви» и считал Христа «неестественным» высшим человеком (Дневник, там же).

Показательна и антропонимика. «Вера» - вера в Бога по этимологии имени. «Павловна» - не от апостола ли Павла, который, подобно героини романа, был обращен в новую веру и творил чудеса? (Деяния апостолов, гл. 9; гл. 16, 14-) Позднее Павлом назовет своего героя - социалиста Максим Горький. «Розальская» - фамилия героини тоже ассоциируется с христианством: на Западе Троица обозначалась как «Розалии», Пасха роз, ибо сам цветок «стал символом крови Христовой, самого Христа»⁵. Неудивительно, что в четвертом сне героиня видит себя богиней, «лицо богини ей самой лицо». Правда да этого триумфа она - в третьем сне - должна была преодолеть еще один страх, самый сильный в ее понимании. Это страх перед чтением собственных потаенных мыслей, некое смягченное подобие фрейдовского психоаналитического сеанса. И, только очистившись от душевных терзаний, найдя успокоение в лоне второго брака, Вера Павловна удостоивается «апофеоза» - блаженного видения, в котором Чернышевский излагает образно-символически свое представление о четырех этапах мировой цивилизации, каждый из которых запечатлен в фигуре женщины-богини: Астарты, Астасии, Афродиты, Прекрасной Дамы, «сверхбогини» с лицом Веры Павловны. Этот «золотой сон» многократно высмеивался. Достоевский талантливо опровергает утопические построения Чернышевского в повести-памфлете «Записки из подполья» (1863). Но никто, насколько нам известно, не отмечал неожиданную, на первый взгляд, переключку образа богини Веры с тем религиозным культом женщины, который оформился в позднем творчестве французского философа Огюста Конта. Подобное странное сближение, очевидно было отвергнуто Николаем Гавриловичем, который, как известно, критически относился к Конту. Недаром в «Что делать?» (гл. 3ч. VI) есть ироническая фраза об одном эпизодическом персонаже: «И офицер, жесточе, чем романтик, обличая ригориста (Рахметова - В. В.) и схематиста, сам был сильно

уличаем в огюст-контизме». «Уличать» писателя было бы нелепо, но можно показать, как у него одно воззрение переходит в другое, совершенно несходное с ним» - причем независимо от воли автора Воспевая «новых людей», писатель сильно из идеализировал, хотя ему и представлялось, что он относится к ним предельно объективно, даже подчас критически. «Я люблю смеяться над такими людьми» - это ведь сказано автором- рассказчиком о Рахметове и ему подобных. С ласковым юмором изображает романист маленькие слабости Веры Павловны - ее любовь к комфорту, домашнему уюту, развлечениям. Но не жалеет красок для апофеоза героини.

Иным путем, но к сходным результатам шел О. Конт⁶. Полюбив некую мадам де Во и рано потеряв ее, философ, давно уже создавший доктрину «позитивной религии», поклонения «Великому Существу» (обожествленному безличному человечеству), теперь «конкретизирует» ее, выдвинув культ Женщины (в тройной ипостаси Матери- Жены- Дочери). Разрабатывается подробная и просто смешная для здравомыслящих людей процедура поклонения этой богине - молитвы три раза в день, «крестное знамение» с касанием «важнейших для продолжения жизни» органов и пр. У Чернышевского ничего подобного на этот пародийный культ нет. Но есть и нечто общее - подмена религии, т.е. веры в Бога другой религией - верой в идеализированного человека. Именно таким богоискательством стали заниматься в начале XX века Горький и Луначарский. Об этом пишут Д. Мережковский, З. Гиппиус и Д. Философов в брошюре «Царь и революция» (1907): «Русская революция - это религия, хотя мало революционеров готово это признать... Антихристианская интеллигенция с ее идеалом всеобщего объединения человечества ближе к Иисусу Христу, чем официальное христианство». Говоря иначе, религиозная вера, от которой успешно избавлялись сыновья священников (Добролюбов и Чернышевский, воспитанники бурсы,

ученики семинарий, вроде И. Джугашвили), возвращалась к ним снова, но уже в совершенно новом качестве, последствия которого, мягко говоря, «неоднозначны».

Вот вам и детские страшные сны саратовского мальчика.

Очень интересно будет проследить, какую форму принимает в романе писателя и в его автобиографических материалах взгляды Чернышевского на историю. Их сходство прежде всего в том, что в отличие от «серьезных» рассуждений Чернышевского- историка, политика, рецензента - эти взгляды в романе и «Автобиографии» подаются иронически, юмористически. Но вместе с тем и опять-таки серьезно. В этом двойном подходе ощутима сложная и как бы ощупью идущая мысль автора, позволяющего себе «игру» мнений, непоследовательность, саркастическую иронию - ради постижения столь трудно уловимой истины.

Можно полностью согласиться с А.Л. Шапиро, когда исследователь пишет: Чернышевский по существу отвергал формационный подход к истории, не видел прогресса в смене рабства феодализмом, а последнего - буржуазным строем. Но если принять такую «нематериалистическую» методологию, тогда понятной станет горько - ироническая характеристика, которую Чернышевский ассоциативно связывает с русской историей, а заодно и с «историей общественной жизни Саратова в своей автобиографии. Это «чепуха, вздор, галиматья, дребедень, безалаберщина» и прочие набор синонимов, который «немудрено дополнить до сотни» и более. И в этом плане писатель - опять-таки неожиданно для него самого - перекликается с П. Чаадаевым, который говорил об алогичности нашей истории, которую «нельзя объяснить нормальными законами нашего разума». Причем оба мыслителя надеялись, что то ли благодаря этой алогичности, то ли вопреки ей, но Россия обеспечит себе светлое и великое будущее. А от этой позиции недалеко и до тютчевского «в Россию можно только верить».

Не отсюда ли специфически «игровая» манера толкования истории в «Что делать?». Автор иронически, подобно Теккерю, уравнивает малое и великое, когда пишет: обыватель Сторешников «очень удовлетворительно изображал в своей особе девять десятых долей истории рода человеческого», обывательница Марья Алексеевна (не взято ли ее имя из комедии Грибоедова?) в минуту неудачи напоминает «Наполеона после Ватерлоо», да и вообще «вся тайна всемирной истории» заключается в том, что «Иван Ивановичи», Наполеоны, Меттернихи, Али-паши и пр. вечно плутуют, вечно водят за нос друг друга и сами себя» (гл.2, ч. VII).

Это развернутое ироническое сравнение всемирной истории, известных исторических деятелей с мелкими, ничтожными обывательскими плутнями и интригами еще более широко развернуто в главах автобиографического повествования, в обоих его вариантах. Здесь у писателя появляются саратовские «до-исторические» и «мифические» лица. К времени «эпическому» он относит, например, губернатора А. Д. Панчулидзева. Раздел, посвященный этому начальнику, исследователи справедливо сравнивают с гениальной сатирой Салтыкова-Щедрина «История одного города». Независимо друг от друга, и, работая в разных жанрах, два выдающихся реалиста дали гротескную картину русской провинциальной и вместе с тем «всеобщей» истории. У Чернышевского, параллельно «взрослой», идет в автобиографии еще и его личная история - впрочем, она все время переплетается с «саратовской историей», которая, в свою очередь, есть лишь история Европы и мира в миниатюре. Здесь уже уместнее будет вспомнить не Щедрина, другого великого сатирика, Дж. Свифта с его «Путешествиями Гулливера», жизнью героя в королевстве лилипутов. Чернышевский пишет: «Саратов есть Европа в чрезвычайно увеличенном и усложненном виде. В мое детство число его жителей считали... от 30 до 50 тыс. Человек. По

этим цифрам надобно считать, что Саратов заключал в себе от 6 до 10 тысяч государств. Не подумайте, что я играю словами, - я прошу принимать термин «государство» в самом строгом буквальном смысле...» Разве это не игра слов, не ирония, основанная на резких переходах от «строгих» смыслов слов к метафорическим? Это игра, заключающая в себе вполне серьезную, но и в то же время допускающую какие-то дополнительные толкования, собственную «теорию истории» Суть же истории вот такая. Автор считает, что каждая саратовская семья есть модель самостоятельного государства, что в Саратове таким образом были представлены все мыслимые тогда типы государств - монархическое, республиканское и пр. Семью своих родителей, например, он называет «чистейшей Швейцарией», в которой «никто не присваивал себе никакой власти» над другими. В других же семьях мемуарист находит самые удивительные и фантастические формы правления, подчас «с примесью чисто идиотского элемента и сумасшедшего элемента». И вся эта невообразимая помесь «государств», по мысли автора, ведет к такому странному набору моральных правил: «будь честен; пьянствуй; будь добр; вори; люди все подлецы... все на свете продажно; молись Богу; не пей вина, бога нет» и пр. И, однако, из этой «невообразимой путаницы», «ахиней» мемуарист делает бодрый вывод: «Нет, не ахиня, а только хаос. Из него выйдет порядок, в нем есть силы, которыми создается порядок, они уже действуют, но они еще слишком недавно действуют...»

Такая вера в победу добра прекрасна. Но где доказательства, что это действительно «хаос», или, говоря терминами синергетической теории Ильи Пригожина, точка бифуркации, в которой хаос сравнительно легко может быть изменен в сторону порядка благодаря сравнительно слабым факторам? Четкого ответа автор не дает, да и не может дать, потому что все его «юмористические» доказательства, догадки, оригинальные рассуждения базируются

на вере, на пламенной субъективной убежденности в том, что саратовцы - это «все-таки же несомненно люди», что они «не обезьяны».

А теперь посмотрим, как эта теория истории представлена в «Что делать?» тут мы можем заметить несогласованность между грандиозной панорамой исторического прогресса человечества, каким он представлен в четвертом сне Веры Павловны, и теми отдельными мыслями писателя по теории истории, которые разбросаны в книге. Прогресс, связанный со сменой форм обожествления Женщины, впечатляет. Но как согласовать его с представлением об истории как о процессе непрерывного и широкомасштабного плутовства, мошенничества, обмана и самообмана? Взять хотя бы того же Рахметова. Натура чрезвычайно экзальтированная и не лишенная странностей, он напоминает персонажей Достоевского уже хотя бы тем, что он может рыдать и смеяться, ставить над собою жестокие эксперименты. «Странность» сходит и его мировоззрение. Вспомним, с какой жадностью читает книгу Исаака Ньютона «Замечание о пророчествах Даниила и Апокалипсисе св. Иоанна» (интересно, что она обнаружилась в кабинете супругов Лопуховых, чем она их привлекла?). Рахметов рассуждает так: Ньютон сочинял эту вещь, «когда был наполовину в здравом уме наполовину помешан. Классический источник по вопросу о смешении безумия с умом. Ведь вопрос всемирно исторический: это смешение во всех без исключения событиях, почти во всех книгах, почти во всех головах». Итак, смешение безумия с умом как закон мировой истории. А ведь сам Чернышевский говорил о возможности открытия «закона человеческой жизни», подобно тому, как Ньютон «уловил закон мироздания»⁸. Может быть, мысль Рахметова и есть первый набросок «закона жизни», который обдумывал писатель?

Если это так - а мы склонны верить этому - тогда надо вспомнить, что Ньютон вообще был верующим мыслите-

лем Возникновение своей механически «правильной» и «самодвижущейся» Вселенной он мог представить лишь как чудо, как божественный «толчок». И его комментарии к двум апокалипсисам, ветхозаветному и новозаветному, были не столько «безумием», сколько отважной попыткой великого ученого преодолеть ограниченность собственного механистического метода за счет обращения к традициям мифологического, пифагорейско-гностического мышления (мне приходилось заглядывать в упомянутый опус английского ученого, экземпляр которого хранится в Музее редкой книги при РГБ). Напрашивается аналогия - Н.Г. Чернышевский, усматривавший не без основания столь много «ахиней» в историческом процессе, не был ли и сам склонен подчас к игровому комбинированию «далековатых понятий» и методов в своих исследованиях? Для более строго доказательства этой гипотезы необходимо тщательное исследование всего корпуса сохранившихся текстов великого революционера- демократа. Пока же ограничимся ссылкой на его проект вечного двигателя. Во всяком случае, Николай Гаврилович умел находить смесь гениальных и «решительно безумных» идей у таких выдающихся людей, как Фурье (Дневник, 11 декабря. 1848), да и над собою шутил добродушно: «странно, какие я отпускаю штуки несколько похожу как будто на помешанного всегда» (Дневник, 20 января. 1850). «Помешаны» в этом благородном смысле и новые люди, Лопухов и Кирсанов. Один из них проводит «странные опыты искусственного произведения белковины». Лопухов видит в опытах друга «полный переворот всего вопроса о пище, всей жизни человечества - фабричное производство главного питательного вещества прямо из неорганических веществ. Величайшее дело, стоит Ньютонова открытия») (гл. 3, ч. XXII). Хотя опыт науки XX века еще ставит под сомнение возможность скорого решения проблемы автотрофности, как ее определял В.И. Вер-

надский, сама способность героев Чернышевского мечтать заслуживает уважения.

Но вернемся к их «странностям». Рахметов - это человек, которого «все немного побаивались», недаром он впервые упоминается в романе как «ригорист». Какое там «немного»! Это лишь добрый и идеализирующий юмор писателя. Потомок свирепых татарских темников XIII века, тверских бояр, екатерининских генералов, помещиков, чьи земли были разбросаны по верховьям рек Медведица, Хонер, Сура и Цна, он, надо полагать, способен ставить жесткие эксперименты не только над собою. Да по существу этот особенный человек и ведет себя, не особенно считаясь с окружающими (что, надо думать, и послужило идеалом В.И. Ленину). Его фамилия начинает звучать как злая насмешка. Ведь «рахм» по-тюркски значит «жалость, сострадание», «рахмат, рахмет» - благодарность. С автором - рассказчиком он обращается бесцеремонно, обзывая его «лжецом» или «дрянью»! (гл. 3, ч. XXIX). И рассказчик, (уж не сам ли Чернышевский?) в ответ лишь «мог засмеяться». Он тут же находит Рахметову великолепное извинение - ведь наш «особенный человек» - это по существу сверхчеловек. Он, видите ли, может оскорблять вас, меня, кого угодно, ибо говорит это «без всякого личного чувства, будто историк, судящий холодно, не для обиды, а для истины». Хорошо оправдание! Если Вера Павловна предстает как богиня Любви и Красоты, то Рахметов - это, по существу, страшное мужское человекобожество, готовое беспощадно карать любого - угнетателей за их злодеяния, друзей и сочувствующих - за их слабости колебания, сомнения. Автор все прощает любимому сверхгерою. Ведь «при всей дикости этого случая (оскорбление, нанесенное рассказчику - В.В.) Рахметов был совершенно прав...» Не церемонится великий человек и с самою Верой Павловной, хотя бы даже и утешая ее, принося ей известие о том, что «погибший» Лопухов жив. Он и успокаивает ее единственно для пользы

дела, а не из каких-то личных или просто человеческих чувств. «Великий психолог», по аттестации автора, Рахметов действует и вправду искусно в обстоятельном разговоре с героиней. Но за этим его политическим умением вести утешительно-назидательный диалог скрывается нечто нечеловеческое, за что он сам себя иронически (но не без удовольствия) аттестует «мрачным чудовищем». Это абсолютное отрицание некоторых глубинных человеческих эмоций. Рахметов безапелляционно заявляет относительно ревности: «Вы проповедуете полную безразличность!» Но Рахметов тверд - для него все эти переживания новых людей есть лишь глупая «мелодрама», «чистый вздор», не стоящий и стакана чая. И этот человек, с ходу отвергающий элементарные проявления естественных человеческих чувств (сомнений, колебаний), будет учить нас «чистому наслаждению жизнью»? Короче проблем «разумного эгоизма» и внедрения его в качестве решающего фактора во всемирно-исторический процесс не представляется нам столь простой и увлекательной, как это пытался внушить сам себе и нам Чернышевский. И по существу он как писатель, активизирующий мысль читателя, предлагающий нам проследить, «как одно воззрение переходит в другое, совершенно исходное», дает основание подвергать критическому пересмотру свои же идейные установки.

Многое помешало Чернышевскому реализовать грандиозный замысел его «Энциклопедии» - цензура, тяжелые условия, ссылки, отсутствие культурной среды, необходимой литературы, стрессовое состояние психики обреченного на страдание человека. Но только ли это? Думается, что писатель страдал и от невозможности привести в стройную единую систему все свои мысли о жизни, все свои жизненные наблюдения. Говоря иначе, утопичен был сам замысел «Энциклопедии». Недаром получилось так, что первая ее часть, наиболее утопическая, то есть роман «Что делать?», и получилась вполне самостоятельным и наиболее ярким,

популярным его произведением. Вторая же, условно говоря, часть энциклопедии, автобиографические главы, так и остались в виде фрагментов, привлекающих внимание в основном специалистов, хотя по художественному уровню многие мемуарные страницы автора не уступят и шедевру «Былое и думы» А. И. Герцена. О других вещах, предназначавшихся для «Энциклопедии», пока говорить не будем.

Мы отметили моменты, сближающий знаменитый роман с автобиографией писателя. Подчеркнем также и то, что их разделяет.

Прежде всего, это принципиальное различие в жанрах. «Что делать?» - роман, художественный вымысел, ловкая игра с «проницательным читателем», остроумное комбинирование в рамках одной книги авантюрно - мелодраматического семейного сюжета, утопических фантазий, деловых проектов (с подсчетом цифр доходов и расходов по мастерской), проблемных диалогов и пр. Главы «Из автобиографии» - это установка на факты, на семейную хронику рода Чернышевских, их родных и близких знакомых, на историю и быт Саратова и отчасти Саратовской губернии в первой половине XIX века, а также собственно автобиографическая часть - рассказ о становлении личности ребенка, мальчика Коли Чернышевского.

Вот эта установка на восприятие мира мальчиком, выросшим в счастливой, почти идиллической атмосфере патриархальной доброты и христианской кротости, и определяет общий настрой «Автобиографии». Этим она сближается с такими книгами, как «Детские годы Багрова - внука» С.Т. Аксакова, «Детство» Л. Толстого. Образ любимого батюшки Г. И. Чернышевского, видного саратовского священника, умевшего соединить искреннюю, но не фанатичную набожность со светски - европейским укладом жизни, навсегда запечатлелся в памяти сына. Но интересно, какой представлялась революционеру - демократу судьба духовного сословия в новой России? Слабой попыткой ответить

на этот вопрос мне представляется бледный схематический образ столичного священника А.П. Мерцалова в «Что делать?». Этот поп и его супруга явно тяготеют к новым людям. Мерцалов после некоторого колебания соглашается обвенчать Лопухова с Верой Павловной - вопреки желанию Марьи Алексеевны. Мы узнаем из романа, что Мерцалов умен, образован, он свободно беседует с Лопуховым и Кирсановым о гражданской войне с США (это один из намеков русскому читателю, что неплохо бы и в России убрать крепостное право), увлечен такой научной новинкой, как минеральное удобрение - отсюда и аллегория двух видов «грязи» во втором сне Веры Павловны, в котором поп Алексей Петрович излагает некоторые мысли Чернышевского о роли труда, о дренаже почвы. Но мы ничего не знаем о том, как все эти передовые научные взгляды совмещаются у Мерцалова со священническим служением - верит ли он в Иисуса Христа или лицемерит в церкви?

В мемуарных записях, во всяком случае, автор нигде, хотя бы иносказательно, не осуждает своих предков, родителей знакомых за их верования. Другое дело - фанатизм. Автор содрогается, рассказывая о об изуверской секте «нетовцев» (спасовцев) из села Копены Аткарского уезда. Страшная сцена, когда главарь секты рубит головы своим единоверцам, возжаждавшим через свою смерть обрести «спасение», заставляет Чернышевского вспомнить об индусских фанатиках. Автор даже готов признать саратовцев «фанатичнейшими из народов и племен, и поколений всех стран и веков». Но, поразмыслив, мемуарист берет свои слова назад и начинает утверждать: «Нет, память не обманывает меня, жизнь моего детства действительно почти не имела соприкосновений с фантасмогорическим элементом, потому что его почти не было в жизни народа» (2-я глава первой редакции автобиографии). Так было или не было? Автор предоставляет нам, читателям, делать собственные выводы. Нам интересно следить за тем, как бьется мысль

популярным его произведением. Вторая же, условно говоря, часть энциклопедии, автобиографические главы, так и остались в виде фрагментов, привлекающих внимание в основном специалистов. Хотя по художественному уровню многие мемуарные страницы автора не уступят и шедевру «Былое и думы» А. И. Герцена. О других вещах, предназначавшихся для «Энциклопедии», пока говорить не будем.

Мы отметили моменты, сближающий знаменитый роман с автобиографией писателя. Подчеркнем также и то, что их разделяет.

Прежде всего, это принципиальное различие в жанрах. «Что делать?» - роман, художественный вымысел, ловкая игра с «проницательным читателем», остроумное комбинирование в рамках одной книги авантюрно - мелодраматического семейного сюжета, утопических фантазий, деловых проектов (с подсчетом цифр доходов и расходов по мастерской), проблемных диалогов и пр. Главы «Из автобиографии» - это установка на факты, на семейную хронику рода Чернышевских, их родных и близких знакомых, на историю и быт Саратова и отчасти Саратовской губернии в первой половине XIX века, а также собственно автобиографическая часть - рассказ о становлении личности ребенка, мальчика Коли Чернышевского.

Вот эта установка на восприятие мира мальчиком, выращенным в счастливой, почти идиллической атмосфере патриархальной доброты и христианской кротости, и определяет общий настрой «Автобиографии». Этим она сближается с такими книгами, как «Детские годы Багрова - внука» С.Т. Аксакова, «Детство» Л. Толстого. Образ любимого батюшки Г. И. Чернышевского, видного саратовского священника, умевшего соединить искреннюю, но не фанатичную набожность со светски - европейским укладом жизни, навсегда запечатлелся в памяти сына. Но интересно, какой представлялась революционеру - демократу судьба духовного сословия в новой России? Слабой попыткой ответить

на этот вопрос мне представляется бледный схематический образ столичного священника А.П. Мерцалова в «Что делать?». Этот поп и его супруга явно тяготеют к новым людям, Мерцалов после некоторого колебания соглашается обвенчать Лопухова с Верой Павловной - вопреки желанию Марьи Алексеевны. Мы узнаем из романа, что Мерцалов умен, образован, он свободно беседует с Лопуховым и Кирсановым о гражданской войне с США (это один из намеков русскому читателю, что неплохо бы и в России убрать крепостное право), увлечен такой научной новинкой, как минеральное удобрение - отсюда и аллегория двух видов «грязи» во втором сне Веры Павловны, в котором поп Алексей Петрович излагает некоторые мысли Чернышевского о роли труда, о дренаже почвы. Но мы ничего не знаем о том, как все эти передовые научные взгляды совмещаются у Мерцалова со священническим служением - верит ли он в Иисуса Христа или лицемерит в церкви?

В мемуарных записях, во всяком случае, автор нигде, хотя бы иносказательно, не осуждает своих предков, родителей знакомых за их верования. Другое дело - фанатизм. Автор содрогается, рассказывая о об изуверской секте «нетовцев» (спасовцев) из села Копены Аткарского уезда. Страшная сцена, когда главарь секты рубит головы своим единоверцам, возжаждавшим через свою смерть обрести «спасение», заставляет Чернышевского вспомнить об индусских фанатиках. Автор даже готов признать саратовцев «фанатичнейшими из народов и племен, и поколений всех стран и веков». Но, поразмыслив, мемуарист берет свои слова назад и начинает утверждать. «Нет, память не обманывает меня, жизнь моего детства действительно почти не имела соприкосновений с фантазмогорическим элементом, потому что его почти не было в жизни народа» (2-я глава первой редакции автобиографии). Так было или не было? Автор предоставляет нам, читателям, делать собственные выводы. Нам интересно следить за тем, как бьется мысль

писателя. в противоречиях, обусловленных той самой сугубо гротескной патриархальной, провинциальной жизнью, в которой он вырос. Во всяком случае, у Чернышевского - мемуариста было полное право на субъективное восприятие этой саратовской жизни - ведь он из нее вынес куда больше добрых, светлых, радостных впечатлений, чем мрачных.

Итак, мы старались следовать совету Чернышевского - следить за «игровыми» ходами его мысли, за диалектической логикой его образов. Только так можно постигать творческое наследие писателя.

Примечания:

- 1 Эти загадочные англичанки / Составитель Е. Ю. Гениева. М., 1992. С.427-428
- 2 Скафтямов А.П. Художественные произведения Чернышевского, написанные в Петропавловской крепости // Н.Г. Чернышевский. Саратов, 1939. С. 210-252.
- 3 Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С.111-116
- 4 Вахрушев В.С. «Что делать?» Чернышевского и «Ярмарка тщеславия» Теккерея // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования, материалы. Вып. II. Саратов, 1989. С.78-92.
- 5 Веселовский А.Н. Избранные статьи. Л., 1939. С.134-135.
- 6 См. Mill G. S. Auguste Conte and Positivism. Ann Arbor. 1961. P 130-153.
- 7 Н.Г. Чернышевский. Сб. статей. Саратов, 1939. С.136-137
- 8 Демченко А.А. Н.Г. Чернышевский. Научная биография. Саратов, 1994. Ч.4. С.157.

Современная социокультурная ситуация и феномен Н.Г. Чернышевского

Социокультурная ситуация конца XX века - весьма сложное и неоднозначное явление. Ее отличительные черты, формирующие современное культурное пространство как на уровне общества, так и на уровне индивида, можно отметить в следующих областях и направлениях. Во-первых, это расширение самого культурного пространства, вовлечение в него новых культурных явлений и процессов, расширение и разветвление самого феномена культуры. Во-вторых, это отсутствие жестких схем при формировании культурного феномена, постепенный отказ от единого однозначного подхода к реальности. В-третьих, это повышенное внимание к близкому, единичному, конкретному, в отличие от недавнего увлечения далекими горизонтами и жесткими контурами планируемого будущего. В-четвертых, это размывание границ привычного знания, расширение видов познания, его способов, что приводит к смешению нескольких «реальностей» в восприятии мира, явлений, концепций, к наличию равноценных трактовок и интерпретаций. В-пятых, это приводит к выводу о возможном конструировании реальности, что на первый взгляд, вступает в противоречие с тезисом об отсутствии жестких схем. На самом деле это положение вытекает из данного тезиса, так. Как отказ от статичной привязки к имеющемуся контуру будущего позволяет более мобильно существовать в настоящем и использовать для его формирования максимально богатый материал.

Обратившись к краткому описанию черт современной социокультурной ситуации и понимая, что не все они могут приниматься бесспорно, мы все же понимаем, что даже при гипотетическом согласии с этими положениями, встает за-

кономерный вопрос: где же во всем этом место творческому наследию Н.Г. Чернышевского? Где в этих условиях место его личности? Умещается ли он в этих сложных, подвижных, столь непривычных на первый взгляд для него рамках? И второй вопрос: надо ли его туда помещать? Насколько современная культурная жизнь, ее неумолимо отдаляющийся от времени Н.Г. Чернышевского ход нуждается в его присутствии? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Думается, что для начала следует обратить внимание на такой интересный факт, как наличие определенного штампа в восприятии Н.Г. Чернышевского на протяжении практически всей его жизни и последующего ее изучения. Здесь можно выделить как минимум три периода. Первый связан с дореволюционным эталом российской истории. Н.Г. Чернышевский в этих условиях воспринимался как личность харизматическая как сторонниками, так и яркими противниками. Это наблюдалось и во время его петербургской деятельности и особенно усилилось в последние десятилетия его жизни. Такая харизматичность создавала вокруг его личности особый ореол либо великого борца и мученика, либо всемогущего злодея, но в любом случае она вводила от его настоящего образа.

Второй период наступил после 1917 года. Здесь также наблюдается определенное отношение к Чернышевскому, подчеркивающее его вклад в освободительное движение, как его тогда понимали. На этом этапе складывается образ Н.Г. Чернышевского, отличающийся все большей и большей хрестоматийностью, кого бы из него ни пытались сделать - хитрого заговорщика или чистого теоретика. В любом случае в это время формируется образ Н.Г. Чернышевского, вписанный в довольно узкие рамки привычного образа революционера, готовившего почву для будущих великих свершений. Хрестоматийность и статичность данного образа проявилась даже в такой детали, как наиболее

распространенный в советское время портрет Николая Гавриловича, где он изображен пожилым, умудренным опытом человеком, удачно вписывавшимся в галерею подобных портретов, используемых в любой школе или библиотеке. Этот образ весьма далек от молодого, энергичного человека, которым, в сущности, и было написано большинство важнейших работ по истории, экономке, философии, литературоведению и через призму которого легче понять поведение и принципы его литературных героев.

Третий этап начался в середине 80-х годов нашего века. Он обнаружил, что когда-то естественный, потом привычно - навязанный образ Н.Г. Чернышевского все-таки вошел в нашу культуру на самых разных уровнях. Произошло укоренение образа Чернышевского, неразрывно связанного с утопическими снами, идиллическими организациями мастерских и не совсем понятным своей одержимостью Рахметовым. Это укоренение было отмечено даже на уровне массовой культуры в деятельности молодежных рок-групп, писавших песни о «четвертом сне веры Павловны». Сама тема, выбранная молодежным ансамблем, демонстрирующим свежий взгляд на окружающую действительность, отражает уровень знаний и информации о Н.Г. Чернышевском в контексте обыденного сознания. 80-е годы дали возможность увидеть спрессованное максимально упрощенное восприятие Н.Г. Чернышевского. Но именно они дали своеобразный толчок, импульс к тому, чтобы мы, уже не связанные жесткими рамками «обязательного», «положительного» образа постарались увидеть Н.Г. Чернышевского таким, каким он был. Именно в это время была поставлена задача освобождения от человека «штампа» в пользу неординарной личности ученого, оригинального мыслителя, человека высокой нравственной чистоты и цельности.

Тем более, что пристальное изучение наследия Н.Г. Чернышевского дает нам в этой области неограниченные возможности. Именно современные социокультурные под-

ходы позволяют освободиться от произвольной предвзятости, довольно часто проскальзывающей как в научной, так и в популярной, художественной литературе.

Н.Г. Чернышевский оказывается личностью, гибко вписывающейся в современный меняющийся, подвижный мир культуры. Так, например, если отвлечься от той картины будущего, которая рисуется в знаменитом четвертом сне Веры Павловны, то мы обнаружим весьма современный подход к конструированию реальности, который Н.Г. Чернышевский предложил в том же романе «Что делать?». Это те самые мастерские, которые небольшими вкраплениями в окружающую его действительность реально влияли на нее и ее изменяли. Система мастерских вписана в повседневный, узнаваемый мир современников Чернышевского и в то же время настолько неординарна, что воспринимается справедливо как элемент новизны, элемент будущего. С идеей мастерских очень созвучен тезис Н.Г. Чернышевского об отношении в будущем. Мы привыкли к этим словам, но в настоящее время они открывают нам еще один смысл, заложенный в них. «Будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему ... переносите из него в настоящее, сколько можете перенести»¹ (подчеркнуто мною - Е.Л.). Чернышевский воспринимает развитие человечества подвижно, и возможные перемещения определенных реалий для него вполне естественны. Более того, такие смещения оцениваются им как полезные действия, вполне допустимые².

Точно также действуют и его знаменитые герои. Они максимально активны в той среде, где они живут, работают, любят, действуют. Н.Г. Чернышевский очень внимателен к мелким деталям их быта, к той повседневной конкретике, которая составляет жизнь каждого человека. Она делает его героев людьми, близкими нам: на первый взгляд ничем не выдающимися. Но постепенно мы понимаем, что внешняя неброская, слишком конкретная простота и при-

земленность делает этих людей устойчивыми к проблемам окружающей их жизни. Они оказываются отнюдь не ходульными собирательными образами «борцов», ничего не видящих, кроме далекой, контурно обрисованной цели. Они полны близкой им реальностью и именно поэтому способны к ее практическому изменению и переустройству.

Отметим и такую проблему, как перспективы развития будущего общества. В отличие от привычного отношения к Чернышевскому как к утописту, рисуящему идеальное, несколько оторванное от жизни общество, мы находим подтверждение тому, что он представлял себе его развитие как последовательный переход с одной ступени на другую, подкрепленный достижениями во всех областях жизни. Он предупреждал от поспешных скачков, оставляющих позади себя неотработанные моменты, пропущенные позиции, которые лишают общество цельности, стройности, приводят к повторному решению этих задач или к необратимым перекосам (Т. IX. С. 832). Наблюдается удивительно гибкое, современное отношение Н.Г. Чернышевского к вопросам, которые всегда волновали общество.

Итак, сделаем несколько выводов. Современные подходы к решению социокультурных проблем позволяют нам раскрыть в личности Н.Г. Чернышевского новые грани. Благодаря им мы уходим от плоскостного видения его деятельности, от линейности в восприятии его творчества. Особенности методов, предлагаемых современной культурологией, дают возможность объемного видения любого явления или процесса, в том числе и процессов личностных. В условиях смены социальных и культурных парадигм проверяется масштабность и значимость каждой личности, каждого феномена прошлого. Такие подходы выявляют устойчивость одних и преходящее значение других. Углубляя знакомство с творчеством Н.Г. Чернышевского, мы понимаем, что он только выигрывает в этой ситуации, потому что новые условия изучения его наследия дают возмож-

ность всестороннего и объективного освещения его личности в конце второго тысячелетия.

Примечания.

1 Чернышевский Н.Г. Что делать? Саратов. 1977. С. 313

2 Там же

Пушкинские пристрастия Н.Г. Чернышевского на рубеже 1850 - 1860-х годов

Пушкин и его эпоха стали определяющими, знаковыми понятиями в истории национального самосознания, литературного движения в России. Не случайно восхождения пушкинского имени совпадает с драматическими ситуациями российской истории. При жизни Пушкина 1825-й и 1830-1 год, годы обострения отношений между Россией и Европой, всплывший при этом польский вопрос. Poleмика вокруг « пушкинского » и « гоголевского » направлений происходит в годы Крымской войны. Знаменитая речь Ф. М. Достоевского о Пушкине, открывавшая новое знамение поэта, была произнесена в преддверии кризисного состояния России и стала своего рода предупреждением « бесам » и близким им по духу людям.

Пушкин - в смене эпох, смене поколений - большая тема, которая, конечно, не исчерпывается изучением только наследия поэта. Пушкинские статьи Н.Г. Чернышевского привлекали в разное время многих исследователей Е.И. Покусаева, Д.К. Мотольскую, Г.М. Зельдовича, Г.В. Макаровскую, А.А. Демченко и др. Между тем пушкинские пристрастия Чернышевского разнообразны, тактически продуманы, целеустремленны.

Цикл статей « Сочинения А.С. Пушкина » (1855) - быстрая реакция на только что появившееся издание, подготовленное П.В. Анненковым. В первой статье сформулирована ограниченная задача « отчета »: « Мы не будем говорить о значении Пушкина в истории нашего общественного развития и нашей литературы, не будем и рассматривать с этической точки зрения существенные качества его произведений... Мы можем теперь только изучать личность и дея-

тельность Пушкина на основании данных, представляемых новым изданием». Однако уже следующая статья своими поучениями в адрес современной критики, беллетристики выходила за пределы, ранее объявленные. Заключительная же часть, где говорится о выдающемся значении Пушкина в «литературном образовании», является новой мыслью критика о роли поэта в истории национального общественного сознания: «В истории русской образованности Пушкин занимает такое же место, как в истории русской поэзии. Будем же читать и перечитывать творения великого поэта и с признательностью думая о значении их для русской образованности, повторять вслед за ним: «Да здравствуют Музы, да здравствует Разум!»².

Статья третья концентрирует внимание читателей «Современника» «на отзывы, возбужденные в журналах произведениями Пушкина» Они должны послужить «опорой» для заключений критика «о различных фазисах поэтической деятельности Пушкина»³. Чернышевский главным образом опирается на полемические, негативные суждения относительно произведений поэта П. Вяземского, Н. Полевого, Н. Надеждина. Находя, к примеру, в статьях Надеждина «много ошибочного», в то же время, Чернышевский признает, что «в основаниях этих суждений есть много и дельного»⁴. Комментаторы цитируемого издания, верно отмечают «известную прямолинейность» Чернышевского «в сближении аналогичных явлений настоящего и прошлого». «В Полевом и Надеждине он видел предшественников критики «гоголевского периода», то есть Белинского, и порою прочерчивал эту связь с излишней категоричностью»⁵.

Последняя статья посвящена не столько Пушкину, сколько критик «гоголевского периода», ее общему кредо. «Развитие русской литературы было для нее выше увлечения самыми милыми именами, - с одобрением пишет Чернышевский, горячее желание развития жизни и просвещения на родной земле сильнее самой любви к русской лите-

ратуре, которая была ей драгоценна именно потому, что есть двигательница жизни и просвещения»⁶. Статья подводит читателя к новому выбору писательских имен, достойно отражающих своим творческим «содержанием» новые веяния времени. Это Лермонтов, Гоголь, Кольцов.

Такова историко-литературная концепция Чернышевского, складывавшаяся в то время. Она была подтверждена в «Очерках гоголевского периода» (см. Статьи «Первая», «Четвертая», «Пятая») и не только их. В письмах Чернышевского корреспондентам круга «Современника», особенно к Некрасову, постоянно звучит мотив кто есть кто в русской литературе. Любопытно его рассуждение о *публичности* того или иного писателя. В связи с ожидаемым выходом в свет «Стихотворений» Некрасова Чернышевский пишет ему 24 сентября 1856 г.: «Вы на публику имеете влияние не менее сильное, нежели кто-нибудь после Гоголя. Решительно затмевать собою всех остальных, как затмевали Пушкин, Лермонтов, Гоголь, - Вы не имете до сих пор права и не затмеваете - то есть я говорю не о поэтах, вроде Майкова, Фета, и т.п., а о прозаиков, особенно Тургенев и Толстом: они разделяют с Вами внимание или публики (Тургенев) или, по крайней мере, литераторов (Толстой). Но - извините за правду - все-таки первое место в нынешней литературе публика присваивает Вам...»⁷ Рейтинг публичности явно в пользу поэзии, по восходящей линии: Пушкин, Лермонтов, Некрасов. Кольцов не пропущен. В этом же письме повтор: «... Вы одарены талантом первоклассным, вроде Пушкина, Лермонтова, Кольцова».

И все же Чернышевский возвращается к истокам, к феномену Пушкина. В 1856 году он работает над книгой! Александр Сергеевич Пушкин. Его жизнь и сочинения». Предисловие к ней датировано июнем 1856 г. Цензурное разрешение - 21 августа 1856 года. Ее цель была декларирована в «Предисловии издателя»: «... служить для юношества началом знакомства с великим русским поэтом. С этой

целью в ней рассказана а) жизнь поэта по существующим ныне печатным материалам, причем составитель, отдавая предпочтение фактам, рельефно представляющим трудолюбивую, благородную и могучую личность Пушкина; б) представлен краткий очерк произведений Пушкина...» Знаменательна оценка личности поэта. Она отражает антропологизм Чернышевского с его культом личности. Через несколько лет появятся его «новые люди». Вольно или невольно Пушкин в интерпретации его биографа предваряет их. Не случайны некоторые сентенции Чернышевского. По поводу пушкинской страсти к чтению: «...Не удивительно, что он был одним из самых образованнейших людей своего времени. Хотя в школе и считался посредственным учеником. Не с одним Пушкиным было так: люди с блестящими способностями часто пренебрегают школьным преподаванием, которое кажется для них слишком медленно или не касается предметов, особенно интересующих их ум. Только внимательная и нежная заботливость отца или матери может предохранить их от пренебрежения школьными занятиями, ил, - но это уже особенно счастливый и редкий случай - какой-нибудь талантливый и любящий наставник заставляет их шаг за шагом идти вперед.» (гл. III). Вызов казенной школе, призыв к самообразованию.

Заключает книгу разговор о «характере Пушкина», «его привычках». Они также поучительны: «Основными чертами его характера были благородство, мягкость, живость. Благородство было дано ему природою т развито образованностью. Он хотел быть не только чист от всего, что признавал низким или дурным, но держал себя так, чтобы никто не имел права сказать что-нибудь дурное, по его мнению... В одном он оставался всегда неизменен - в привязанности к людям, которых раз полюбил: трудно найти человека, который был бы таким преданным и верным другом как Пушкин». В характеристике просвечивает идеал самого Н.Г. Чернышевского. Цитируемые пушкинские произведения

(«Евгений Онегин» и другие) чаще всего служат иллюстрацией к тем или иным чертам характера, особенностям его личности. Образованность - ключевое слово, имеющее политический подтекст. «Образованным человеком, - пояснял Чернышевский, называется тот, кто приобрел много знаний и, кроме того, привык быстро и верно соображать, что хорошо и что дурно, что справедливо и несправедливо, или, как выражаются одним словом, привык «мыслить», и наконец, у кого понятия и чувства получили благородное и возвышенное направление, то есть приобрели сильную любовь ко всему доброму и прекрасному» (гл. I).

Пушкин оказывается главным действующим лицом в педагогике Чернышевского. Личность Пушкина, его произведения, его общественное значение, несмотря на оговорки критика (о желательной «большей основательности» в его «понятиях» о многих важных вопросах человеческой жизни», сожаление, что якобы «его любознательность не нашла умного и вполне образованного руководителя» и др.) оказываются первостепенными для русской жизни и во многом созвучны новой эпохе.

В авторецензии на биографию («Современник», 1856, № 12) акцент сделан на личность, ее выдающиеся данные. Чернышевский в рецензии подсказывал: «...книжка объясняет читателям, что такое просвещение, литература, поэзия, поэт, великий человек...» В рецензии отмечается, что «интересно предисловие этой книги, заключающее в себе мысль, очень оригинальную и, по нашему мнению, верную». Далее идет выдержка их «Предисловия», воспроизведенная в настоящей статье.

Чернышевский в том же 1856 г. негативно отозвался на речь профессора Казанского университета Н. Булича «Значение Пушкина в истории русской литературы». Он считал ее поверхностной, излагающей общеизвестные факты. К тому же Пушкин для Чернышевского был не академической, историко-литературной персоной, а соучастником

современной для критика эпохи, ее действующим лицом. «Слова Пушкина о русских книгах, - замечает он, - что в них «русский ум зады твердит», остаются справедливыми до сих пор» (Т. III. С. 359). Нравоучение «Отечественным запискам» в связи с полемикой вокруг «Обязательного соглашения»: «Чему же дивятся «Отечественные записки», если некоторые из наших лучших литераторов вступили в «Современник» в такие отношения, в какие вступал Пушкин с одним из тогдашних журналов» (Т. III. С. 727).

Пропушкинская тенденция присуща была и другим критикам революционно-демократического круга. Например, Добролюбов повторяет критическое отношение к последним произведениям поэта (в рецензии на VII том «Сочинений Пушкина»), в духе статей Чернышевского о Пушкине пишет о постижении поэтом «только формы русской народности» («О степени участия народности в развитии русской литературы»). Ему близка мысль Чернышевского о должном наставничестве для молодого поколения: «В умственном отношении от идеального наставника тоже требуется ясность, твердость и непогрешимость убеждений... Самая натура его должна стоять выше натуры ребенка во всех отношениях. Иначе - что выйдет, если учитель будет, например, восхищаться Державиным и заставит ученика учить оду «Бог»; а тому нравится уж Пушкин...»⁸

Вскоре Пушкин, его произведения, особенно «Евгений Онегин», становятся наиболее авторитетными, «своими» в его полемике с «либеральной» критикой. Онегин для него модель, исходный образ в галерее «лишних людей» («Темное царство»), лиризм пушкинской поэзии помогает ему сказать «кто есть кто» в турнирах славословия («Любопытный пассаж в истории русской словесности»), пушкинское послание цензору помогает понять особенности настоящего по отношению к былому («Заграничные прения о положении русского духовенства»). Обличительные мотивы «Внутреннего обозрения» (1861) усиливаются обильным

цитированием «Цыган», «Русалки», «Евгения Онегина». Пушкин для Добролюбова уже явно не поэт только «формы».

Пушкинские «пристрастия» на рубеже 50 - 60-х годов XIX века - часть большой литературы, общественной жизни России той поры. Феномен Пушкина, поддержанный изданием П. В. Анненкова, был катализатором, необходимым для формирования нового общественного сознания.

Примечания:

1 Чернышевский Н.Г. Литературная критика. В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 126.

2 Там же. С. 189.

3 Там же. С. 190.

4 Там же. С. 215.

5 Там же. С. 309.

6 Там же. С. 221.

7 Переписка Н. А. Некрасова. В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 300.

8 Добролюбов Н. А. Собр. соч. В 3 т. М., 1986. Т. 1. С. 260.

Н.Г. Чернышевский и А.А. Иванов.

В июне 1858 года на петербургской квартире Н.Г. Чернышевского состоялась его встреча с художником А.А. Ивановым по инициативе последнего. О подробностях ее (уже после внезапной кончины живописца) сообщил сам Чернышевский, поместив в ноябрьском номере «Современника» за тот же год «Заметки по поводу предыдущей статьи». Poleмический характер «Заметок» объясняется неприятием той интерпретации художественного наследия Иванова, которая вытекала из опубликованной П.А. Кулишем и снабженной его же комментариями переписки художника с Н. В. Гоголем.

«Заметки» Чернышевского воспроизводят имевшую место быть беседу протокольно точно, со всеми оттенками прямой и косвенной речи: «Художник привез ко мне новое издание одного знаменитого немецкого теолого-философского сочинения и французский перевод одного из прежних изданий той же книги. «В новом издании, - сказал он, - автор сделал значительные перемены, так что опроверг некоторые из выводов, на которые соглашался прежде из уважения к воззрениям Неандера. Мне хочется знать, в чем именно состоят эти перемены. Я вас прошу сличить новое издание подлинника с переводом и перевести для меня измененные автором места» (V, 337). Речь шла о книге немецкого теолога, философа, историка, публициста Давида Фридриха Штрауса (1808-1874) «Жизнь Иисуса».

Наиболее концептуальные суждения по поводу данного события были высказаны Ю. М. Лотманом. В статье, опубликованной в «Вопросах литературы» за 1966 год, исследователь не только уточнил дату встречи - 23 июня 1858 года, но и выдвинул ряд принципиальных суждений реконструктивно - источниковедческого плана¹.

Признавая, что запись разговора велась по свежим следам, поэтому ошибки памяти и невольные искажения маловероятны, Ю. М. Лотман тем не менее считает, что Иванов обратился к Чернышевскому вовсе не как к переводчику, отнюдь не «за разъяснением тонкостей теологической позиции Штрауса»². Приходу живописца в кабинет Чернышевского предшествовали, напоминает исследователь, знакомство его с фурьеристом А. Д. Галаховым, изучение сочинений А. Сен-Симона, которое художник был склонен истолковать в духе социалистического утопизма, и новейшие произведения Л. Фейербаха³. Чернышевский называет их неопределенно: «другие исследования подобного рода» (V, 337).

Что же касается Штрауса, то в подобном контексте он мог присутствовать лишь как автор «Заключения», сопровождавшего три издания его книги, в котором речь опять же шла не о богословской экзегетике, но о «будущем человечества и будущем религии»⁴.

Ю. М. Лотман подчеркивал гипотетический характер своих предположений: статья имеет подзаголовок: «К постановке источниковедческой проблемы». Однако данная точка зрения вошла в науку, получила дополнительную фактическую аргументацию А. А. Демченко⁵ и по сей день является наиболее авторитетной.

Не оспаривая вышеприведенных фактов, мы все же попытаемся сосредоточиться именно на теологической проблематике трактата Штрауса, показать органичность и актуальность вопроса в русском искусстве данного периода.

Напомним, что двухтомник «Жизнь Иисуса, критически обработанная Д. Ф. Штраусом» вышел в Тюбингене в 1835 - 1836 гг. и выдержал еще три переиздания. Иванов читал книгу во французском переводе, выполненном Е. Литтре с третьего издания (1839-1840). Перевод четвертого немецкого издания (1840), осуществленный в 1856 г. он и привез Чернышевскому. Вторая редакция с, несколько видоизме-

ненным названием «Жизнь Иисуса, обработанная для немецкого народа Давидом Фридрихом Штраусом» увидела свет уже после смерти художника в 1864 году.

«Неужели вас так сильно занимают исследования этого философа?» - спросил я Иванова, - продолжает Чернышевский. А как же? Ведь я должен знать, каким образом понимают ныне передовые люди нашей цивилизации тот предмет, из которого преимущественно берет свои сюжеты искусство. Художник должен стоять в уровень с понятиями своего времени» (V, 337).

Искусству следует развиваться «сообразно прогрессу общественных идей» - это убеждение объединяло и живописца, мыслителя. (V, 336). И то вниманис, которое оба оказали экзегетике Штрауса, не было случайным.

Штраус положил начало теологическому позитивизму, абсолютизации человеческой ипостаси Спасителя, очищению евангельского текста от проявлений чудесного, считая, что они имеют более позднее легендарно-мифологическое происхождение. Тем самым он открыл широкую дорогу рационализации и десакрализации христианства - Э. Ренану и его последователям. О направленности позитивистских устремлений автора свидетельствует хотя бы элементарное сопоставление вышеуказанного трактата и сочинения Иоганна Августа Вильгельма Неандера (1789-1850), на которое как на некий анахронизм ссылается Иванов в разговоре с Чернышевским (V, 337). В самом деле, Неандер - церковный историк, представитель традиционного христианства. Его книга «Жизнь Иисуса Христа» (1837) написана в противовес Штраусу, в соответствии с догматикой о «неслиянности» т «нераздельности» двух начал в личности Богочеловека. Если Штраус выдвинул в название трактата распространенное в землях Палестины имя Иисус, данное будто бы сыну плотника, галлилейскому рабби, то Неандр, сохранив конкретику, возвысил проповедника до Христа, Мессии, Помазанника. Того, Кому Бог «дал... имя

выше всякого имени»⁶. Такое противостояние названий двух богословских сочинений имеет глубокую подоплеку. Уже в наше время, развив оппозицию Иисус - Христос до логического абсурда, некоторые богословы серьезно задаются вопросом: «Осуществимо ли христианское понимание бытия без Христа?»⁷

Разумеется, книга Штрауса далека от современных крайностей. Основной акцент сделан в ней на личности Спасителя, на анализе скрытых психологических основ его деятельности. Утверждая, что в евангельском пророке «не заключается ничего сверхъестественного, ничего такого, что требовало бы от человека слепой. Беззаветной веры и преклонения перед авторитетом»⁸, Штраус продолжает: «Иисус - лишь человек, в котором это углубленное самосознание впервые превратилось в силу, определяющую его жизнь и существо»⁹. Подобная разработка психологических основ христианского учения, развитая немного позднее Людвигом Фейербахом, и Ивановым, и Чернышевским воспринималась как своеобразное научное откровение.

Автор диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» характеризовал немецкого теолога как выразителя левого гегельянства, «Сильнейшего представителя» того направления в философии, которое высказывает «мнения решительно прогрессивные» (II, 120). Иванов же рассматривал трактат Штрауса среди тех книг, с помощью которых он пробует «созидать» новый для него путь «Искусства в эскизах»¹⁰. Одним из следствий принятого решения явилась его поездка в Германию (1857 г.) с намерением пригласить ученого в Рим, чтобы тот определил степень соответствия картины «Явление Христа народу» новейшим философским воззрениям. Однако намерение осуществить не удалось: Штраус, как передает И. С. Тургенев впечатление Иванова, «вероятно, принял его за сумасшедшего, тем более что разговор происходил со стороны Штрауса на латинском, а со стороны Иванова на итальянском языке, так

как Иванов не понимал по-немецки». К тому же, продолжает Тургенев, должно заметить: «Иванов плохо понимал полатыни, а Штраус - по-итальянски»¹¹.

Тем не менее, неудача в установлении личного контакта не остановила живописца, и он замыслил принципиальную переработку своего знаменитого полотна. По свидетельству Чернышевского, Иванов «говорил, что не хотел бы в настоящем виде показывать публике свое произведение», считая, что предстоит многолетняя работа «над развитием своих понятий о том, каков должен быть характер искусства по духу нынешнего времени» (V, 336).

В чем же заключался этот «дух времени»? В каком направлении живописец намеревался перерабатывать свое творение? В поисках ответа на подобные вопросы обратимся к анализу картины Иванова в том ее виде, в каком она была привезена в мае 1858 года в Петербург и выставлена в Зимнем Дворце.

В качестве художественного объекта живописец взял момент встречи Иоанна Крестителя с Тем, во имя Кого совершалось крещение. Новая вера еще только входит в сознание людей; законы отцов не вытеснены окончательно. И этот перелом, исторический, мировоззренческий, духовный, выраженный сюжетно, - «ход обращения человека ко Христу», как сформулировал Н. В. Гоголь¹², открывал богатейшие наблюдения душеведческого плана.

Эти возможности реализованы художником сполна. Ни одна поза, ни один поворот туловища, ни один жест не случайны. Человек, привыкший ощущать себя мерой вещей, столкнулся с Высшей Мерой и Истиной, обнаружив при этом полную растерянность и смущение духа. Показательны расположенные визави изображение старика, сидящего с обнаженной спиной, и фасовое изображение Мессии. Последнее отсылает к Спасу Вседержителю, верховному Судии в то время, как человек, показанный со спины, мыслится беззащитным, не имеющим опоры и не подозре-

вающим о грозящей опасности¹³. Что же касается толпы в целом, то она нестра, динамизирована, психологизирована: каждый со своей судьбой, своими запросами, грехами. По существу перед нами соборная личность, изображенная во временно-возрастной динамике на всех ступенях роста, физического и духовного. В каждом детском, зрелом, старческом лице проявляется событие, отдельные моменты которого в своем слиянии также символизируют различные стадии общего переживания в их неповторимости. Не случайно так упорно учился Иванов мастерству у великих итальянцев эпохи Возрождения.

Тем не менее, далеко не все выдержано Ивановым в традициях искусства Нового времени.

В самом деле, Иоанн Креститель и иудеи, стоящие между верой и безверием, представлены художником крупно, со всеми оттенками чувств и мыслей. Однако, Сам, Явленный народу, строг и прям, обращен ко всем и никому в отдельности. Он не спешит с жестами милосердия или гнева. Более того, Спаситель, хотя и дан на возвышении, тем не менее, отодвинут вглубь, и фигура Его, если подходить с законами прямой перспективы, непропорционально уменьшена. Вспомним Евангелие: «Я крещу вас в воде в покаяние, но идущий за мною сильнее меня»¹⁴. Определение «сильнее меня» дано Иоанном Спасителю¹⁵, но с формально-композиционной точки зрения кистью художника оно не подкреплено. Миниатюрная фигура Христа, кажется, нарушает смысловую и историческую иерархичность образов: Предтеча объемнее, композиционно значительнее Того, во имя Которого он пришел. Способен смутить и сделанный Ивановым акцент на горизонтали: столь естественная для полотна на новозаветную тему вертикаль, долженствующая соединить землю с небом, сдвинута с краю (дерево) и опять-таки явно уменьшена фигурой Христа.

Все эти видимые, а на самом деле ложные несоответствия давали повод к различного рода суждениям. Критики

говорили о несовпадении формы и содержания, о несообразности затраченных усилий и полученных результатов¹⁶. Представители апофатического богословия нашли бы еще один довод в подтверждение тезиса о неизобразимости Божества¹⁷. Л. Фейербах, считавший, что христиане вообще не имеют удовлетворяющего их изображения Христа, разъяснял: Христос - одновременно человек и не человек, т.е. нечто неопределенное и «двусмысленное». Искусство же изображать «двусмысленное» не может¹⁸.

Не будем отрицать: подобные суждения отчасти справедливы, если подходить к воспроизведению евангельского текста с законами «здесьнего» мира. Однако живописное полотно Иванова выходит за рамки светских или атеистических представлений и требует иной точки отсчета, иных критериев.

В фигуре Крестителя, обращенной на три четверти к зрителю, в его жесте, устремленном к Христу, сказано многое: горение воли, нетерпение - т.е. все то, что свойственно человеку. Сам же Спаситель, обладая полнотой человеческой природы, неслиян с физическим миром. Он над страстями и над временем

Далее. Согласно правилом прямой перспективы, узаконенным искусством Нового времени, следовало не только увеличить размеры фигуры Христа, но и уменьшить объем ближайших. У Иванова этого нет, ибо он создает композицию по законам евангельской логики: «Многие же будут последними, и последние первыми»¹⁹. Что касается изображенного дерева, будто бы отодвигающего вертикаль от центра на периферию, то оно в таком контексте предстает как перспектива истории человечества, древо мира (*arbor mundi*) - олицетворение Креста, символа смертных мук и воскресения Спасителя. Но особенно важно, что образ Христа, как и следует по религиозным канонам, не психологичен, а антипсихологичен, что и выражает вторую божественную часть Его природы. Это бесстрастное и невоз-

мутимое Божество, Лик которого не превращен в лицо, отяжеленное борьбой чувств и настроений. Именно такого Спасителя мы часто видим на иконах. «Икону должно или недооценивать, или переоценивать, но ни в коем случае не застревать на психологической, ассоциативной ее значимости...» - писал П. А. Флоренский²⁰.

Своеобразие полотна Иванова заключается, следовательно, в синтезе иконографической статики и психологизированной пластики. Этот синтез в высшей степени концептуален, ибо выражает единство временного и несоизмеримого, вечного, исторического и метафизического, земного и трансцендентного.

Уникальность замысла художника тонко почувствовал, в отличие от светских знатоков искусства, архимандрит Феодор (А.М. Бухарев). В его рецензии картина получает более всеобъемлющее название: «Явление Христа миру» и глубоко обосновывается тот факт, что живописец «изобразил Господа далеко не на первом плане картины» - ведь Христос явился «не для Себя Самого, а нас ради человеков»²¹. Еще ранее глубоким интерпретатором полотна выступил Н. В. Гоголь, посвятивший Иванову отдельную главу в «Выбранных местах из переписки с друзьями». «Явлением Христа народу», по мнению писателя, «совершилось воспитанье собственно художника» и выразилась тенденция, направляющая искусство к его «законному и высшему назначенью», т.е. к религиозным истокам²².

Однако сближение с теоретиками утопического социализма, активизировавшееся со второй половины 1840-х годов (на чем делает основной акцент Ю. Лотман), привело к усилению позитивистских тенденций в мировоззрении Иванова. Он действительно начинает рассуждать «в духе нынешнего времени»: «Мир еще не сотворен и не окончен, но теперь в воле небесной ускорять его окончание и приближать к себе Царство Небесное, т.е. повсеместное нравственное совершенство»²³. Нравственное совершенство -

это и есть позитивистски-утилитарное рационалистическое понимание христианского учения без его высокой метафизики.

Позитивизм сказался и в работе над новыми эскизами к полотну. Утверждение живописца, воспроизведенное Чернышевским, свидетельствует о точном понимании художником концептуальных и технических основ своей будущей деятельности. «Со стороны техники», по его мнению, следует остаться верным принципам «итальянской живописи». «Отступления назад» - к «византийскому стилю» не только «невозможны», но и «не заслуживают сочувствия» (V, 339).

Совершенно очевидно, что под византийским стилем понималась иконографическая традиция, вытеснение которой сделало бы полотно Иванова технически однородным, более приспособленным к зрительскому восприятию, но при этом лишенном трансцендентной таинственности. Физическая конкретика и телесная пластика как бы «примеривалась» к фигуре Спасителя. Еще Гегель считал необходимым заметить: «Христос, подвергшийся бичеванию, обвитый терновым венцом, несущий крест... не может быть изображен в формах греческой красоты»²⁴.

Здесь и пришли «на помощь» сначала Д. Штраус, потом Л. Фейербах с заземлением Мессии и постепенным переводом Божественного Откровения в область элементарных переживаний верующего субъекта. В соответствии с усвоенными «уроками» Иванов намеревался картину, исполненную величия и спокойствия, исходящих от фигуры Христа, переработать в сторону увеличения экспрессии и морализаторства, психологического аффекта: «нужно сделать самый большой контраст в эпизоде представить грубейшее чувство человеческое приведенное Иоанном в раскаяние и в слезах образовавшееся показавшемуся вдали Спасителю» (орфография и пунктуация сохранены - Л. Ж.)²⁵.

«Раскаяние», «слезы», «грубейшее чувство человеческое» - это уже область психологических изысканий, при-

чем в их драматической экспрессивности и напряженном моральном пафосе.

В этом и обнаруживается точка соприкосновения Иванова с Чернышевским не только как с последователем Л. Фейербаха, названным «великим деятелем современной европейской науки» (IV, 318), но и как с почитателем позднего Гоголя, объявившего «психологический вопрос» «главным предметом своего творчества» второй половины 1840 - начала 1850-х годов²⁶.

В ситуации Иванов - Чернышевский Гоголь сыграл роль опосредствующего звена. «В аскетических письмах Гоголя веет тот же самый дух ослепленного экстаза...» (IV, 648), - писал критик и, в отличие от большинства, не принимавшего «выбранные места» в силу их идеологической «порочности», объяснял появление книги не только определенным образом мыслей, но и некоторыми сторонами «гоголева характера» (III, 539). Однако внутреннее состояние Гоголя последнего периода, его душеведческие разыскания также неотделимы от проблем теологии и, в частности, от художественной христологии. «Книги законодателей, душеведцев и наблюдателей за природой человека стали моим чтением... и на этой дороге, нечувствительно, почти сам не ведая как, я пришел ко Христу...»²⁷ Еще более показательно другое признание: «...Я встретился со Христом, изумясь в Нем прежде мудрости человеческой и не слыханному дотоле знанию души, а уж потом поклоняюсь Божеству его»²⁸.

С православно-догматической точки зрения подобного рода утверждения звучат еретически. Во-первых, перед нами явно очеловеченное восприятие Бога. Во-вторых, из двух природ, соединенных в Богочеловеке «неслитно, непревращенно, неразделимо, неразлучно»²⁹, предпочтение отдается человеческой ипостасям Христа. Т.е. логика, которой руководствовался Гоголь в данном случае, - это логика Д. Штрауса, Л. Фейербаха, А. Иванова и Н.Г. Черны-

шевского. Последний, к сожалению, не ошибся, когда увидел в «новом» Иванове предвестника будущего, чьи интересы и понятия соответствуют духу времени.

Так, Л. Фейербах, видя главную задачу в превращении теологии в антропологию, практический способ очеловечивания Бога нашел в наиболее позитивистской разновидности христианства - протестантизме: «Богом протестантизма был только тот бог, который есть человек, человеческий бог, то есть Христос»³⁰.

Установка на психологическую достоверность и высокую степень очеловечивания Мессии, на драматизацию евангельской ситуации оказались глубоко созвучны новым веяниям в русском искусстве, философии, богословии последующих десятилетий.

Так, И.Н. Крамской, создавая полотно «Христос в пустыне» (1872 г.) дал образ, написанный «слезами и кровью»³¹. «Евангельский рассказ, какова бы ни была его историческая достоверность, есть памятник действительно пережитого человечеством психологического процесса», - убеждал художник³².

На такого «современного» Христа сразу откликнулся И.А. Гончаров. Вторя позитивистам, писатель считал, что ничья кисть не изобразит его как Богочеловека. Искусство, бессильное в сфере чудесного, способно представить совершенное существо не от мира сего лишь «в чистейших и тончайших человеческих чертах», «в нищем виде», «в смиренной простоте, неразлучной с истинной величию и силой»³³.

Борец за правду, народный заступник, герой-одиночка, мученик идеи - все эти определения, имевшие широкое хождение в секуляризованных кругах русской интеллигенции второй половины XIX века, явились следствием именно такого заземленно - психологического, очеловеченного восприятия Спасителя.

Сказанное позволяет более широко, чем это делается в литературоведении, поставить проблему художественного психологизма. Ни одна наука не существует без аксиом. С аксиомами, разумеется, необходимо считаться, не превращая их, однако, в предрассудки. По устоявшимся представлениям, развитость психологического анализа в произведениях искусства давно приобрела положительно оценочный статус.

Между тем нельзя не принимать, что психологизация действительности и развитие различных форм психологического анализа не отделимы от процесса секуляризации европейской культуры, ее гуманизации, т.е. перемещения акцента с вопросов теодицеи на вопросы антроподицеи. С одной стороны - это усиливало позиции человековедения, с другой приводило к прямой (а чаще косвенной) поддержке позитивистских и атеистических тенденций.

Не случайно проницательный А. С. Пушкин вложил в уста Мефистофеля фразу. «Я психолог» («Сцена и Фауста»). Ф. Ницше признавался более откровенно: «В моих сочинениях говорит не знающий себе равных психолог»³⁴. Или: «Мне интересен психологический тип Спасителя»³⁵.

Однако Ф.М. Достоевский категорически отрицал собственный психологизм: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой»³⁶. Или: «Все эти сердцеведы и психологи бросятся в народ и понесут ему Христа нового, уже на все согласившегося», - так иронически писатель называл западных ревнителей «демократического» католицизма, прокладывающих дорогу Антихристу³⁷.

Спрашивается, о каком «реализме «в высшем смысле» идет речь? Почему он несовместим с психологизацией повествования? Каким образом «сердцеведы и психологи» активизируют антихристианские силы в обществе?

Повидимому, нельзя не учитывать, что во второй половине XIX столетия культурный утилитаризм, философский

позитивизм, переходящие подчас в нигилизм и атеизм, и «безысходный психологизм» (определение Г.В. Флоровского³⁸) развивались синхронно, часто взаимодействуя друг с другом. Более того, на смену религиозной догматике пришла так называемая «религия сердца», которую усиленно развивали представители «нового богословия» (М. Тареев, В. Несмелов, А. Беляев и др.) «В богословии возможен двойкий путь: сверху или снизу, - от Бога или от человека, - от Откровения или от опыта»³⁹. Стремление «идти снизу» способствовало переводу метафизических понятий на язык обычных человеческих отношений, вело к растворению христианской догматики в категориях светской морали, к восприятию религиозного подвижника, церковного деятеля как «духовного мудреца», «сердцеведа», «наставника жизни». Г. В. Флоровский оценивал подобные тенденции в русской религиозной философии как глубоко кризисные.

Двойственный характер психологических новаций, связанных с именем Льва толстого, был достаточно ясен некоторым его современникам. Так, Д. И. Писарев, считая писателя «глубоким психологом» и, подобно Чернышевскому, восхищаясь его мастерством, тем не менее отмечал, что Л. Толстой «с упорным вниманием», «с неумолимою последовательностью» разбирает не только «самые сокровенные побуждения», но и «самые мимолетные», «по-видимому, случайные движения души»⁴¹. А. Григорьев прямо задавался вопросом: подлинно ли искренность Льва Толстого «есть непосредственная, наивная, или в ней есть тоже своего рода надломленность и тронутость?»⁴²

Подобные нетрадиционные суждения порождены скорее не самим феноменом Л. Толстого, но предчувствием опасности морального релятивизма и скептицизма, которую заключает в себе психологический анализ в его автономности и безотносительности к христианским измерениям бытия.

Для религиозно мыслящего человека показать сложность характера - не самоцель. Существует некая «задушевная

глубина», - считал главный оппонент Чернышевского П.Д. Юркевич⁴³. Психология не может и не должна отрешиться от метафизических представлений о сущности мира.

Таким образом, экзегетика Д. Штрауса, ставшая главным предметом разговора Чернышевского с Ивановым в июне 1858 года, действительно обнаружила созвучность новейшим научным и художественным веяниям. Проблемы теологии и прежде всего христологический вопрос имели принципиальное значение для формирования психолого-гносеологической концепции русского искусства эпохи Чернышевского и последующих десятилетий. Встреча философа с художником - одно из важнейших звеньев этого многомерного и неоднозначного процесса.

Примечания.

- 1 Лотман Ю. Беседа А.А. Иванова и Н.Г. Чернышевского: К постановке историко-философской проблемы // Вопросы литературы. 1966 № 1. С. 131-135.
- 2 Там же. С. 133.
- 3 Там же. С. 134.
- 4 Там же. С. 133.
- 5 Демченко А.А. Н.Г. Чернышевский. Научная биография. Саратов, 1984. Т. 2. С. 167-173.
- 6 Послание к Филиппийцам. Гл. 2. Ст. 9.
- 7 См. напр.: Бультман Р. Новый Завет и мифология: Проблема демифологизации новозаветного предания // Вопросы философии. 1992. С. 26.
- 8 Цит. по: Штраус Д. Ф. Жизнь Иисуса: Обработанные для немецкого народа книги первая и вторая / Пер. с нем. В. Ульриза. М., 1992. С. 26.
- 9 Там же. С. 28.
- 10 Цит. по: Зуммер Вс. О вере и храме Ал. Иванова. Киев. 1918. С. 24.
- 11 Тургенев И. С. Полн. собр. соч. : В 30 т. М., 1983. Т. XI. С. 76.
- 12 Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. : В 14 т. М.-Л., 1952. Т. VIII. С. 330.
- 13 Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-образительных произведениях. М., 1993. С. 144-145.
- 14 Евангелие от Матфея. Гл. 3, ст. 11.
- 15 Евангелие от Марка. Гл. 1, ст. 7. Ср.: Евангелие от Луки. Гл. 3, ст. 16.
- 16 См. Мамонов В.А. Русская художественная критика конца 1850-х - начала 1960-х годов о картине А. А. Иванова «Явление Христа народу» // Русская литера-

17 См. Карташев А. В. Вселенские соборы. М., 1994. С. 471.

18 Фейербах Л. Избр. философские труды. В 2 т. М., 1955. Т. I. С. 118-119

19 Евангелие от Матфея. Гл. 19. Ст. 30.

20 Флоренский П. А. Иконостас. Избр. труды по искусству. СПб., 1993. С. 49.

21 Бухарев А. М. (Феодор, архимандрит). О православии в отношении к современности. СПб., 1860. С. 225

22 Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 329.

23 Цит. по: Поликарпов В. П. Философские предпосылки творчества А. Иванова. Советское искусствознание - 74. Сб. статей. М., 1975. С. 190.

24 Гегель Г. В. Ф. Эстетика. М., 1969. Т. 2. С. 14.

25 Цит. по: Зуммер В. О вере и храме Ал. Иванова. С. 14

26 Гоголь Н. В. Полн. Собр. соч. Т. VIII. С. 486. См. также: С. 442, 445 и др.

27 Там же. С. 445.

28 Там же. С. Т. XIII. С. 214.

29 Карташев А. В. Вселенские соборы. С. 274-275.

30 Фейербах Л. Избр. философские труды. В 2 т. Т. I. С. 136

31 Крамской И. Н. Письма, статьи. В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 133, 218

32 Там же. С. 654.

33 Гончаров И. А. Собр. соч.: В 2 т. М., 1980. Т. 8. С. 64, 73.

34 Ницше Ф. Собр. соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 726, 654.

35 Там же. С. 654.

36 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972-1990. Т. 2. С. 65.

37 Там же. Т. 22. С. 89.

38 Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 290-291

39 Там же. С. 445.

40 Там же. С. 443-450.

41 Писарев Д. И. Собр. соч.: В 4 т. М., 1955. Т. I. С. 34.

42 Григорьев А. А. Собр. соч. / Под ред. В. Ф. Саводиника. М., 1916. Вып. 12.

43 Многие из аналогичных суждений собраны в кн.: Громов П. П. О стиле Льва Толстого. Становление «диалектики души». Л., 1971.

44 Юркевич П. Д. Философские произведения. М., 1990. С. 113 и сл.

Женский вопрос в романах «Что делать?» и «Идиот»

Поставленные рядом, названия этих двух романов выглядят в равной степени эпатажно, вызывающе. «Скандальность» даже на уровне названий не кажется случайной, ибо обе книги рождены литературной полемикой. Весьма резонансной была вся история романа Чернышевского, как, впрочем, и биография автора. Опубликованный пять лет спустя, роман «Идиот» пропитан скрытой и явной полемикой с Чернышевским. Он представляет собой местами литературный диалог с концепцией и текстом романа «Что делать?». Достаточно вспомнить, например, название первой главы романа Чернышевского - «Дурак», или идейно значимые имена-символы «Вера» и «Павел», варьируемые с различным значением, в текстах обеих книг. Действие в обоих романах начинается с появления на Петербургской железной дороге странного пассажира (Лолухова, Мышкина) и мотива убийства - водном случае ложного, в другом - вполне реального, но отодвинутого в будущее. На философском уровне обоих авторов волнует проблема соотношения ума и безумия, образования и невежества, веры и любви.

Оба романа можно считать утопиями - социальный у Чернышевского и религиозно - нравственный у Достоевского. Используя более широко выражение Н. Страхова, эти романы пытались научить, «как быть счастливым». И независимо от различной результативности попыток, диалог Достоевского с Чернышевским оказался весьма продуктивным.

В романе «Идиот» налицо избыточное количество текстовой «переклички» с «Что делать?». Рассмотрим аспект,

являющийся, возможно, важнейшим - во всяком случае, для Чернышевского и Достоевского - «женский вопрос». В узком значении - это взгляд на проблему женской эмансипации в России середины XIX века. В более широком смысле «женский вопрос» почти всегда оказывался значимым не только для женщин, ибо он - о месте женщины в жизни мужчины, о любви, о браке, о семье, о свободе и т. д.

Именно этой проблематике целиком посвящен роман «Что делать?». В нем евангельская символика и лексика наполнена нетрадиционным смыслом, превращающим книгу в некое «новое Евангелие» без Христа. Здесь и «новая жизнь», и «новые люди», и «особенный человек», по-евангельски названный «солью соли земли» и многое другое¹.

Роман «Идиот», напротив, продолжает все основные темы книг Нового завета без переосмысления религиозных символов, разве только заостряя и усиливая их. Роман об утрате и поисков ее «по-апостольски» остро поднимает тему необходимости православной веры в России, находящейся как бы накануне Страшного суда и Воскресения. В центре событий - «положительно прекрасный человек», преданный православию, в отличие от «новых людей» и «особенного человека» и спор с ними и их последователями. Князь Мышкин напоминает апостолов первоначального христианства. Он оказался в эпицентре трагических событий и в центре любовного «многоугольника», в котором никто и ни с кем не «пересекался» и никто не обрел счастья и любви.

Сложность и противоречивость человеческой природы в персонажах Достоевского противопоставлены кажущейся простоте любовной коллизии в романе «Что делать?». Адресная полемичность романа «Идиот» проявляется не только в проблемах, но и на уровне персонажей, их личностей, биографий и даже имен.

!Особенному человеку» Рахметову (очень популярному в молодежной среде в 1860-е годы) явно противопоставлен тоже необычный человек и тоже с миссией «спасителя» - князь Мышкин. Вера Лукьяновна Лебедева, выныривающая сестру Любовь и Вера Павловна Розальская с Царицей Любви в своих «исторических» снах, при всей их человеческой и сюжетной несхожести, могут быть сопоставлены в связи с проблемами веры и любви, центральными для обоих романов. И даже доктор Шнейдер из Швейцарской клиники, где лечили князя Мышкина, как-то странно напоминает о ...швейной мастерской: фамилия доктора в переводе с немецкого означает «портной».

Очень значимо обращение обоих писателей к личности и имени первоверховного апостола Павла. Общеизвестно его значение в истории христианства как второго после Христа основателя новой религии, без деятельности которого вряд ли бы христианство имело такое распространение в мире. Имя «Павел» встречается в тексте «Идиота» в различных вариациях². В романе «Что делать?» оно представлено в отчестве главной героини, провозвестницы новой жизни, символе эмансипации. Соединение в одном лице столь значимых для православного сознания имен - Вера и Павел - можно рассматривать как заявку на «новую религию», «новый порядок вещей», тем более, что сами понятия «новые люди» и «особенный человек» имеют библейские корни.

Чернышевский свой роман посвятил жене О.С. Чернышевской. Ее любимым цветком была роза, отсюда фамилия главной героини - Розальская. Но как бывший семинарист, Чернышевский, конечно, знал, что роза занимает важное место в древнехристианской символике Христа и Девы Марии. И это было немаловажно для автора.

В обоих романах персонажи ищут идеал справедливости и счастья. В «Что делать?» эти поиски увенчиваются успехом. Любовный «треугольник» благородными действиями троих его участников превращен в две счастливые семей-

ные пары: сначала Вера Павловна обрела счастье с Кирсановым, затем Лопухов, изменив в своей жизни все, включая имя и биографию, становится мужем Катерины Полозовой. Герои разрешили сложную любовную коллизию благородно и в общем-то традиционно. Верочка не согласилась на предложение Лопухова (поддержанное, правда, не Кирсановым, а Рахметовым) - о «браке втроем», хотя этот тип отношений в реальной жизни уже существовал и был известен Чернышевскому из опыта семьи Шелгуновых и Панаевых. После публикации романа о «новых людях» процессы эмансипации получили дополнительное ускорение, гражданские браки и союзы множились, правда, успешное разрешение (как у Шелгуновых) получали не многие из таких союзов.

Взгляд на «женский вопрос» у Достоевского иной не только в силу его личного опыта, но и по причинам исторического характера. В 1864 - 1867 годах в России произошло много событий - от казни Д. Каракозова до массового женского движения по пути экономической, интеллектуальной, эмоциональной и сексуальной свободы.

Хотя, возможно, личный опыт имел более важной значение: знакомство Достоевского с сестрами Корвин-Круковскими и А. Суловой отразилось на его творчестве. Сложные женские характеры и судьбы в романе «Идиот» представлены в образах Настасьи Филипповны и Аглаи. Героини имеют разные биографии. Их роднит болезненно острая гордость - первый из семи смертных грехов, который должен побеждаться кротостью и смирением. Отчасти Настасья Филипповна имеет своей литературной предшественницей героиню из романа Чернышевского или даже двоих - куртизанку Жюли Ле-Теллье и падшую женщину Настасью Борисовну Крюкову, «спасенную» Кирсановым. В сюжете «Что делать?» они играют небольшую роль, но в плане идейном «ведут» очень важную тему. «Спасение» погибшей женщины и выведение ее из «подвала» к осмыс-

ленной жизни - лейтмотив «женского вопроса» в те времена. Евангельский мотив спасения присутствует в обоих романах. Но Чернышевский пытается наполнить это понятие социальным смыслом, а для Достоевского важно его христианское значение - спасение души.

Все мужчины в «Что делать?» кого-нибудь спасают, выводят из «подвала». (Любопытно, что в «Идиоте» есть персонаж, фамилия которого в переводе с немецкого означает «подвал». Это Келлер - его тоже как бы выводит из «подвала», от тьмы лжи к свету истины князь Мышкин).

Тема спасения падшей женщины, восходящая к евангельской встрече Христа и Магдалины, - сквозная для романа «Идиот», причем в тексте постоянно подчеркивается ее евангельское происхождение и христианское «звучание». В пятой и шестой главах первой части выстраивается цепочка эпизодов, связанных друг с другом этой темой.

Рассказ князя Мышкина о гильотинировании предшествует его совету Аделаиде Епанчиной взять сюжет для ее картины - лицо приговоренного к смерти за минуту до казни: «голова, лицо бледное, как бумага, священник протягивает крест, тот с жадностью протягивает свои синие губы и глядит, и - все знает. Крест и голова - вот картина...» (8, 56) Князь видел гильотинирование в Лионе (как символично название города напоминает имя Мышкина!). Но в сознании читателя возникает еще один образ - лик с иконы «Спас Нерукотворный», тема приговоренности и жертвенности. Затем князь рассказывает о швейцарской «падшей» девушке Мари, за ее грех презираемой и гонимой всеми, включая ее мать, к тому же погибающей от чахотки. (Рассказ князя построен на евангельских аллюзиях даже на визуальном уровне: побивание камнями Мари, рассыпавшиеся по полу волосы, омовение ею ног матери, целование рук Мышкину, ее имя, розы на ее могиле и т. д.) Отношение князя к Мари проникнуто состраданием и христианской

любовью. Перед земной кончиной Мари воскресла духовно, обрела счастье, ибо она прощена князем и детьми

Сразу за этим рассказом следует эпизод с портретом Настасьи Филипповны. Мышкин в глубокой задумчивости смотрит на портрет. Знаменательны (в буквальном смысле, т.е. Служат знамением дальнейших событий) реплики собеседников: «В этом лице страдания много... - проговорил князь как бы невольно, как бы сам с собою говоря, а не на вопрос отвечая... - Такая красота - сила. - горячо сказала Аделаида. - с этакую красотой можно мир перевернуть!» (8, 69. Подчеркнуто мною - С. К.).

За несколько минут до этого диалога князь, в одиночестве, внимательно рассматривая портрет, пытался понять «необыкновенное по своей красоте и еще по чему-то лицо» - «ему как бы хотелось разгадать что-то скрывавшееся в этом лице...» (8,68). И это что-то было не просто сочетанием гордости, презрения, «почти ненависти» с простодушием и доверчивостью, которое он отметил, прежде чем поцеловать портрет. Автор «помогает» читателю увидеть характерные черты: «...красота бледного лица, чуть не впалых щек и горевших глаз: странная красота!» (8, 68). В финале романа, перед несостоявшимся венчанием князя с Настасьей Филипповной читатель опять вспомнит о лице «Спаса нерукотворного», увидев ее лицо: «Настасья Филипповна... вышла... бледная, как платок; но большие черные глаза ее сверкнули на толпу как раскаленные угли. Этого-то взгляда толпа и не вынесла» (8, 493). Сама героиня, поглядев в зеркало, заметила. Что она «бледна как мертвец» (8, 492).

Не случайно. уже внутренне романа и Мышкина и читателя охватывает предчувствие трагедии. Именно это повергло князя в глубокую задумчивость: «он «увидел» в лице на портрете «приговоренность», гибельный конец, близкое дыхание смерти. (Это становится более ясным. Когда Рогожин говорит князю, что он, пожалуй, зарежет Наста-

сью Филипповну). Фабула романа построена на попытках Мышкина спасти Настасью Барашкову - в евангельском понимании этого слова. Его чувство к ней имеет христианское «звучание», и это дважды акцентировано на метафорическом уровне: в рассказе о Мари и в эпизоде «Рыцарь бедный» - с подчеркнута рыцарским, «небесным», не плотским преклонением перед красотой. Этой же теме служит и сравнение Мышкина с Дон-Кихотом. Князь не смог предотвратить трагическую гибель Настасьи Филипповны. Подобно тому как не смог врач Кирсанов спасти Настасью Крюкову, умершую от чахотки. Героини обоих романов носят имя, означающее по-гречески «воскресение», обе переживают духовное воскресение. В подготовительных материалах Достоевский указывает: «Настасья Филипповна. . . видит новый мир и перевоспитание в том, что князь с ней так говорит» (8, 245), «У генеральши знают наконец, что он перевоспитывает Н<астасью> Ф<илипповну> и воскрешает душу...» (9, 246). В окончательном тексте остается порыв к новой жизни у героини.

Драматична судьба Аглаи, ее «погубил» тот же грех - гордость, первый из семи смертных грехов, закрывающий православному человеку путь к спасению. И хотя жизнь Аглаи не столь трагична, но, в представлении автора, лишена благодати как условия спасения. Аглая так и не находит любви и понимания. В финале она выходит замуж за польского графа, становится «членом какого-то заграничного комитета по восстановлению Польши» (8, 509) и, видимо, привержена католицизму. Для автора это «хуже, чем атеизм» (словом «террор» обозначили замужество ее мать и князь Щ.). И все это как бы следствие «женского вопроса», часто обсуждаемого в романе в связи с Настасьей Филипповной и Аглаей. Лизавета Прокофьевна Епанчина возмущалась еще до «бегства» Аглаи: «Девушка в доме растет, вдруг среди улицы прыг на дрожки: «Маменька, я на днях за такого-то Карлыча или Иваныча замуж вышла,

прошайте» (8, 237). Именно о бегстве из дома говорит Аглая в объяснении с князем. Это, несомненно, аллюзии, навеянные романом «Что делать?». «Нигилистки растут, да и только!» - говорила про себя поминутно Лизавета Прокофьевна, имея в виду своих трех дочерей (8, 271).

Последняя часть романа «Идиот» открывается монологом «рассказчика» по поводу того, что «стоило некоторым из наших барышень остричь себе волосы, надеть синие очки, чтобы тотчас убедиться, что надев очки, они немедленно стали иметь свои собственные «убеждения» (8, 271).

Еще более саркастически «рассказчик» передает обывательское впечатление о том, как князь Мышкин ради Настасьи Филипповны скандально бежал почти из-под венца с Аглаей. В этом пересказе князь предстает нигилистом, который «единственно» из нигилизма» и публичного скандала отказался от Аглаи ради «потерянной женщины», чтобы «тем доказать, что в его убеждении нет ни потерянных, ни добродетельных женщин, а есть только одна свободная женщина» и что он «верует в один только «женский вопрос» (8, 477).

Любит ли князь обеих женщин одновременно?

«Играет» ли сердцами обеих, как предполагает Ипполит Терентьев? Все «признания» Мышкина героиням и его странное «сватовство» к Аглае (оно выглядит сватовством наоборот - Аглаи к князю) кажутся вынужденными. Соперницы, по-видимому, ощущают, но не вполне понимают, какое чувство испытывает князь к каждой из них. Обе уязвлены, мучимы гордостью и ревностью. Князь, пытаясь «спасти» обеих, поступает в соответствии с их представлениями о поведении мужчины в подобной ситуации, т.е. пытается идти под венец то с Аглаей, то с Настасьей Филипповной. Да и обе женщины, убеждая себя и князя в том, что по-настоящему его любит соперница, как бы передают его одна другой, соперничая в благородстве и жертвенно-

сти (как тут не вспомнить поведение Лопухова и Кирсанова в истории с Верой Павловной!).

Князь Мышкин почти не открывает своего чувства, говорит загадочно и сбивчиво. Рядом со словом «люблю» в его «признаниях» часто есть слово «свет» и «вера». Например, в эпизоде объяснения с Аглаей он произносит: «... Я за вас не сватался... но... вы знаете сами, как я люблю вас и верю в вас... даже теперь» (8, 426). После бегства Настасьи Филипповны князь рассказывает Аглае, что когда он писал ей письмо, расцененное ею как любовное, он вспомнил о ней «как о каком-то свете» (8, 359). Пытаясь объяснить Радомскому свои чувства к Настасье Филипповне, Мышкин говорил, «складывая в мольбе руки: «...все это не то, а совершенно. Совершенно другое!» (8, 483). В последний вечер перед венчанием с Настасьей Филипповной князь искренно верил, что она может еще воскреснуть» (8, 489). «На брак он, кажется, и в самом деле смотрел как бы на какую-то неважную формальность: «Свою собственную судьбу он слишком дешево ценил» (8, 489).

По-видимому, князь и сам не вполне уверен, влюблен ли он в кого-то из двух женщин или это совсем «не то». Это чувствуют и Аглая и Настасья Филипповна, у которой возникли христианские аналогии в связи с рассказом о воображаемой картине «Христос и дитя», где Аглая предстает ребенком, внимательно слушавшим Христа (князя). Вероятно, недалеко от истины Радомский, объясняющий Мышкину, что Аглая любила его «как женщина, ...а не как... отвлеченный дух»: «Знаете ли вы что, бедный мой князь: вернее всего, что вы ни ту, ни другую никогда не любили» (8, 484). Сострадание и христианская любовь к ближнему, по-видимому, преобладают в чувствах князя к обеим героиням. Именно это имел в виду Достоевский, отметивший в подготовительных материалах: «В романе три любви: 1) Страстно-непосредственная любовь - Рогожин. 2) Любовь

из тщеславия - Ганя. 3) Любовь христианская - князь» (9, 363).

Жизнь оказалась сложнее не только «нигилистских» схем, но и ожиданий «вполне прекрасного человека». Будучи «пастырем» для всех вокруг, князь Мышкин не смог уберечь от ошибок себя самого: пытаясь спасти, он губит двоих женщин. Но он ли их губит? Не сами ли они виноваты в том, что все лучшее в них не успело развиться, затмившись гордостью и ревностью? Не победив гордыни, невозможно быть достойной Мышкина, ибо православное таинство брака предполагает, что любовь к жене не должна быть препятствием для любви к Богу. Не случайно, князь сказал Аглае, что, останься он с Настасьей Филипповной, они бы оба погибли, а на вопрос Рогожина, счастлив ли он с Аглаей после ухода Настасьи Филипповны, - «нет, нет, нет!» - воскликнул князь с беспредельной скорбью» (8, 382).

В романе на втором плане есть девушка, быть может, действительно, предназначенная быть спутницей князя. Это Вера Лебедева. незаметная и тихая, способная любить и сострадать, будто вовсе лишённая всего низменного - гордости, эгоизма, себялюбия. Она противопоставлена сложным и смятенным, не нашедшим гармонии, не пришедшим к Христу двум другим героиням. Она - носитель главных христианских добродетелей: веры, любви и надежды - на будущее «воскресение» князя.

Таков взгляд Достоевского на «женский вопрос». Является ли он менее утопичным в сравнении с решением, предложенным Чернышевским? Вряд ли здесь возможен категорический вопрос, ведь и роман «Идиот» заканчивается скорее вопросом, нежели ответом. Достоевский, в отличие от Чернышевского, не склонен видеть в художественной литературе «учебник жизни», с ответами на все вопросы.

Примечания.

Подробнее в кн Паперно И Семiotика поведения Николая Чернышевский - человек эпохи реализма М., 1996. С.175-183

Подробнее об этом см Клименко С В «Апокалипсис» князя Мышкина // Русский гений К 175-летию со дня рождения Ф М Достоевского. Саратов. 1997 С.27

Достоевский Ф М Полн собр. соч. В 30 т. Л., 1972-1990 Далее ссылки на это издание в тексте с указанием номера тома и страницы.

**Чарльз Бьюмонт и
американская тема
в романе «Что
делать?»**

Сходство общественно-политической ситуации в России и Соединенных Штатах в середине XIX века обусловило повышенный интерес российских читателей к американским делам. Американская тема постоянно присутствовала в «Современнике». Это и статья «Нью-Йорк. Его отели и учреждения» (1854, № 11), и произведение Т. Алибуртсона «Часовщик, или Слова и дела Самюэля Сликка, из Сликквилля. Очерки американских нравов» (1855. №№ 2, 3, 4), и серия статей В. К. Бодиско «Из Америки» (1856. №№ 3, 4, ...) и т. д.

В литературной жизни Соединенных Штатов в начале 1850-х годов произошло несколько важных событий, которые нашли свое отражение в журнале «Современник». В 1851 г. в Америке был опубликован роман Н. Готорна «дом о семи шпильях», перевод которого уже в 1852 г. напечатал «Современник». Чернышевский считал Готорна писателем «великого таланта»¹, и его произведения очень часто появлялись в журнале. В 1853 г. были опубликованы рассказы «Родимое пятнышко» (№ 7), «Дочь Распаччини» (№ 10), в приложении за 1856 г. - роман «Красная буква» (№№ 9, 10). Но характерно, что в том же 1851 г. в американской литературе появился роман, впоследствии признанный гениальным, - но не привлечший большого внимания современников именно потому, что он не вписывался ни в одну из названных традиций: ни в «экзотическую» тему, ни в тему борьбы против рабства. Общественное сознание в то время было занято все более обостряющимися противоречиями между противниками и сторонниками освобождения

негров. Это роман «Моби Дик, или Белый Кит» Г. Мелвилла. «Современник» не заметил этого литературного события (отрывок из романа «Китовая ловля» был опубликован в 1853 г. в «Москвитянине»).

Тема освобождения невольников была «в сильном ходу»: правительство и общество готовилось к крестьянской реформе. Все слои российского общества были взволнованы предстоящими изменениями и внимательно следили за тем, как аналогичная реформа готовится в Соединенных Штатах. И опять «Современник» чутко отреагировал на этот повышенный читательский интерес к американским делам. Начиная со статьи З. Сераковского «Взгляд на внутренние отношения Соединенных Штатов» (1857. № 4), журнал очень внимательно следил за противостоянием сторонников и противников рабства в северной Америке. В 1859 г. в Соединенных Штатах произошло событие очень важное, но не оцененное по достоинству газетными обозревателями. «Мы не говорили в прошлый раз о дипломатическом столкновении Англии с Соединенными Штатами по поводу занятия острова Сан-Хуана отрядом североамериканских войск, потому что из такой ничтожной причины не может произойти никаких важных последствий. Мы не упомянули бы об этом споре из-за маленького, почти пустого и никому собственно не нужного островка, если бы не пришлось, кстати, припомнить о нем при надобности говорить о Северо-Американских Штатах по другому случаю, о котором в европейских странах было говорено несравненно меньше, но который очень многозначителен»². Журнал «Современник» (1859. № 11) в отделе «Политика», который вел Н.Г. Чернышевский, подробно рассказал о вооруженном столкновении в маленьком городке Гасперс-Ферри, лежащем в одном из невольничьих штатов, близ границы между свободными и невольничьими штатами. Несколько человек аболиционистов с оружием в руках стали провозглашать освобождение негров и выдержали бой с милицией из не-

вольничьих городов. Этот случай многозначителен как первый в своем роде. До этого случая аболиционисты действовали только словом. Как предсказал Чернышевский, теперь борьба будет принимать новый характер. В приложении к этому же номеру журнала была опубликована статья «Временная конституция и постановление для народа Соединенных Штатов» (т.е. Устав военного общества для освобождения невольников).

Следующее событие, чрезвычайно важное для истории Соединенных Штатов, произошло 6 ноября 1860 года. И уже в № 11 за ноябрь 1860 г. «Современник» обратил внимание читателей на эту дату, вынеся в подзаголовок отдела «Политика» следующие сообщения: «Реформы в Австрии. - реформы во Франции. - Итальянские дела. - 6 ноября в Соединенных Штатах». Чернышевский писал в своем политическом обзоре: «К числу важнейших событий следует отнести поражение так называемой демократической партии и торжества так называемой республиканской партии в Соединенных Штатах при выборе президента... 6 ноября 1860 г., день, когда победа осталась на стороне партии, имевшей своим кандидатом Линкольна, этот великий день - начало новой эпохи в истории Соединенных Штатов, день, с которого начался поворот в политическом развитии великого североамериканского народа»³.

Чернышевский поставил в «Современнике» (1860. №12) самый важный на тот момент вопрос - о сохранении союза в Североамериканских штатах - и высказал свои предположения о дальнейшем развитии событий, которые потом полностью оправдались. «Здесь мы думали представить подробный рассказ о перевороте, гораздо важнейшем, чем война, которую вели, а теперь уже кончили, Франция и Англия с Китаем - о выборе президентом Соединенных Штатов Линкольна, служащего представителем партии, стремящейся к уничтожению невольничества. Но, против нашего ожидания, результаты этого выбора еще не успели

определились с достоверностью: решатся ли некоторые их южных штатов сделать попытку для составления отдельного союза или ограничатся пустыми угрозами... - это еще не ясно. Потому удовольствуемся пока несколькими краткими замечаниями»⁴. В этих «кратких замечаниях Чернышевский сделал детальное описание расклада сил по всем штатам и в каждом южном штате.

В 1861 г. отдел «Политика» журнала «Современник» почти полностью был посвящен североамериканским делам. Причем журнал давал информацию своим читателям очень оперативно, не отставая от развития событий за океаном: №1 - «Расторжение североамериканского союза»; №4 - «Объявление войны в Северной Америке»; №5 - «Американские дела»: №8 - «Американские дела и отношение к ним Англии. - Поражение союзных войск при Манассасе, его причины и последствия. - Объявление свободными негров, которых владельцы приняли участие в войне против союза. - Сражение при Спрингфильде»; №9 - «Североамериканские дела»; №10 - «Североамериканские войска».

Как видим, в середине XIX века в русском сознании происходило формирование образа Соединенных Штатов как нового типа цивилизации. Для всего мира по ту сторону Атлантики было много необычного: Америка выступала как страна прогрессивная, провозгласившая равные права каждого человека перед Богом и законом. С другой стороны, американский образ жизни и существовавшее в стране рабство заставляли задуматься о целесообразности такого пути развития.

В период Гражданской войны в Америке (1861 -1865 гг.) внимание русского общества было приковано к развитию дел за океаном. Появилось убеждение, что разрешение американского кризиса определит «будущее движение политических идей», «событие целого нашего и, может быть, следующего за нами поколения»⁵. С самым известным рос-

сийском романе, написанном в разгар событий в США, не могло не отразиться это увлечение Америкой.

Роман «Что делать?» Н.Г. Чернышевского был написан и издан в 1863 г., и за всеми основными событиями романа как бы проступает далекий континент. Положение дел за океаном чрезвычайно волнует всех действующих лиц романа (кроме, разве что родителей Веры Павловны). В Североамериканских штатах «нужно» быть Рахметову. Туда же уезжает залечивать сердечные раны Лопухов. «Ход событий» в Северной Америке очень переживает сам автор. Отношение Чернышевского к Гражданской войне в США подробно описано в литературе⁶. Бесспорен тот факт, что «великая война Севера с Югом» представлялась ему как «предвестница еще более великих событий не в одной Америке»⁷. Удивляет только комментарий к упоминанию междоусобной войны в Канзасе и гражданской войны в США: «Речь идет о войне в штате Канзас (США) в 1851 - 1856 гг и особенно в 1861 -1865 гг. между фермерами (!?) Севера и рабовладельцами Юга»⁸. Фермерское хозяйство развивалось в западных штатах, а не в северных. Основное противоречие между Севером и Югом лежало в области развития промышленности, а не сельского хозяйства. Рабовладельческое хозяйство Юга, занятое возделыванием хлопка, работало, главным образом, на экспорт, т. е. поставляло свой хлопок на английские хлопкоперерабатывающие заводы, а свои потребности в промышленных товарах удовлетворяло в основном за счет английских изделий. Процветал бартер (говоря современным языком). Английские товары не давали возможности развиваться национальной промышленности, сосредоточенной в северных штатах. Но этот маятник Север - Юг потому и не раскачался так сильно, чтобы разорвать страну надвое, что к началу Гражданской войны уже достаточно прочное положение заняли западные фермерские штаты.

Единственный их героев романа «Что делать?», кто побывал в Америке, - это Лопухов. Стремление его попасть именно в США вполне понятно. Во-первых, это молодая страна, где легко затеряться и начать новую жизнь с новым именем. Во-вторых, к середине XIX века отношение к Америке изменилось. Туда отправлялись с мечтой о богатстве, о быстрой карьере, с желанием узнать новое в общественной жизни и, особенно, последние технические изобретения. Характер своего героя Чернышевский очень точно выразил через его фамилию - Лопухов Бьюмонт. Попытка семантиологизации фамилий действующих лиц романа не дали еще пока достаточно убедительных результатов. Сам автор сообщает в романе, что «... я фамилий не умел придумать таких, чтобы они были сколько-нибудь самобытным изобретением, - должен был взять слова, какие попались, и приделать к ним окончания, предлагаемые для этой цели грамматикою: лопух-ов, полоз-ов...»⁹. Но, думается все-таки, выбор фамилии главного героя в России и в Америке не случаен, особенно, если противопоставить их друг другу. В современном словоупотреблении слово «лопух» имеет ироническое значение «ротозей, простофиля». В «толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля отдельно слово «лопух» есть только в синонимическом ряду слова «лопуга» - лопуха, лопух, лопушник¹⁰. Но если вспомнить, что Вера Павловна расстроила все четкие планы Лопухова насчет его будущей научной деятельности только заплаканными глазами, то фамилия главного героя приобретает вполне четкий подтекст.

Из Америки Лопухов вернулся с фамилией «французского фасона», но с английским ее прочтением. Чернышевский опять это специально оговаривает: «На визитных карточках покупщика было написано Charles Beaumont, но произносилось это не Шарль Бомон, а Чарльз Бьюмонт»¹¹. Этим английским прочтением французской фамилии автор романа хотел, вероятно, подчеркнуть, что семья Beaumont уже

не в первом поколении живет на североамериканском континенте (сначала в Канаде, а потом в США) и вполне переняла характер и традиции жителей нового Света. В английском и французском языках обе составляющие части фамилий имеют одинаковое значение: Beau - прекрасный, красивый, mont - гора. Итак, человек, который в России был Лопуховым, в Америке стал носить фамилию, переводимую как «прекрасная гора». Такая смена понятий произошла, наверное, потому что за океаном главный герой романа не позволил себе отступить от намеченной цели, а выполнил все задуманное и добился прочного положения в жизни и в обществе¹².

Из Америки в Россию Лопухов-Бьюмонт вернулся не только с новым именем, но и вполне американским характером. Это особенно проявляется в разговорах Бьюмонта с Катериной Васильевной Полозовой. Стремление к практическим делам - самая отличительная черта американцев, и Бьюмонт хорошо об этом знает: «... скучать, по моему мнению, не извинительно. Скука в моде у наших братьев англичан, но мы, американцы, не знаем ее. Нам некогда скучать: у нас слишком много дела»¹³.

В суждениях Бьюмонта об Америке прорывается категоричность Чернышевского: «Вот это по-нашему, по-американски, - конечно, под американцами я понимаю только северные, свободные штаты; южные хуже всякой Мехики, почти так же гадки, как Бразилия (Бьюмонт был ярый аболиционист)...¹⁴ Яростным аболиционистом был и сам автор романа, поэтому он позволил своему герою отказаться о половины территории страны, что вряд ли допустил бы настоящий американец (формальной причиной Гражданской войны в США как раз и стала попытка южных штатов выйти из состава Союза). Северные штаты можно было назвать свободными по той причине, что там не было рабства. Все побывавшие за океаном к середине XIX века отмечали чрезвычайную коммерциализацию американского

образа жизни. В обществе, построенном на принципах личной свободы, человек ежедневно ощущал зависимость от экономической ситуации. Об этом говорит и сам Бьюмонт: «Вы ждете упрека от человека из нации, про которую все утверждают, что единственная цель и мысль ее - доллары?»¹⁵. Здесь интересно отметить переходную форму названия денежной единицы США - доллар. Как известно слово «доллар» (dollar) произошло от слова «талер», и Чернышевский в своем романе зафиксировал переходную форму этого названия в русском языке.

Довольно ироничную оценку романам Г. Бичер-Стоу, не характерную для русских революционных демократов, но, видимо, соответствующую мнению Чернышевского, дает Полозов: «Вы, решительно, мистрис Бичер-Стоу по женскому вопросу, m-г Бьюмонт. Та доказывает, что негры - самое даровитое из всех племен, что они выше белой расы по умственным способностям»¹⁶.

Представления русских об американцах как об «особом народе» высказывает автор романа, передавая размышления Полозова о Бьюмонте, как о возможном женихе его дочери: «Если б он был русский, Полозову было бы приятно, чтобы он был дворянин, но к иностранцам это не прилагается, особенно, к французам, а к американцам еще меньше: у них в Америке человек - ныне работник у сапожника или пахарь, а завтра генерал, послезавтра президент, а там опять конторщик или адвокат. Это совсем особый народ, у них спрашивают о человеке только по деньгам и по уму»¹⁷. Биография Линкольна, первого представителя республиканской партии, победившего на выборах президента кандидата от демократической партии, традиционно занимавшего этот пост в течение нескольких десятилетий, произвела на Чернышевского сильное впечатление. Этот факт полностью вписывался в его представления о возможностях каждого человека в Америке.

Вполне можно согласиться с Н. Э. Фаликовой¹⁸, что «Чернышевский придумывает биографию и характер Чарльза Бьюмонта <...> в точном соответствии с теми представлениями, которые мог вынести «проницательный читатель» из многочисленных «путешествий» и «описаний» северной Америки, появившихся в печати в 40 - 60-е годы». Такие представления об Америке по журнальным публикациям имело большинство российского общества в то время: на Соединенные Штаты смотрели как на воплощенный в настоящем образ будущего. Ради этого будущего молодые читатели романа Чернышевского готовы были отказаться от своего личного счастья, от своей семьи и от самой родины. Разочаровавшись в возможности совершить революцию в России, многие молодые люди разных сословий с конца 60-х годов эмигрировали в Америку. Мечта создать колонию с идеальным общественным устройством подвигнула в 70-е годы народников отправиться за океан, но они попытались, по словам Достоевского, «вместо первых девяти шагов ступить прямо десятый, забывая притом, что десятый-то шаг, без предшествовавших девяти, уж во всяком случае, обратится в фантазию, даже если б он и значил что-нибудь по себе»¹⁹.

Эти «фантазии» сумели сбить с толку не одно поколение российской молодежи, самоотверженно пытавшейся воплотить в России американские идеалы, забывая при этом, что, как заметил Чернышевский устами своего героя Кирсанова, «против воли человека не следует делать ничего для него; свобода выше всего, даже жизни»²⁰.

Примечания:

1 Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. - В 10 т. СПб., 1906. Т. VI. С. 274.

2 Там же С. 440.

3 Там же С. 730.

4 Там же. С. 735.

5 Чернышевский Н.Г. Указ. соч. Т. VIII. С. 409.

6 См например: Разумникова И И Н Г Чернышевский о гражданской войне в Соединенных штатах Америки 1861 - 1865 гг. // Труды Воронежского гос ун-та 1957. Т 47 С. 34-55, Лягушенко И. И. Н.Г Чернышевский о гражданской войне в США // Уч. зап Мордовск Гос. ун-та, 1963. Т XXVII/ с. 113-160.

7 Чернышевский Н.Г. Что делать? Л., 1975 С 123

8 Там же С 843

9 Там же. С 713

10 Даль В И Толковы словарь живого великорусского языка М, 1979. Т.2. С.267.

11 Чернышевский. Что делать? С.315

12 Об осуществлении планов Лопухова в Америке см подробнее: Попов И. Из американской жизни Дмитрия Сергеевича Лопухова // Инстранныя литература. 1981 №2. С.251-256.

13 Чернышевский Н.Г. Указ. соч. С.318.

14 Там же.

15 Там же

16 Там же. С.330.

17 Там же. С.322.

18 Фадихова Н. Э. Американские мотивы в поздних романах Ф. М. Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского Перозаводск 1994 С.216

19 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1972-1990. Т.22. С 83.

20 Чернышевский Н Г Указ. соч. С.301

А. В. Дружинин - публицист 60-х годов

Среди произведений Александра Васильевича Дружинина особое место занимает серия очерков под общим названием «Из дальнего угла С.-Петербургской губернии», написанных им во время пребывания в имении Мариинское Гидовского уезда Санкт-Петербургской губернии и опубликованных в июне - октябре 1863 года в газете «Московские ведомости». Всего было шесть очерков. В архиве писателя в РГАЛИ сохранился еще один, помеченный октябрём 1863 г и оставшийся незавершённым. По всей вероятности, Дружинин намеревался продолжить серию, но его замыслу не суждено было осуществиться: через несколько месяцев писателя не стало.

Упомянутые очерки не вошли в собрание сочинений Дружинина, внимания исследователей не привлекали. Причина заключалась не только в господствовавшей в нашем литературоведении идеологии, поддерживавшей интерес к одним писателям и оставлявший в тени других. По мнению ученых, к началу 60-х гг. творческие возможности Дружинина иссякают, и его произведения этого времени не включают в себе ничего интересного¹. Автор единственной монографии о писателе А. М. Бройде и вовсе относил рассматриваемые очерки к числу сочинений, написанных «для затыкания дыр в домашнем бюджете профессионального литератора»².

Справедливости ради, заметим, что недооценка зрелого творчества Дружинина обуславливалась и объективными причинами. Оставив в 1860 г. «Библиотеку для чтения», писатель помещает свои работы во многих изданиях, различных по направлению, что не способствовало созданию целостного представления о его деятельности. Произведения Дружинина печатались под псевдонимами и криптони-

мами, ничего не говорящими читателю. Серия очерков «Из дальнего угла С.-Петербургской губернии» также подписана тремя звездочками.

Недостаточная изученность Дружинина после 1861 г. обусловила отсутствие четкости в вопросе о философских, политических, эстетических и прочих взглядах писателя, характере его эволюции и месте в литературно-общественной борьбе этого времени.

Серия очерков «Из дальнего угла С. - Петербургской губернии» тесно связана с документальной повестью Дружинина «Прошлом лето в деревне», опубликованной в 1862 г. в «Русском вестнике», развивает высказанные в ней идеи. В обоих произведениях отразились наблюдения писателя над жизнью деревни в пореформенное время. Но если в «Прошлом лете...» предметом изображения явились первые два, самые «крутые» года, то в серии очерков «Из дальнего угла С. - Петербургской губернии» отразился качественно новый момент в развитии русской жизни, когда социальная напряженность несколько ослабела и можно было судить о первых итогах реформы. Дружинин пытается зафиксировать изменения в деревне, осмыслить уроки прожитого периода, определить перспективы дальнейшего развития крестьянского дела. Он ведет речь о процессах, происходивших в конкретном уезде конкретной губернии, но описываемые им явления были характерны для России в целом.

Интерес Дружинина к крестьянской жизни не случаен. Как известно, он был родом из дворян. В 1820 г. отец писателя В. Ф. Дружинин приобрел в Санкт-Петербургском губернском правлении с публичного торга имение бывшего надворного советника Емельяна Чеблокова Чертово Жилое, описанное за неуплату разных долгов³. Общая площадь имения составляла 2320 десятин 1146 сажень, из которых, за вычетом неудобной к пашне земли, оставалась удобной 2230 десятин 1170 сажень⁴.

В 1826 г. Чертово Жилое сгорело, после чего на его месте были выстроены села Мариинское, Васильевское и ...Чертово Жилое⁵, впоследствии переименованное в Андреевское⁶. После смерти В. Ф. Дружинина в мае 1842 г. имение перешло во владение вдовы и его детей, «первая седьмой частью, а последние равными частями»⁸. В РГАЛИ сохранилось «Описание имения помещицы Дружининой...» заполненное рукой Александра Васильевича и относящееся к 1858 г. Из него следует, что накануне реформы в имении насчитывалось 189 человек мужского и 214 женского пола⁹. Из них 9 человек было дворовых, часть крестьян состояло в качестве рабочих и должностных при господском хозяйстве¹⁰. Несмотря на отсутствие недоимок, имение было заложено в Опекунском совете¹¹.

Крестьяне Дружининых находилось на оброке и на барщине. Бывшие на оброке платили 100 руб. Ассигнациями с тягла, кроме того, обязывались давать помещику по 9 рабочих дней в году (3 при возке навоза, 3 при сенокосе и три при жатве). Тягла, находившиеся на барщине, 3 дня в неделю работали на помещика. Зимой ввиду близости столицы (200 верст) крестьяне уходили на заработки в Петербург. «К сожалению, - писал Дружинин, - эта близость, увеличивая денежные средства крестьян, значительно вредит их здоровью и нравственности»¹².

Управляла имением мать писателя, но, проводивший ежегодно по четыре месяца - с мая по сентябрь - в деревне, Дружинин не мог не видеть условий жизни крестьян, не вникать в вопросы сельского хозяйства. Интерес к этой стороне действительности значительно усилился в условиях крепостного права. Дружинин следит за публикациями по крестьянскому вопросу в России и на Западе, вырабатывает собственный взгляд на проблему, во многом расходясь с Н.Г. Чернышевским, статьи которого о поземельной собственности представлялись ему неоригинальными, устаревшими и разрушительными¹³. Немаловажное значение

имело и непосредственное общение Дружинина с крестьянами - опыт, которого у Чернышевского не было.

С детства ненавидящий крепостное право, мечтавший об облегчении положения крестьян, Дружинин принадлежал к типу либеральных, гуманных помещиков. Наказания в имении не допускались, недоимки с крестьян не взимались, неявка на работу прощалась. Неудивительно, что автор очерков приветствовал реформу 1861 г., в уничтожении откупной систем «с ее безразличностью и возмутительными неправдами»¹⁴ видел великое дело и одно из прав Александра II на добрую страницу в истории. Дружинин не закрывал глаза на недостатки и противоречия реформы, но был глубоко убежден, что со временем они исчезнут. «Все это пройдет и войдет в разумную колею»¹⁵, - писал он.

В очерках «Из дальнего угла С. - Петербургской губернии» Дружинин поднимал чрезвычайно широкий круг вопросов: отношения помещиков с их бывшими подданными, возможность крестьянского бунта, новые формы хозяйствования, винные порядки, воспитание молодого поколения и др. Он не называет своих оппонентов, но полемическая направленность очерков несомненна.

Первый очерк писался в июне 1863 г. под непосредственным впечатлением от польских событий. Составление писем с выражением готовности на любые военные жертвы, депутации в столицу и иные проявления патриотического чувства подвели Дружинина к выводу о наличии в крестьянской среде озлобления, которое он уподобил настроению народа во второй половине кампании 1812 г. При этом автор очерков пронизательно подметил, что «озлобления в бывшем помещичьем крестьянине более, нежели в его собрате, не знавшем крепостного состояния».

Причину народного возбуждения, разделяемого отчасти и им самим Дружинин усматривал не столько в жестокостях польских мятежников и нелепых слухах, сколько в недовольстве тем, что «неожиданная буря» застала общество

«в самую важную и благотворную эпоху крестьянского дела, когда спокойствие так необходимо», когда крестьяне были расположены работать без усталости, осознав свою выгоду.

Заговорив об озлоблении народа, автор очерков, разумеется, не мог не коснуться вопроса об его отношении к революционной агитации и нигилистам. Он не отрицал, что случайные обстоятельства (например, пожар в Гдове, напомнивший о петербургских пожарах 1852 г., виновниками которых были объявлены нигилисты) могут спровоцировать народ на возмущение и привести к нежелательным последствиям. Однако наблюдения над жизнью крестьян убеждали Дружинина в том, что в своей массе они не принимают революционных идей, более того отождествляют нигилистов с врагами государя. «Сколько я могу судить, - замечает он, выраженис бездельник, питерский бездельник (здесь и далее подчеркнуто автором. - Н. А.) обозначает у крестьян не столько вора и поджигателя для грабительских целей, сколько распространителя вредных слухов, подметных листов, облыжных грамот, вообще особу, смущающую народ, обманщика, изменника и предателя». Вера крестьян в царя-батюшку, привычка глядеть на него как на источник «правды и благодати», по мнению Дружинина, - еще одна причина народного возмущения. Писатель понимал, что отмеченное им озлобление пройдет нескоро. Вот почему заканчивался очерк напоминанием дачникам о необходимости быть осмотрительными в разговорах с крестьянами и даже в одежде, дабы не вызвать напряженности.

Охарактеризовав настроения крестьян, Дружинин во втором очерке переходит к рассмотрению хозяйственных дел в крае. Он сознательно отказывается от каких-либо сообщений, ограничиваясь наблюдениями и слухами по одной, небольшой местности. Но, поскольку положение дел в Гдовском уезде было благополучнее, чем где-либо (военные экзекуции и полицейское усмирение не применялись,

уставные грамоты были составлены ранее положенного срока, крестьяне уже к лету 1862 г. отрезвились относительно надежд на «новую волю» и т. п.), то объективно по нему можно судить о ходе реформы в целом.

Отметив некоторые положительные сдвиги в деревне, Дружинин должен был признать, что относительно работ, цен на труд, найма земель, обработки полей еще сохраняется беспорядок. В упомянутом очерке он и пытается «уловить и передать некоторые черты настоящего хозяйственного хаоса»¹⁶, выявит его причины.

Одну из них Дружинин усматривает в местных условиях. В отличие от центральной части России, подчеркивает он, где помещики не только не понесли никаких потерь, но даже остались в выигрыше, в Гдовском уезде земель много, ценится она невысоко, население редко и не любит заниматься хлебопашеством. К этому следовало прибавить нелюбовь помещиков к сельскому хозяйству, сильный отток крестьян из имений в столицу, общее безденежье и отсутствие кредитов, что также увеличивало потери.

Другую причину хаоса Дружинин видел в своих помещиках - добрых, ленивых, распущенных и горячих, ретивых, не охлажденных житейским опытом, выжидать не способных. Полемизируя с писателями, никогда не жившими в деревне, автор очерков утверждал, что первый род помещиков чрезвычайно велик и их хозяйства пострадали более всего: отсутствие строгости вредило делу, развращало крестьян, приводило к тому, что «лентяй и гуляка имел все преимущества перед честным тружеником»¹. Естественно, что с началом освобождения имения помещиков-добряков «оказались самыми беспокойными, самыми неподатливыми на всякое соглашение... При составлении уставных грамот... крестьяне... предъявляли самые невозможные требования, упорствовали, тянули дело, убили время, и - что всего горче для мирного владельца - не только высказывали никаких благодарений за прошлое правление, но откры-

то считали своего бывшего помещика каким-то слабоумным разгильдяем».

В отличие от помещиков-ленивцев, ретивые или энтузиасты с обнаружением первых манифестов, не жалея денег, начали проводить в своем хозяйстве реформы, но их начинания кончились неудачей. «Иностранцы, выписанные второпях, часто через содействие решительных плутов, оказались сварливыми празднолюбцами, половина хитросозданных машин сокрушилась в прах и печально гниет под сенью разных сараев, артели русских рабочих, взятых без разбора из молодцов, отличавшихся на петербургских сигарных фабриках, никак не годятся в дело»

Критически относясь к обоим типам помещиков, Дружинин считал, что последний род все-таки заслуживает лучшей участи. «Без ретивых помещиков, своими боками изведавших стоимость нововведений, - писал он, - может быть, и ваш покорнейший слуга нынешний год посылал бы в Дрезден за пьяными саксонцами, а осторожный сосед Петр Иванович, у которого хозяйство теперь идет как по маслу, произносил бы потоки крепких всероссийских слов над обломками какого-нибудь локобиля. Теперь никто в нашем крае не разоряется на выписку мекленбургцев и жатвенной машины не возьмет даром»¹⁸.

Но если положение помещиков - добрых и ретивых - столь трагично, то кто же мог выиграть от реформы? По мнению автора очерков, - помещик, который вводит жесткое, но справедливое управление, человек дельный, выскательный, коротко говорящий, учитывающий местные условия, капризы северной природы. Западник Дружинин, каким его обычно представляют, не приемлет слепого копирования английской и немецкой моделей хозяйствования. Он не против использования машин, но таких, которые были бы применимы у условиям русской деревни.

Говоря о ретивых помещиках, автор очерка считал особенно печальной их неудачу в сделках с крестьянами по

части обработки полей или сдачи им разных оброчных статей за известную работу. Помещики, движимые желанием установить добрососедские отношения с бывшими крепостными, предлагали расчет, основанный на взаимной выгоде, но все кончалось спорами, дурной работой и, наконец, расторжением договора. В следующем - третьем очерке Дружинин пытается понять, почему хозяйственные сделки помещиков с крестьянскими обществами заканчиваются всеобщим неудовольствием, тогда как заключенные с отдельными лицами, семьями или небольшими артелями, они идут как нельзя лучше. Ясно, что помещик предлагал выгодные для крестьян условия, они же предпочли за выполнение той же работы мизерное вознаграждение, повели себя, мягко говоря, неразумно, опрометчиво.

Подобное поведение Дружинин связывает исключительно с особенностями крестьянской психологии. Признавая, что «крестьяне, каждый сам по себе, умны и зорки в хозяйственном деле»¹⁹, он был убежден в их неспособности к коллективным действиям, требующим согласия, подчинения знающим людям. Дружинин не замечает в приведенном эпизоде проявления извечного недоверия крестьян к помещику, опасения, что он в одностороннем порядке изменит условия договора. Отказываясь от большего вознаграждения, крестьяне стремились гарантировать неизменность сделки, оградить себя от возможного произвола, следовательно, преследовали собственную выгоду, поступали мудро.

Автор очерков не разделял иллюзий относительно крестьянской общины, свойственных А. И. Герцену, Н. Г. Чернышевскому, позже - народникам, отмечал расслоение ее на зажиточных крестьян, не стесняемых миром и по мере обогащения порывавших с ним отношения, и крестьян - голяков. Но и тут налицо желание затушевать противоречия: по мысли Дружинина, реформа создала благоприятные условия для обогащения всех крестьян, и, если одни из них

пребывают в бедности, то исключительно из-за нежелания трудиться. «Везде нужны руки...» - провозглашает автор очерков, не замечая эксплуатации крестьян - голяков их предприимчивыми собратьями.

Заканчивался очерк одой в честь вольного труда. Следует заметить, что еще год назад Дружинин в некоторой степени разделял распространенное мнение, будто вольный труд без постоянного и неотступного надзора окажется хуже труда обязательного. Эти сомнения обуславливались и сознанием собственной неспособности к неотступному наблюдению за чем бы то ни было, и страхом при мысли о гибели хозяйства в новых условиях, и особенностями психологии провинциального помещика с его недоверием к печатному слову. К лету 1863 г. Дружинин преодолел скептическое отношение к вольному труду, что свидетельствовало о его способности к самодвижению. Наблюдения над жизнью убедили писателя в большей производительности вольного труда, по сравнению с трудом обязательным, в появлении новых - материальных - стимулов в деятельности землевладельцев.

Дружинин, конечно, понимал, что введение вольного труда не освобождает помещика от обязанностей, а именно тщательного избрания из числа крестьян руководителя работ, человека добросовестного и компетентного. Но подобная обязанность представлялась ему необременительной («трудно ли это в деревне, где всякий взрослый парень, так сказать, носит с собой свою добрую или худую славу?»), как и другая, появившаяся в новых условиях, - останавливать наиболее ретивых руководителей.

Отличительной особенностью крестьян своего уезда Дружинин считал их крайнюю нетребовательность в отношении условий труда, готовность довольствоваться малым. Вот почему протест работника, по его мнению, был возможен лишь при условии плохого с ним обращения: «Конечно, он возопиет там, где его вздумают кормить недосыта,

или какую-нибудь совершенную дрянью». Выступая в защиту гуманного отношения к наемному работнику, автор очерков, однако, руководствовался не только любовью к нему, но и заботой о собственных - помещичьих - интересах: «этого (дурного обращения с работником, - Н. А.) самый простой расчет не дозволит. При такой честной и горячей работе, какая теперь идет повсюду, люди исхудают и ослабеют, если хозяин перестанет заботиться о их желудках»²⁰.

В четвертом очерке Дружинин обращается к рассмотрению явления вредного, болезненного, бросавшегося всякому в глаза, но о котором, по его словам, литература умалчивала. В виду имелись винные порядки и непомерное увеличение числа питейных заведений, за ними последовавшее. Автор очерков не без основания полагал, что для сельского жителя, в отличие от столичного, последствия пьянства более тяжелые, ибо он видит не только наружное безобразие, но постоянно «сталкивается с картинами бедствия, физических и моральных страданий»²¹.

Протестуя против распространения пьянства, Дружинин по-прежнему отстаивал собственную выгоду. Заинтересованный в установлении добрых отношений с бывшими крепостными, он понимал, что «с пропившимися, обнищавшими и в кабаке торчавшими хороших соседских отношений не поддержишь». Но это была еще одна - не менее важная - причина, побуждавшая автора очерков выступать против пьянства, решительное несогласие с людьми, оправдывавшими любые жертвы во имя прогресса. «Сидор и Кузьма, - рассуждали они, - погибли, но будущее поколение, наученное их примером, станет само себя воздерживать. Половина селения пойдет по миру и будет голодать, но, наученная жестким опытом, наконец, одумается, вернется на добрый путь и станет пить по одной чарке, для возбуждения аппетита!» Подобные рассуждения представлялись Дружинину безнравственными и антигуманными. Он вовсе не же-

лал прогресса ценой гибели целого поколения людей. «Но человек слаб, - пишет автор очерков, - и, хотя могилы Сидора и Кузьмы могут служить уроком целому поколению, мне все-таки желательно, чтоб эти добрые люди пожили со мною. Уже пускай лучше будущее племя как-нибудь извернется».

Дружинин был уверен (в этом убеждал и опыт Малороссии, и Западной Европы), что позорное явление пройдет. Но подобная уверенность не заставляла его сидеть сложа руки. Автор очерков считал необходимым содействовать искоренению, или, по крайней мере, сокращению зла.

Наблюдая за жизнью деревни, он обратил внимание на то, что женщины крестьянки, доведенные до отчаяния пьянством мужей, обращаются за помощью в волость «Отчего они не относятся с тою же жалобой... к сельским старшинам? - задается вопросом писатель. ... Разве нельзя возложить на них обязанность наблюдать за домохозяевами, работающими на кабаке, и доносить в волость о тех из них, которые идут по дороге к разорению? ... Почему бы обществу известного селения не устраивать опеки над семьей, глава которой норовит пустить ее по миру? Если прибавить к этому должный надзор за питейными домами и строгие взыскания с целовальников, вызывающих к пьянству или принимающих плату за вино вещами, то мы получим ряд мер, не совсем бесполезных в теперешнее переходное время»²². Дружинин, без сомнения, заблуждался относительно эффективности предлагаемых мер, не устранявших социальных причин пьянства, - нищеты крестьян, их обезземливания и т. п. Установление опеки привело бы к подпольному изготовлению сивухи, подкупу тех же старшин; целовальник, не имея возможности принимать вещи открыто, делал бы все это тайно и т. д. Но само желание писателя содействовать искоренению зла не может не вызывать уважения.

По серьезности затронутых проблем выделяется пятый очерк. Начинается он неожиданно - с упрека в адрес столичной публики, в отличие от иностранцев, живущих в России, не проявлявших должного внимания к реформе, тишина при введении которой и необыкновенность самого события, по мысли критика, «не могут не занять собой мыслящего человека»²³. Дружинин подвергает резкому осуждению наивность представлений своих соотечественников о том, что происходит в России, их вопиющую некомпетентность, проявляющуюся, в частности, в смешении оброка с издельной повинностью, крестьянского надела с выкупной сделкой и т. п. Опровергая подобные представления, он высказывается по кардинальнейшим проблемам времени.

Один из приятелей писателя предлагал «подарить крестьянам весь надел, потому что тогда благодарные крестьяне не затруднились бы отказать помещикам самую широкую помощь во всех работах». «Я слушал и не верил ушам своим, - сказал я наконец, - вы проповедуете восстановление барщины без всяких гарантий на ее продолжение. Если широкая помощь останется навеки, вот вам барщина, если она ослабевает и уничтожится, - вот вам разрушение всех помещичьих хозяйств в крае!» Дружинин не без основания сомневался в вечной благодарности крестьян, их готовности обрабатывать помещичью землю даром. Право же помещика на владение большим, нежели крестьяне, количеством земли сомнению не подвергалось.

Другой пример непонимания происходящего в России Дружинин усматривал в вопросах своей корреспондентки: приняты ли меры на случай проявления в деревне агитаторов? Не опасно ли в настоящее время жить в имении возле крестьян, которых кто-нибудь может взбаламутить с помощью обмана? Допуская, что подобные вопросы могли возникнуть накануне реформы, при составлении уставных грамот, даже в связи с польскими событиями, автор очер-

ков не видел в настоящее время оснований для беспокойства: «при теперешнем настроении крестьян они сами не спустят мерзавцу, который стал бы подстрекать народ к чему-нибудь худому». Подобная уверенность обуславливалась не только верноподданническими чувствами крестьян, их чуждостью революционным идеям, о чем говорилось еще в первом очерке, но и самой ситуацией, сложившейся к лету 1863 г., переменами в хозяйстве, устранившими, по мнению автора, коренные противоречия в деревне. «Во всяком столкновении, чтоб одна сторона, забыв всякую осторожность, налезла на другую, - заявляет он, нужен какой-нибудь субстанциональный предмет для спора, да еще так горячего, чтоб не вызвал на буйное решение?». Между тем предмет спора не исчез: национальное чувство, говоря словами Чернышевского, требовавшее сохранения за крестьянами всей земли, находившейся в их пользовании, не могло примириться с результатами реформы.

Не ограничившись сказанным, Дружинин доказывает экономическую невыгодность для крестьян бунта, незначительность выигрыша от распределения между ними помещичьей собственности. Истребление помещичьих лесов и потрава полей также не имели смысла: «через такую политику я должен буду волей-неволей вовлечься в спор, прибегать к карательным мерам, на насилие отвечать взысканиями. Но и тут результата выйдет не много, не только оттого, что между крестьянами весьма много людей умных и нравственных, но потому еще, что все они заняты по горло, между тем всякое флибустьерство требует много свободного времени».

В незнании истинного положения упрекается и печать. Автор очерков высмеивает журналистов, не ездивших дальше Коломны и тем не менее присвоивших себе право поучать общество по части ведения сельского хозяйства. Подобная некомпетентность проявилась, в частности, в их объяснении сокращения числа мировых посредников нена-

вистью к последним. «Вовремя же проявилась эта ненависть, надо признаться!» - иронизирует писатель. Дружинин не отрицал того, что среди посредников, деятельность которых оценивалась им чрезвычайно высоко, были люди ленивые или недобросовестные. Но главную причину сокращения мировых посредников все-таки связывал с окончанием их миссии, а также желанием общества избавиться от неоправданных расходов.

Суждения о мировых посредниках явились для Дружинина поводом для упрека по адресу современных журналистов, стремившихся на основании небольшого количества выводов делать обобщения. К числу вопросов, которым пресса придавала слишком большое значение, он относил и у утверждение, будто все помещики - крепостники и консерваторы, только и мечтающие о возвращении старых порядков. «Года прошли, реформа совершилась, как никто о том и не загадывал, сельский труд установился на прежних основаниях, тысячи новых забот отгоняют и самую память о прошлом, - утверждает Дружинин, а между тем неглупые люди, восседающие в праздности по столицам, продолжают выяснять смысл фактов и предостерегать общество от ехидных крепостников, так и норовящих восстановить крепостное право!»²⁴.

В следующем - шестом - очерке подводятся итоги лета. Дружинин с удовлетворением отмечает производительность вольного труда. «Нельзя было не порадоваться, - пишет он, - глядя, как в один день выкашивались луга, на которых еще недавно толпы народа копались по неделе. Какими огромными площадями чернело вспахиваемое поле в вечер после работы!»²⁵. Но, когда пришла пора подводить итоги, оказалось, что они не вполне соответствовали ожиданиям. Расходы не покрывались доходами.

Причину охватившего помещиков пессимизма автор очерков усматривал, во-первых, в излишнем оптимизме последних, полагавших, что пора жертв и лишений прошла, и

результаты преобразований не замедлят сказаться. Он стремился внедрить в сознание помещиков мысль о том, что реформа - процесс длительный, требующий терпения, учета многих обстоятельств. Другую причину разочарования Дружинин видит в беспечности и легкомыслии помещиков. Обрадовавшись урожаю прошлого года, они решили, что так будет и впредь и не требуется никаких усилий. Не приняли во внимание ни особенностей климата, ни других условий. «Год особенно урожайный, - пишет критик, - был нами принят за год нормальный, а сокращению запасов мы приписали все блага этого года, в чем теперь и разочаровываемся».

Близоруким и беспечным помещикам Дружинин противопоставляет крестьян-тружеников, далеких от бесплодной мечтательности и умозрительности. «Во всяком, по-видимому, весьма нелепом хозяйственном обычае, если только обычай этот укоренился в народе, - замечает он, - непременно имеется частичка чего-нибудь дельного, практического. Иначе быть не может: земледельческие порядки, может быть, недальновидными, пожалуй и тупыми, но все-таки живущими на земле, а не летающими в облаках воздушных». Полемизируя с учеными, упрекавшими крестьян в сохранении прежних запасов, Дружинин подчеркивал, что рутина обуславливалась особенностями климата, желанием застраховаться от случайностей природы, необходимостью обеспечить себя определенным количеством соломы для прокормления скота. Наконец, она сохранялась и за счет «деятельности» ретивых помещиков. Которые, пытаясь ввести новшества, оказались объектом насмешек.

Подводя итоги года, Дружинин, естественно, встал перед вопросом: что делать? Он поднимается до сознания важнейшей задачи времени - тогдашнего и даже нынешнего - воспитания настоящих хозяев земли, понимающих капризы природы, учитывающих случайности. «Тут нужен при-

мер, нужна деятельность многочисленных людей, рожденных и воспитанных для земледельческих занятий»

Но откуда возьмутся эти люди, понимающие землю, ведущие хозяйство рационально? Из какого сословия? Дружинин справедливо полагал, что дворянство не в состоянии выполнить эту миссию, ибо связано службою и не собиравшись покинуть столицы. Но агрономов, явившихся из остзейского края, и поселенцев вблизи железных дорог надежда также была плоха: первые преследовали цель личного обогащения, за бесценок набирали имения в аренду, вторые не стремились к хозяйствованию, использовали землю для строительства дач и отдыха. Купцы тоже «не любят возиться с землей». Еще менее основательными были надежды на особ, которые красноречиво говорили о сельском хозяйстве, но «не имели никогда поземельной собственности и дальше Гатчины не выезжали».

Успех преобразований в деревне Дружинин связывал с крестьянством. «Крестьяне, которые умные и сжившиеся с здешнею землею, - писал он, - вот откуда следует ждать наиболее новых землевладельцев и хозяев, пожалуй и наставников по хозяйственной части». Говоря о хозяевах земли. Дружинин имел в виду крестьян опытных, разумных, а таковыми, по его мнению, могли быть только крестьяне-собственники. «Стоит полюбоваться на то, как спешно, ловко и толково идет хозяйство у крестьян, успевших обзавестись своею собственною землею или арендующие разные пустоши на долгие сроки... Едва лишь крестьянин развяжется с миром и заберется в собственники, он совершенно перерождается, и не только он сам, но вся его семья, весь его дом, вся его обстановка»²⁶. Как видим, Дружинин связывал будущее России с частной поземельной собственностью, тогда как для Чернышевского она являлась только этапом на пути к общинному землевладению, в свою очередь, ведущему к организации фабрично-заводских ассоциаций, использовавших высокоразвитую технику. И

сточки зрения исторического пути, пройденного русским крестьянством, Дружинин оказался прозорливее Чернышевского: община не оправдала возложенных на нее надежд, Россия не избежала капитализма.

Однако, воспитание крестьянина-собственника требовало времени. Между тем, найти выход из создавшегося положения, сократить количество потерь следовало немедленно. Автор очерков предлагает два пути. Первый - обращение к нововведениям, основанным на науке и строжайше проверенным на практике. Но это путь предполагал в помещике известный запас агрономических сведений, требовал наличие средств для найма работников, гарантий, что последние не окажутся мошенниками и т. п. Более приемлемым, по мысли Дружинина, являлся другой путь - возвращение к некоторым выгодным статьям прежнего хозяйства, слишком уж урезанным с началом реформы. Автор очерков вовсе не стремился вернуться к старому, лишь хотел взять из него лучшее, опрометчиво отвергнутое, то, что было подтверждено опытом многих поколений тружеников. А это предполагало увеличение скота и средств для его прокормления, т.е. расширения запашек, посев кормовых трав и хлебов, которые порядочно родились в местах посредственного качества. Расчистку лугов. Основываясь на многолетних наблюдениях, Дружинин советует уделять более внимания культурам, которые в условиях Севера давали хороший урожай, - льну, гороху, гречихе и особенно овсу. Тот же опыт подсказывал ему недопустимость ежегодного засеивания земли одной и той же культурой при отсутствии удобрения, необходимость перехода к четырехпольной системе. Указанные меры способны были обеспечить стабильность хозяйства, но и при выполнении этих рекомендаций, по мнению критика, следовало создать резерв и особенное поле на случай непредвиденных обстоятельств.

Наконец, обратимся к последнему - седьмому - очерку. По признанию автора, предмет его - «поживее и даже в некотором отношении забавнее двух предшествовавших», хотя в нем «нет ничего ни особенно смешного, ни радостного»²⁷. Но, Дружинин решительно не видел возможности говорить об этом предмете, не вставши на юмористическую точку зрения. Речь в очерке шла о жизни хозяев-поселенцев «с их радостями, горестями, разочарованиями и причудами». Выбор темы в очередной раз свидетельствовал об умении автора затронуть чрезвычайно важные вопросы времени.

Дружинин не сомневался в том, для «семейного петербургского человека, выслужившего пенсию, скопившего маленький капиталец и все-таки находящегося почти в гнусной бедности по случаю петербургской дороговизны, мысль о тихом деревенском приюте очень заманчива»²⁸. Он полагал, что с открытием варшавской железной дороги при относительном спокойствии края число дачников резко возрастет. Этого, однако, не произошло. Причина подобной медлительности заключалась в дороговизне дач и психологии старого чиновника, для которого строиться и обзаводиться хозяйством, было крайне трудно. Выход из воздавшегося положения Дружинину подсказан владельцами земель вдоль московской железной дороги, которые, понимая затруднения своих потенциальных клиентов, строили маленькие домики с хозяйственными постройками на продажу. Считая приобретение подобных домиков делом, чрезвычайно выгодным для обеих сторон, автор очерка предлагал владельцам земель в окрестностях Петербурга последовать примеру москвичей.

В рассматриваемом очерке Дружинин пропагандирует здоровый образ жизни, деревенский простор чистый воздух. Жизнь на лоне природы противопоставляется им жизни в Петербурге, неудобной для человека и в силу климатических условий, и вследствие скученности». Купив кло-

чок земли, даже пустопорожней, похлопотав над ней года два и положив на постройку и обзаведение тысячи четыре, наш труженик получает возможность до конца дней своих жить в такой чистой и теплой квартире, о которой он и не мечтал в столице, иметь за столом припасы, хотя и простые, но недоступные ему в Петербурге, проводить время в здоровых занятиях по хозяйству и кушать простоквашу от своих коров под сенью своей собственной, если не смоковницы, то яблони»²⁹. Дружинин против унижающих человеческое достоинство условий жизни. Объездивший Европу, он радуется за приближение Петербурга к числу цивилизованных столиц мира.

Не жалея красок, описывает автор очерков радость чиновника, приобретшего дачу: «Когда отставному чиновнику, мечтающему о сельском уединении, удастся, наконец, покинуть столицу и приобрести маленькую мызу, он на первых порах счастлив, как ребенок»³⁰. Однако радуется чиновник недолго, Автор очерков предупреждает его об опасности, исходящей из собственной семьи: «Жены и взрослые дочери поселенца... не расположены ценить деревенских благ... Еще сама новая помещица иногда хранит кое-какое приличие, не покидает домашнего хозяйства, но взрослые ее дочери впадают в исступление тоски, отравляют собою все, что к ним приближается»³¹. Дружинин показывает пошлость, ограниченность интересов петербургского чиновничества, оторванность его от естественной жизни. Дочери чиновника-поселенца рисуются своенравными, капризными особами, презиравшими труд и помышляющими только о развлечениях. Так, автор очерков подходит к проблеме, поднятой им еще в «Полиньке Сакс», - воспитания молодого поколения, в частности, девушки в семье и обществе.

По-настоящему оценить преимущества сельской жизни, по мысли Дружинина, мог только любитель охоты. Он подчеркивает преимущества сельской охоты, по сравнению с

ней же в окрестностях Петербурга. Тут важны не одно большее количество дичи, но и само отдаление от города, деревенская обстановка, сознание полной независимости вместе с отсутствием помехи»³².

К преимуществам сельской жизни Дружинин относит и общение помещиков с крестьянами-охотниками. Он был уверен, что общность интересов сближает людей, устраняет сословные перегородки.

Кроме дачников, Дружинин выделял среди поселенцев еще один род людей, которые приобретали клочок земли, предполагая в себе большие сельскохозяйственные таланты, но пока им было негде развернуться. Характеристика этих деятелей осталась незавершенной.

Пренебрежительно отзываясь о серии очерков «Из дальнего угла С - Петербургской губернии», А. М. Бройде тем не менее отмечал в них «трезвы показ психологии провинциальных помещиков того времени и их взаимоотношения с крестьянами», признавал, что они «могут быть полезным материалом для историков, изучающих 60-е годы 19-го века России»³³. Не отрицая познавательного значения очерков, полагаем, что они имеют и не малые художественные достоинства.

Дружинин называет очерки письмами из деревни, не претендуя тем самым на их особенное - обобщающее - значение. Каждый очерк посвящен конкретной теме. Приступая к рассмотрению новой темы, Дружинин ссылается на предыдущую, заключая - называет следующую. В композиционном отношении очерки построены одинаково: констатируется факт, в подтверждение сказанного приводятся примеры, определяются причины явления, затем следуют предложения и рекомендации. В зависимости о предмета рассмотрения очерки получают эмоциональную оценку: содержащий перечень отрадных перемен в деревне назван «довольно розовым», воспроизводящим трудности реформы - «исполненным «мрака и уныния»³⁴ и т. д.

Обличительная особенность очерков - их документальность, установка на конкретность и точность деталей. Это проявляется в приурочении каждого очерка к определенной дате («Июня 6-го» - первый очерк, «Июнь 1863» - второй, «10-го июля» - третий, «Июль 1863!» - четвертый, «Август 1863г.» - пятый, «Сентябрь, 1863» - шестой и «Сентябрь 1863» - седьмой³⁵, указания на время пожара в Гдове («около половины мая месяца», «семнадцатого числа»), размер ущерба («сгорело около сорока домов»)³⁶, число питейных заведений в злосчастной деревеньке с семью дворами (открыто с нового года три кабака)³⁷, величину вознаграждения за труд по найму («сжать озимую десятину стоило от 2 р. 50 коп. До 3 р. сер., рабочий для молотбы берет около 20 к. сер. в день»)³⁸ и т. д.

Повествование ведется от первого лица. Подобная «субъективность», личная заинтересованность Дружинина в поднимаемых вопросах сообщает доверительный тон рассказу, убедительность приводимым аргументам. Автор очерков обнаруживает большие познания не только в русской литературе (цитаты из «Домостроя», произведений Пушкина, Гоголя), истории политике (ссылки на К. Б. Кавура, Р. Пиля), но и экономике и сельском хозяйстве (упоминание о заметках о Беллюстина, трудах Вольно-экономического общества, производителе удобрений Бутене, изобретателе жатвенной машины Мак-Кормике и др.).

Фон повествования расширяется по мере введения в текст суждений уездного доктора, мирового посредника, соседа-помещика, крестьян и т. д. Этой же функции служит указание на всем известную историю П. И. Якушкина, арестованного псковской полицией за ношение крестьянского платья, несовместимого с его знанием губернского секретаря.

Повествование не свободно от юмора, нередко переходящего в иронию. Дружинин именует дачников на американский манер скваттерами, рослую и сильную деревен-

скую бабу Палагею, поколотившую пьяницу-мужа, амазонкой, трактирного целовальника виночерпием. Об особах, красноречиво говорящих в ученых обществах о сельском хозяйстве, но к земледельческому труду не способных, он замечает: «Уже лучше пускай останутся в С.-Петербурге»³⁹. Оказавшись впервые в деревне, жена и дочери чиновника-поселенца «на курицу, бродящую по двору глядят с подобострастием»⁴⁰. В юмористическом тоне выдержан и рассказ о соседе-помещике, пытавшемся понять, что влечет дочерей чиновника в столицу: «Из ответов сперва оказывалось, что Петербург милый город, в котором жить есть уже наслаждение и некоторая почеть. Потом было сказано, что там есть милый Александровский парк, а в парке играет такая милая музыка. «И гуляют такие милые псаря!» - добавил сам вопрошавший»⁴¹. Благодаря введению реплик персонажей, нередко сохраняющих социальную характеристику, достигается полифонический эффект.

Речь автора отличается образностью, чему способствуют сравнения. О купцах, не умеющих обращаться с землею, Дружинин пишет: «совершенные киты, выкинутые на берег»⁴². О капризах северной природы говорится: «подобно множеству русских, преимущественно столичных, голяков, она сверх того и беспутна»⁴³. Для чиновника-дачника «самый смиренный домик есть дворец», огурец для него «почти то же, что ананас для разбалованного барича»⁴⁴. Сравнить скромный охотничий домик в 200 метрах от столицы с щегольским приютом под Петербургом - «все равно, что сравнивать хорошую, красивую, здоровую мызу с фигурной дачкой берегов Невки или Черной речки»⁴⁵. Нередко сравнения приобретают развернутый характер: «хозяйственные дела, за которые крестьяне берутся целыми обществами, не удаются точно потому же, почему у нас не удастся большая акционерных предприятий... Спросите сякого человека, ведущего коммерческие дела, с кем ему надежнее вести сношения: с отдельным ли хорошей репута-

ции капиталистом или с крикливым акционерным обществом, хотя бы это общество находилось и в цветущем состоянии?»⁴⁶

Не менее выразительны и метафоры: «Иногда и никто в мире не знает, почему она (земля - Н. А.) вдруг слюбится с овсом и давай его родить с успехом, ... вслед за тем словно кто-нибудь ее припугнул, и овсы не удаются...»⁴⁷. Для большей убедительности Дружинин прибегает к гиперболе: по его мнению, свой уголок «в десять раз привлекательнее тех, иногда очень роскошных, приютов под городом», сходитья вдали от Петербурга «во сто раз приятнее»⁴⁸, нежели в его окрестностях. Запоминаются и используемые автором антитезы. «У взыскательного, коротко говорящего, дельного помещика, - замечает он, - рабочие нанимаются без хлопот за сходную цену, у смиренного ленивца вольные рабочие - та же барщина»⁴⁹.

В текст очерков вводятся афоризмы («Чтобы научиться плавать, нужно быть в воде, чтоб одолеть искушение, нужно с ним чаще бороться»), Цитаты из «Домостроя» (рассказ о Палагее, которая поколотила мужа)⁵⁰, произведений Пушкина («жена и дети, друг, поверь большое зло. От них все скверное на свет произошло») и Гоголя (можно развести отличный березовый лес»⁵¹, «бойкое перо у этого человека»⁵²). Не чужд Дружинин библейских (дочери чиновника «с наступлением сентября подняли ... содом», вести о счастливом существовании доходят и до «столичных Немвродов»)⁵³ и античных («кто же гарантировал, что ... французы или ленивцы исчезнут в тартар?»)⁵⁴ образов.

Помимо профессионализмов («выкупная сделка», «крестьянский надел» и др.) используются философская («трансцендентальное истолкование», «субстанциональный предмет для спора») и политическая («серьезная агитация», «первых рескриптов»)⁵⁵ лексика. Наряду со словами высокого стиля, употребляемыми в ироническом плане (чиновник наслаждается «под сенью, если не смоковницы, то яб-

лони»⁵⁶, половина машин «гниет под сенью разных сараев»)»⁵⁷, используются просторечные и разговорные выражения. О людях, судящих о крестьянском хозяйстве без должного знания предмета, Дружинин замечает. «пишут и печатают черт знает что такое», «кто из них угобзится высказать более незнания сельских дел»⁵⁸. Столичный житель видит на краю за обедом «корюшку с дрянным картофелем»⁵⁹. Решившись на нововведения, помещик должен быть уверен, что «агрономы... не окажутся мазуриками»⁶⁰. Худые посредники «свернули себе шею»⁶¹. О дочери чиновника-дачника Дружинин пишет: «враг не дремлет»⁶², о соседе-помещике: «у Петра Ивановича «хозяйство теперь идет как по маслу»⁶³.

Есть в очерках и иностранная лексика. Помимо упомянутых выше слов «скваттер», «амазонка», имеются и другие. По словам автора очерков «абсентеизм из имений всегда был очень силен»⁶⁴. Он был убежден, что «всякий самый безобразный денди скорее их «купцов отыщет себе интерес и занятие»⁶⁵ в деревне. Слуга помещика-охотника именуется верным драбантом, споры крестьян с их бывшем господином - флибустьерством.

Примечателен и синтаксис. Чиновник-дачник, пишет Дружинин, «радуется, глядя на свой дом, свое поле, свой навоз и свое болото»⁶⁶. Четырежды повторенное местоимение, да еще выделенное курсивом, указывает на причину радости новоиспеченного землевладельца. Активизации внимания читателей способствуют и восклицания («Увы! Начинания эти пошли прахом...»)»⁶⁷, обилие риторических вопросов, следующих один за другим, каскадом: «Все это пройдет и должно пройти, но скоро ли? А до тех пор само общество не может ли принять каких-либо, хотя коллективных, хоть бы недостаточных мер к ослаблению бедствия?»⁶⁸

Серия очерков «Из дальнего угла С. - Петербургской губернии» убеждает в глубокой заинтересованности Дружи-

нии в изменении русской жизни, продолжении преобразований в деревне, стремление содействовать ему по мере сил и возможностей. Автор очерков не только ставит острые вопросы времени, но и высказывает предложения и рекомендации, обнаруживая знания дела, понимание психологии помещиков и крестьян. Расходясь с Чернышевским в решении ряда проблем русской жизни, Дружинин в данной работе подошел к нему ближе, чем когда-либо. Вопросы, поднятые писателем, актуальные для 60-х годов XIX века интересны и для нашего времени.

Рассмотренные очерки, думается, показывают несостоятельность утверждений исследователей в том, что в последние годы жизни творческие возможности Дружинина иссякли. Напротив, очерки свидетельствуют об огромном потенциале писателя, ярко проявившем себя в одной сфере деятельности - публицистической. Серия очерков «Из дальнего угла С. - Петербургской губернии» должна занять достойное место среди других произведений этого жанра 60-х годов.

Примечания:

1 См об этом: Егоров Б. Ф. Проза А. В. Дружинина // Дружинин А. В. Повести. Дневник М., 1986 С. 452.

2 Бройде А. М. А. В. Дружинин Жизнь и творчество. Copenhagen, 1986 С.165

3 РГАЛИ. Ф. 167. Оп. I. Ед. хр. 622. Лл. 1 - 1 об.

4 Там же. Л. 5.

5 Там же. Л. 4 об.

6 РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 628. Л. 2. Об.

7 РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 624. Л. 12. См. также РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 622. Лл. 9, 10.

8 Там же. Л. 8.

9 РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 628. Л. 2 об.

10 Там же. Л. 6.

11 Там же. Л. 2.

12 Там же. Л. 5.

13 Ср в письме к В. П. Боткину от 18.01.58 г. Дружинин пишет: «Чернышевский (припомните Тургеневу, как он считал его политическим человеком) ринулся в

политическую экономию и удивил Европу статьями о поземельной собственности, скомпилированными из французских брошюр 1847-1848 годов! Общее посмеяние было ему наградою» (ГТМ, Архив В. П. Боткина Инв. № 60753 Л. 2).

- 14 Московские ведомости. 1863 № 169. 6 августа
- 15 Московские ведомости. 1863 № 134. 20 июня.
- 16 Там же
- 17 Московские ведомости. 1863. № 143. № 143. 2 июля.
- 18 Там же.
- 19 Там же. № 158. 19 июля
- 20 Там же.
- 21 Там же. № 169. 3 августа
- 22 Там же
- 23 Там же № 199. 13 сентября
- 24 Там же
- 25 Там же. № 220. 11 октября.
- 26 Там же.
- 27 РГАЛИ Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 32. Л. 1.
- 28 Там же. Л. 1 об.
- 29 Там же. Л. 1 об. - 2.
- 30 Там же. Л. 2 - 2 об.
- 31 Там же. Лл. 2 об. - 3.
- 32 там же Лл. 4 - 4 об
- 33 Бройде А. М. Указ. соч. С. 165.
- 34 Московские ведомости. 1863. № 158.
- 35 Московские ведомости. 1863. ~~№~~ 134, 143, 158, 169, 199, 220, РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 32. Л. 1.
- 36 Московские ведомости. 1863. № 134
- 37 Московские ведомости. 1863. № 169.
- 38 Московские ведомости. 1863. № 220.
- 39 Там же.
- 41 РГАЛИ Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 32. Л. 2 об.
- 41 Там же. Л. 3
- 42 Московские ведомости. 1863 № 220.
- 43 Там же.
- 44 РГАЛИ Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 32. Л. 2 об.
- 45 Там же. Л. 4 об.
- 46 Московские ведомости. 1863. № 158
- 47 Московские ведомости. 1863 №. 220.
- 48 РГАЛИ Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 32. Л. 4.
- 49 Московские ведомости. 1863. № 143.
- 50 Московские ведомости. 1863 № 169.

- 51 РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 32. Лл. 3 об., 1 об.
52 Московские ведомости. 1863. № 158
53 РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 32. С. 3, 4.
54 Московские ведомости. 1863. № 199
55 Там же
56 РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 32. Л. 2.
57 Московские ведомости. 1863. № 143.
58 Московские ведомости. 1863. № 199.
59 РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 32. Л. 2 об.
60 Московские ведомости. 1863. № 220
61 Московские ведомости. 1863. № 199.
62 РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 32. Л. 7 об.
63 Московские ведомости. 1863. № 143.
64 Там же
65 Московские ведомости. 1863. № 220.
66 РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 3. Ед. хр. 32. Л. 2 об.
67 Московские ведомости. 1863. № 143.
68 Московские ведомости. 1863. № 169

Журнал «Библиотека для чтения» в общественно-литературной ситуации середины 1850-х годов.

Журналистика подошла к поре реформ сильно пострадавшей от «мрачного семилетья». Писательский и журналистский корпус, еще не успевший полностью профессионализироваться в 1840-е гг., был деморализован, раздроблен и разъединен, поколение молодых, талантливых литераторов и журналистов подрезано на взлете. Новое поколение шестидесятников начнет во многом как бы с чистого листа, и это станет впоследствии одной из причин пропасти непонимания, образовавшейся между поколениями

Среди немногочисленных изданий, переживших «мрачное семилетие» и вступивших в «пору надежд», старейшим был журнал «Библиотека для чтения». Редактором его продолжал оставаться О. И. Сенковский, с 1834 года то деливший, то единовластно вершивший редакторские функции. «Библиотека для чтения» была изначально задуматься как коммерческое предприятие, сориентированное на прибыль и успех, но и этот любимец публики в период политических репрессий не устоял, не сохранил большинства подписчиков, не удержал места самого популярного издания России. Хотя внешние обстоятельства этого периода были одинаковы для всех изданий, причины, обусловившие динамику отношений с публикой каждого из них, были разными. Наивысший пик популярности «Библиотека» пережила в 1834-1837 годы, тогда количество ее подписчиков увеличивалось ежегодно почти на тысячу. Сенковскому удалось найти в то время верный тон диалога с аудиторией, который вполне соответствовал духовным запросам русской провинции 1830-х годов и наиболее адекватно отражал умонастроение самого редактора. К тому же в общест-

ве происходили социальные сдвиги, результаты которых стали вполне ощутимы через двадцать лет: на историческую арену исподволь прокладывая себе дорогу демократический читатель, имевший еще не определившиеся вкусы и интересы, ему как нельзя лучше подходил энциклопедизм журнала Сенковского. Популяризаторский талант редактора, великолепный язык, приближенный к разговорной речи и очищенный от книжных оборотов и терминологического мусора привлекали к журналу широкие читательские круги. Литературные соперники и судьи упрекали журнал за эклектизм, отсутствие серьезной и последовательной программы, за то, что заигрывал с публикой. Но программа у журнала была, иначе он не продержался бы долго. Хотя она очень не походила на программы других изданий, прежде всего, отсутствием пропагандистского начала. Сенковский ничего не собирался прививать, воспитывать, единственной его целью было постепенное умственное образование русского общества, которое в данный момент он считал очень молодым и неспособным к усвоению серьезных идей. Его наблюдения над ходом европейской журналистики (а Сенковский ежемесячно просматривал не менее двадцати изданий) привели к убеждению, что жизнь журнала определяется его популярностью, чего можно достичь, только чутко улавливая настроения публики и безошибочно предлагая ей материалы, имеющие вкус новизны, занимательности. По воспоминаниям А. П. Милюкова, ставшего в конце 1840-х гг. сотрудником «Библиотеки для чтения», журнал к этому времени начал утрачивать свою былую популярность: «В 1830-е годы в Московской гимназии между учениками старших классов была сильно развита любовь к русской литературе. Мы покупали в складчину новые замечательные книги, подписывались на журналы. При этом особенно счастливым почитал себя тот, кому доставалась «Библиотека для чтения» с какой-нибудь повестью или критической статьей Барона Брамбеуса. Несмотря на обилие талан-

тов в тогдашней литературе, ни один писатель после Пушкина или Марлинского не пользовался в среде нашей гимназической молодежи такой известностью, как автор «Фантастических путешествий»¹. Рассказы его, теперь забытые, читались тогда с увлечением, забавные выходки затверживались на память, потешные рецензии считались верхом остроумия. В то время Барон Брамбеус был великим талантом в глазах не одних детей»². Отмечая падение былой популярности Сенковского, особенно в Петербурге 1840-х гг., Милюков ставит это в прямую связь с тем значением, которое стали приобретать в глазах общества «Отечественные записки» и Белинский.

Духовное развитие русского общества, выразившееся в значительных сдвигах в системе ценностей, стало результатом просветительской деятельности не одного поколения русских писателей, журналистов, в том числе и самого Сенковского. Но именно от него темпы роста самосознания русского общества ускользнули, потому что он вел уединенную кабинетную жизнь, он отгородил себя от людей из боязни разочароваться в них, но тем самым он лишил себя новых впечатлений и возможности наблюдать тенденции развития русского общества. Сенковский продолжал утверждать по воспоминаниям А. П. Милюкова, что русской публики чужды серьезные идеи: «Вы, нынешние молодые писатели, - говорил он при первой встрече мемуаристу, - стараетесь проводить разные, как вам кажется либеральные идеи, а общество наше пока еще не нуждается в них, ему нужно только чтение книг, которое развлекло бы его, занимало, смешило, а не заставляло бы думать, волноваться сердиться. На идеи у нас нет спроса - и предлагать их теперь - все равно если бы разносчик стал кричать перед домом, где все спят глубоким сном»³. Эти слова мемуариста отчетливо рисуют странное положение журналиста, не знающего настоящих, сегодняшних проблем своего читателя. Ведь общественная жизнь 1847 года, когда состоялся

этот разговор, была наполнена спорами, страстями, борьбой различных партий. В это время появлялись новые таланты, открывались новые издания. Все это могло дать представление Сенковскому об изменившейся ситуации, если бы он захотел и увидеть и поверить в увиденное. Следующий, 1848 год, казалось бы, как нельзя лучше подтвердил скептические прогнозы Сенковского, но все равно даже семилетней реакции не удалось остановить ни процесса духовного взросления русского общества, ни движения литературы и журналистики.

О том, насколько Сенковский удалился от активного участия в редактировании журнала, от определения его направления, свидетельствуют такие материалы, как переписка Е. Н. Ахматовой с А. В. Дружининым, воспоминания А. В. Старчевского, письма русских литераторов того времени. Е. Н. Ахматова была другом и помощником О. И. Сенковского, она одной из первых русских женщин стала профессиональным литературным работником: писала рассказы и повести, преимущественно на женскую тему, переводила с английского, была хозяйкой литературного салона, где собирались близкие к «Библиотеке» авторы (Сенковский из-за особых семейных обстоятельств не мог себе этого позволить). Знакомство Е. Н. Ахматовой с А. В. Дружининым, который был моложе ее на четыре года, завязалось сначала заочно, затем сделалось более тесным: их сближал интерес к английской литературе и женской теме. Е. Н. Ахматова много сделала, чтобы привлечь в начале 1850-х годов Дружинина к участию в «Библиотеке для чтения». Все, кому не безразлична была судьба этого журнала, сознавали необходимость привлечения людей к этому изданию.

А. В. Старчевский вспоминал: «В это время я редактировал «Библиотеку для чтения» вместе с Сенковским. Реальное направление после трудов Гоголя брало верх. И все молодое и живое перебегало постепенно из старого лагеря

в новый. «Барон Брамбеус игнорировал новое направление, но плотина его не выдержала... Я стоял за новое направление, не допуская лишь крайностей и увлечений. Сенковский не уступал... В журнале, следовательно было два течения, - я искал сотрудников в новом направлении, а Сенковский кидал бомбы из отдела критики и литературной летописи в этот лагерь. Я предложил старому литературному борцу ограничиться одной ученой критикой»⁴.

Так произошло первое пришествие Дружинина в журнал, который спустя пять лет он станет редактировать. Начинаящий сотрудник имел далеко идущие планы и опыт журнальной работы. В одном из писем к Е. Н. Ахматовой он скажет, что три года вытягивал вместе с Некрасовым «Современник». Полученные знания и зародившиеся идеи Дружинину хотелось применить, но это было невозможно в «Современнике»: Некрасов и Панаев были единомышленниками, поэтому разногласия Дружинина с одним из редакторов, Панаевым, оказались неразрешимыми. Панаев же в «Записках Нового Поэта» открестился от имени «Иногородного подписчика», назвав его «гостем, которому из вежливости дают место». Обиженный Дружинин воспринял приглашение «Библиотеку» как большую удачу. У Дружинина была целая программа переустройства журнала. Он писал развернутые письма Е. Н. Ахматовой, зная о влиянии, которое она имела на Сенковского. В письме от 4 января (год не указан, но его можно определить, как 1851) Дружинин поддерживал желание своей корреспондентки поставить «Библиотеку» на старую ногу. По его мнению, это вполне возможно, если иметь достаточно денег и двух-трех упорных сотрудников. Дружинин считал, что в «Библиотеке» хороши отделы русской и иностранной словесности, а также «ученая часть», а вот критику, библиографию и смесь «нужно поднимать». Он спрашивает у своей корреспондентки, насколько верно его наблюдение, что Сенковский не планирует тематику материалов для номера, а

полагается на волю случая. По его мнению, редактору нужно входить во все подробности, следить за появлением интересных произведений подающих надежды авторов, за изменением вкусов публики. Он отмечал, что существует огромная масса неизвестных или полузабытых фактов, обращение журнала, к которым способно увеличить тираж до 4000 подписчиков. Признавая прежние заслуги Сенковского, его удивительные популяризаторские способности, Дружинин с горечью констатировал, что «нынешний редактор почивает на золоте и не хочет его понять»⁵.

Регулярное сотрудничество Дружинина в «Библиотеке» началось после его возвращения с Кавказа осенью 1851 года, но изменить направление в соответствии со своими замыслами ему не удалось. Хотя Дружинин в последующие два года много времени проводил Сенковским, он не смог преодолеть ту стену отчуждения, которой оградил себя от людей и жизни стареющий Барон Брамбеус. Все реальные рычаги управления журналом сосредоточил в своих руках Старчевский, с усиливающейся ролью которого не могла справиться и Е. Н. Ахматова. Письма Дружинина к ней вплоть до 1854 года пестрят постоянными жалобами на Старчевского: на его вмешательство в литературную часть, в которой ничего не понимает, на самомнение и отсутствие вкуса, порядочности, на самоуправство. Особенно часто встречаются жалобы на скудость при расчетах не только с самим Дружининым, но и авторами, которых тот приглашал в журнал для сотрудничества. Старчевский всячески пытался поссорить Сенковского с Дружининым, что ему и удалось в феврале 1854 года. После неприятных для самолюбия Дружинина писем от Сенковского их личные и журнальные отношения были порваны. Имена Сенковского, Ахматовой, Старчевского не встречаются в дневнике и письмах Дружинина вплоть до 1956 года.

Именно с этого года можно вести отсчет наступивших в России перемен. Особенно чутко отреагировала на новые

веяния журналистика⁶. В 1856 году в Москве начали издаваться сразу два новых журнала: «Русский вестник» и «Русская беседа». Такого не было уже давно. Русские журналы еле-еле пережили пору реакции, до новых времен сохранилось только несколько изданий энциклопедического, общественно-литературного направления: «Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Москвитянин» (перестал издаваться в 1856 г.), с некоторой натяжкой сюда можно отнести «Иллюстрацию» и «Репертуар т пантеон». В период Крымской войны газеты значительно потеснили журналы, отбив у них часть подписчиков. «Современник», начавший свою жизнь с двух тысяч подписчиков и увечивший за следующий год их число в 1,5 раза, все последующие годы их терял, так что в 1856 г. не дотягивал до 3000. В «Отечественных записках» подписка упала более чем вдвое. «Библиотека для чтения» имела к началу 1840-х гг. до 7000 подписчиков, теперь с трудом удерживала 2000. Несмотря на все уверения Старчевского, в первой половине 1850-х годов, что подписка растет, журнал не только терял подписчиков, но менялось их качество. Будучи изначально задуман как журнал провинциальный, он, тем не менее, был популярен и в обеих столицах, читательская аудитория которых в значительной степени определяла общественное мнение. Именно эта часть публики утратила интерес к «Библиотеке», в которой из-за разногласий в редакции все отчетливее ощущался эклектизм.

Издатель журнала В. Печаткин решил вернуть журналу былую популярность и доходность, так как пример «Русского вестника» и «Современника» показывал, что публика опять заинтересована в новостях, обзорах, литературных произведениях и что журнал, который сможет уловить ее интерес, ждет успех. Переговоры с Дружининым о возможности его участия в «Библиотеке» в качестве редактора начались в марте - апреле 1856 года. Дружинин не долго колебался, Его литературная карьера, которая блестяще нача-

лась «Полинькой Сакс», приостановилась, а между тем он ради нее отказался от военного и чиновничьего поприща. Искусство, литература, их вечные ценности - все это непреодолимо влекло его, он упивался литературной работой, а между тем постоянной трибуны не было. Дружинин работал для «Отечественных записок», но невысоко ценил Краевского, дважды начинал работать в «Современнике» и его отношения с Некрасовым были вполне дружескими, но новое направление журнала было для него неприемлемым⁸.

Чернышевский, вспоминая об обстоятельствах того времени писал: «Когда я стал писать исключительно для «современника», я вытеснил из него Дружинина: я писал так много. Что для Дружинина, писавшего быстро и много не оставалось достаточно места; притом его литературные понятия были слишком различны от моих; и при моем возрастающем влиянии на общий тон журнальных отделов «Современника» Дружинин оказался непригодным для него по образу мыслей» (Т. I С. 721).

Дружинину в «Библиотеке» были предложены самые выгодные условия: абсолютные редакторские права выбора материалов в литературные отделы, устранение от «черной типографской работы», высокие гонорары и премии за каждого нового подписчика сверх имющихся двух тысяч. Все его корреспонденты, к которым он обратился за советом и поддержкой, единодушно выражали свою радость по поводу благоприятных перспектив редакторской деятельности для него лично и для русской журналистики в целом. В. П. Боткин в письме Дружинину от апреля 1856 года признавал: «Из всех известных пишущих людей Вы более всего представляете гарантии для действительного редактора журнала, и не только по общей образованности, главное по характеру своему». Далее Боткин предупреждает будущего редактора, что ему предстоит большой труд, чтобы поднять «Библиотеку» из «безличности и пошлой рутин»⁹. Чуть позднее Н. А. Некрасов писал: «Я видел уже на опыте, что

Вы можете взять положительно, ровно и притом красиво. Это при должной осмотрительности, не переходящей однако в пугливость,... - это самые необходимые журналисту качества, и я рад, что Вы, а не иной кто, вступили на эту дорогу. Не все же Старчевским и Краевским держать литературные вожжи»¹⁰.

Решившись взять «литературные вожжи» от «Библиотеки», Дружинин первым делом расторг все прежние свои обязательства перед другими изданиями.: «Санкт-Петербургскими ведомостями» и «Отечественными записками», только «Современнику» Дружинин отдал дорогой сердцу перевод «Короля Лира» Шекспира, тогда же отклонил очень выгодное предложение М. Н. Каткова о сотрудничестве в «Русском вестнике» и с головой ушел в подготовку материалов для обновленного журнала. Хотя Дружинин был свободен от черновой типографской работы, от поиска денег на издание журнала, что как проклятье тяготило Некрасова, задача, стоящая перед начинающим редактором «Библиотеки», была очень сложной.

Во-первых, круг авторов, которых можно было бы привлечь к работе в «Библиотеке» очень сузился. Их в русской литературе не хватало всегда. В свое время Белинский отмечал как парадокс русской действительности зияющую пропасть между первостепенными талантами и ужасающей посредственностью. Надежных и профессиональных литературных работников, настоящей опоры журналистики, не хватало по-прежнему. Редакторы выпрашивали новые произведения, торопили авторов, а авторы разрывались между несколькими изданиями, не имея времени, чтобы тщательно обработать свое литературное творение. Наперечет были писатели, чьи имена способны были привлечь подписчиков к журналу. В начале 1856 г. положение, всегда трудное, усугубилось слухами о литературной лиге «Современника», об этом свидетельствует письмо Григоровича Дружинину: «Что, как, скажите, наше общее литературное дело в «Со-

временнике»? Все ли оно держится на прежнем основании?»¹¹. Далее Григорович сожалеет, что придется отказывать Краевскому, которого он ценил как человека. Григорович, находясь в это время в Москве, предполагал, что его корреспондент войдет в круг исключительных авторов «Современника». Положение Дружинина как начинающего редактора было вдвойне нелегким: ему было тяжело и обидно сознавать себя ненужным журналу, где он начинал свою литературную деятельность и которому он отдал почти десять лет, а также, что договор об обязательном сотрудничестве с «Современником» заключили его близкие друзья и приятели, имевшие громкие имена в литературе, и на сотрудничество которых он был вправе рассчитывать. Дружинин отчетливо сознавал, с какими трудностями ему придется столкнуться: «Если бы не лига беллетристов в «Современнике», - пишет он В. П. Боткину 5 апреля 1856 г., - я бы не задумался, но теперь первый отдел будет по необходимости беден. Нечего и говорить о том, что дружба между редакциями «Современника» и «Библиотеки для чтения» будет тесная дружба, за это я ручаюсь. Людей в «Библиотеке» нет, но едва дело начало завязываться, около меня стала уже формироваться фаланга лиц, желающих горячего и хорошего труда. Братья Майковы вызвались помогать усердно. Тургенев прислал ко мне Колбасина, который будет полезен для старой русской словесности. Гончаров взирает на все дело благосклонным оком. Михайлов, Соллогуб, Потехин, Авдеев, Лажечников станут продовольствовать I отдел»¹².

Дружинин получал очень настойчивые советы усиленно заняться формированием нового литературного кружка, «без которого невозможно существовать порядочному журналу»¹³. Анненков в ответ на просьбу молодого редактора «Библиотеки» написать воспоминания о «замечательном десятилетии» горячо возражал ему: «Воспоминания, толкования, изложение бывшей жизни и обсуждение бывших

теорий - все это попахивает землей, и после этого окна открывать на следует!» Опытные литературно-журнальные бойцы сильнее, чем молодой коллега чувствовали ветер перемен и советовали ему поскорее сориентироваться на настоящее. Анненков давал Дружинину дельный совет: «Изобретите Вы во что бы то ни стало, пару молодых, независимых, дерзких и несносных талантов. Сколько свежего добра нанесут они Вам! Уже не говоря о пользе журнала, какую пользу для литературы вообще Вы можете сделать. Почти наверняка можно сказать, что таких талантов Вы не найдете, но хоть немножечко увлечения страсти, самонадеянности. Вот уже с Гоголя никто не ходил у нас с головой и с носом, поднятым кверху, а ведь это в соединении с молодостью и свежестью картина наиприятнейшая!»¹⁴

Дружинин и сам знал, как важно собрать коллектив единомышленников, еще несколько лет назад он писал Е. Н. Ахматовой о Сенковском, что время персональной журналистики прошло и даже самый талантливый человек не может в одиночку определять лицо журнала. Теперь новому редактору «Библиотеки» предстояло воплотить свои идеи на практике. Невозможно собрать литературный кружок собратьев по перу просто вокруг журнала. Сильнейшим магнитом, притягивающим под знамена, может быть только идея, которая созвучна времени и поэтому найдет отклик в сердцах современников: и литераторов и читателей.

Важнейшим вопросом обновленного журнала был вопрос о его позиции. Литературно-критические взгляды, эстетические воззрения Дружинина не только сформировались, но и были обнародованы в целом ряде программных статей, где содержались неприятие дидактического или гоголевского направления и противодействие «публицистическому началу в критике, защита «чистого искусства». Нельзя забывать, что позиция Дружинина во многом формировалась

«от противного»: из отрицания и противодействия Чернышевскому и другим защитникам гоголевского направления. Показательно, что большие, развернутые статьи, обосновывающие свое «кредо», Дружинин написал именно в период противостояния идейному направлению «Современника»: т.е. оно рождалось из полемического неприятия чуждой позиции, а не из собственного эстетического переживания литературного творчества писателей. Спор Чернышевского и Дружинина о судьбах русской литературы достаточно освещен в нашем литературоведении¹⁵. Примечателен один оставшийся незамеченным нюанс: в ноябрьском номере «Современника» были опубликованы «Заметки о журналах» за октябрь 1856 г., где Чернышевский дал высокую оценку десятилетней деятельности А. В. Дружинина как литератора, а в ноябрьском же номере «Библиотеки для чтения» начала печататься программная статья Дружинина «Критика гоголевского и наше к ней отношение». Оба журнала закончили 1856 год статьей, подытоживающей один из самых напряженных и драматичных эпизодов литературно-общественной борьбы. Примирение не состоялось, позиции спорящих остались неизменными.

Чернышевский в «Заметках о журналах» очень искусно сочетает похвалы обновленной «Библиотеке» с предупреждением ей же. Если похвалы были во многом тактической уступкой, о чем свидетельствуют письма Некрасова - Дружинину и Чернышевского - Некрасову, то искусно замаскированное предупреждение разило сразу две цели: «Отечественные записки» и «Библиотеку для чтения». В первой части «Заметок о журналах» на октябрь 1856 г. подробно цитируется объявление о редакционных изменениях «Библиотеки», а затем оно сдержанно и лаконично комментируется. При этом подчеркивается прежде всего независимость. Мнений и нежелание вступать в литературные споры редактора обновленного журнала. Далее Чернышевский задает невинный, на первый взгляд вопрос: «Но какими же

силами владеет в своих сотрудниках редакция «Библиотеки для чтения» для доставления своему журналу живости и разнообразия, для обеспечения его литературных и ученых достоинств? Список новых участников, приобретенных журналу новой редакцией, дает на это ответ совершенно удовлетворительный. Тут мы видим имена, принадлежащие людям самых различных литературных партий - ручательство за то, что журнал будет занимать среди них независимое положение, - почти все эти имена пользуются более или менее выгодной известностью - ручательство за то, что в хороших статьях журнал не будет иметь недостатка» (Т. III. С. 710). Ирония Чернышевского проявляется в том. Что как опытный журналист он не знает, насколько важно соблюдение тона, стиля, духа журнала во всех материалах, составляющих его содержание, и что соединение разнонаправленных статей под одной обложкой допустимо разве что для ученого сборника, но никак для общественно значимого журнала. Но кроме того, этот пассаж имеет еще один иронический подтекст. Среди будущих авторов «Библиотеки» не было, во-первых, имен тех лучших писателей, которые заключили договор с «Современником», а во-вторых был назван Н. А. Некрасов, на чье долгое сотрудничество наивно было рассчитывать. Поэт ограничился публикацией нескольких стихотворений в первом, выпущенном под редакцией Дружинина, номере (октябрь 1856 г.). Почти вся вторая часть «Заметок» посвящена «Отечественным запискам», резко выступившим в десятом номере за 1856 год против писателей, заключивших с «Современником» договор об обязательном сотрудничестве. Используя метод исторических параллелей, Чернышевский сравнивает бесстыдные и безуспешные попытки журнала Краевского опорочить своего удачливого литературного соперника с подобными усилиями «Северной пчелы», нападавшей на «Отечественные записки» в пору, когда там писал Белинский. Чернышевский дразнит литературного кон-

курента, считая, что все выпады на «Современник» в сентябре-октябре (пору подписной кампании) можно рассматривать как стимуляцию интереса к критикуемому журналу, как содействие его популярности, и во всех его остроумных и даже дерзких выпадах читается уверенность в литературной устойчивости «Современника», в непоколебимости его кура и скрытое, но от того не менее грозное предупреждение всем, кто захочет последовать примеру «Отечественных записок» и примет участие в литературно-журнальной войне с «Современником» (См. Т. III. С. 710-711).

Дружинин не замкнулся на литературной полемике, он занялся созидательной работой, стараясь привлечь к «Библиотеке» всех писателей, свободных от «обязательных соглашений». Он ведет переписку с М. В. Авдеевым, А. Фетом, Д. Григоровичем, А. Потехиным, И. Тургеневым, Л. Толстым. Последние, так же, как и Островский, предоставят Дружинин для журнала свои литературные произведения, не только после разрыва с «Современником». О том, насколько энергично работал новый редактор для блага своего журнала, говорит и существенное изменение содержания его дневниковых записей. Литературные интересы совершенно вытесняют упоминания о кутежах, гастрономических изысках, о дамах полусвета и даже мечты о любви. Записи теряют исповедальность, лирическую окраску и становятся документальной фиксацией текущих событий: с кем виделся, о чем читал, или с кем говорил по журнальным делам, о чем хотел бы написать. 1857 год принес журналу значительное увеличение числа подписчиков - почти на 600, но все равно «Современник» на тот же период имел значительно больше - 3992, что говорит о более быстром росте успеха этого журнала. Дружинин старался компенсировать невысокое качество отдела отечественно словесности лучшими переводами иностранной, и прежде всего англо-американской литературы, в области которой он был

признанным авторитетом. Но Россия жила в этот момент своими насущными вопросами, и никакие зарубежные литературные новинки не могли отвлечь читателей от страстного желания говорить, обсуждать новости внутренней жизни страны, проблемы сегодняшнего дня. Культ «прекрасного и вечного», которому собирался служить Дружинин в качестве редактора, не выдерживал давления злободневности. Спустя два с лишним года после начала своей редакторской деятельности Дружинин меняет структуру журнала, вводя в нее с марта 1859 года отделы «Современной летописи» и «Политики».

Дружинин все больше осознает, что обстоятельства заставляют его заниматься тем, к чему у него душа не лежит и на что у него не хватает знаний. Продолжая мечтать о чисто литературном издании, он понимает его несвоевременность и невозможность. «Я чужестранец», - сказал о себе однажды в молодости Дружинин, еще острее это чувство стало у него к концу 1850-х годов. Власть политики и власть денег, от которых зависят и приток литературных сил, и приток читателей, наполняют душу Дружинина не свойственными ему прежде нотами разочарования в людях, а в письмах все чаще звучат рассуждения о деньгах: «Очень рад за добрую славу «Библиотеки». В этот год у меня прибыло столько же подписчиков, как и в первый год редакторства. Стало быть, журнал поднялся, особенно в прошлый год (т.е. 1858 - Г. Щ.) - при болезни, торжестве дидактической литературы и в полном одиночестве. Кто подал мне руку в тяжелый час, кто решился посидеть хоть один вечер над статьей, назначенной в мою поддержку? Все это пережито. Приятно подумать, что один человек был мне главным сотрудником, и этот человек - я сам, как выражался Гейне»¹⁶. Не только отсутствие кружка единомышленников тяготило Дружинина, но и неизбежная зависимость от интересов публики. Он, мечтавший о свободе, сознает иллюзорность своих надежд, даже притом, что в

руках у него свой журнал. Диктат вкусов и пристрастий аудиторий вторгался в храм искусства, который хотел для нее построить редактор. Он, столкнувшийся с железной необходимостью учета интересов толпы, с некоторым раздражением пишет в 1859 г. Толстому, собиравшемуся вместе с Фетом издавать журнал «чистого искусства», что это предприятие кажется ему удобоисполнимым при двух условиях: «огромном основном капитале и неутолимой ярости сотрудников по части работы. К сожалению, вы знаете, что круг наш нетрудолюбив, а денег приходится ему занять у французского короля. Поэтому-то участь «Атенея» (продержавшегося один 1858 г. - Г. Щ.) и 1000 подписчиков будут уделом совершенно нового журнала. Я по-прежнему предлагаю все свои средства на услужение журнала новому и анти-дидактическому, но лишь в том случае, если он будет силен, за чахлое и хилое издание не буду приниматься, когда у меня самого идет к 3000 подписчиков»¹⁷.

Дружинину не удалось вдохнуть в угасавшую еще при Сенковском «Библиотеку» новую жизнь. Ему, осуждавшему литературное одиночество Сенковского, не удалось собрать вокруг журнала литературное братство. Осуждавший ориентацию на публичный успех, он вынужден был горько признать невозможность и бессмысленность занятия журналистикой без успеха у публики. Ему, желавшему служить вечности, пришлось смириться с неизбежностью служить сиюминутному в журналистике. Начав с громкого успеха, он не вкусил его еще раз. Однако он понял, хотя и поздно: журналистика перестала быть одним из видов литературы и пошла по своей особой дороге, где двигателями являются две силы: общественное мнение и деньги.

Примечания:

1 Любопытным подтверждением популярности «Библиотеки» является один из ранних фельетонов Н. А. Некрасова, где хозяин ресторации жалуется на гостей «зачитывающих» книжки этого журнала (См. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. В 20 т. Наука, 1984. Т. 8. С. 284).

- 2 Миллюков А. П. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890. С. 82-83.
- 3 Эта встреча состоялась вскоре после выхода книги А. П. Миллюкова «Очерк истории русской поэзии». СПб., 1847.
- 4 Старчевский А. В. А. В. Дружинин // Наблюдатель. 1885. № 4. С. 129.
- 5 Ахматова Е. Н. Письма А. В. Дружинину // Русская мысль. 1891. № 11. С. 124.
- 6 Подробнее об этом см.: Евгеньев-Максимов Е. «Современник» в 40 - 50-е годы Л., 1934. См. также: Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX в. Л., 1983.
- 7 Письма А. В. Дружинину // Ред. и ком. П. С. Попова. М., 1948. С. 44.
- 8 Дружинин А. В. Повести. Дневник. М., 1986. С. 389.
- 9 Письма А. В. Дружинину С. 46.
- 10 Там же С. 222.
- 11 Там же С. 92.
- 12 Там же С. 47.
- 13 Там же С. 46.
- 14 Там же С. 26.
- 15 Демченко А. А. Из истории полемики Чернышевского с А. В. Дружининым // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1966. Вып. 4. Жук А. А. «Очерки гоголевского периода русской литературы» в общественно-литературном движении середины XIX века // Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. М., 1984. Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л., 1983. Скатов. Н. Н. А. В. Дружинин - литературный критик // Дружинин А. В. Литературная критика. М., 1983. Ямпольский И. Г. Заметки о Чернышевском (К полемике Н. Г. Чернышевского с А. В. Дружининым) // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования. Материалы. Саратов. 1978.
- 16 Письма А. В. Дружинину С. 57.
- 17 Чуковский К. И. Люди и книги шестидесятых годов. Л., 1934. С. 262.

Роман А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» и «Современник»

Главный герой романа о людях сороковых годов Павел Вихров - литератор, человек безусловно талантливый и этим Писемский обнаружил тонкое проникновение в дух изображаемой эпохи.

Герцен, говоря о своем поколении, отмечал: «Вся умственная жизнь России тридцатых и сороковых годов сводилась на литературу и преподавание»¹. Позднее Тургенев указывал на «любовь к поэзии и художеству»² как одну из главных черт нравственного облика людей сороковых годов. Если у Герцена в «Былом и думах» сюжет строится как история развития и последующей деятельности общественного деятеля той же эпохи³, то у Писемского многие события группируются вокруг становления творческого пути человека искусства. Отсюда эпизоды, рисующие творческий процесс Павла Вихрова, чтение и обсуждение литературных новинок, сцены литературных столкновений и споров занимают большое место в поэтике «Людей сороковых годов».

Вихров настойчиво стремится напечатать свои вновь создаваемые произведения в одном из известных русских журналов того времени (2-я половина 40-х годов), в «желаемой», как сказано в романе «редакции». При этом само название печатного органа нигде у Писемского не звучит. Но в то же время писатель вводит в повествование ряд намеков, деталей, которые позволяют предполагать, что речь идет именно о журнале «Современник», уже перешедшем к тому времени под редакторство Н. А. Некрасова и И. Панаева.

Описание дома, или точнее, летней резиденции редакторов, дается в романе устами одной из героинь, родственни-

цы Павла Вихрова, которую он просил быть посредницей в переговорах с «желаемым» изданием: «... Дачу нашла под Петергофом, - совершенный раек: так нарядно все в ней убрано, встретил меня господин, разодетый по последней моде, в маленькой шляпе с приплюснутой тульей...» (V, 149) На этом собственно рассказ о редакции пока прерывается.

Ключ к раскрытию заключенных в цитированном отрывке авторских намеков дает их сопоставление с «Воспоминаниями» А. Я. Панаевой. Авдотья Яковлевна вспоминает, что в 40 - начале 50- годов мы (т.е. редакция «Современника») жили несколько лет на одной и той же даче, близ Ораниенбаума⁴. В дальнейшем рассказе местоположение загородного дома уточняется: «Петергоф» отстоял от нашей дачи в четырех верстах⁵. Восторженному отзыву героини романа вполне соответствует описание, данное хозяйкой дома. «Все приходили в восторг от нее <...>. Построенная в виде красивого швейцарского домика, дача находилась на берегу взморья.. посреди громадного парка с тенистой липовой аллеей... Перед домом была разбита огромная клумба разнообразных цветов»⁶.

Наконец, в господине, «разодетом по последней моде», нетрудно узнать И. И. Панаева, о страсти которого в фантовстве в обществе ходили эпиграммы, принадлежащие перу Н. Ф. Щербины⁷. Любопытно, что не только зоицы, но и люди, расположенные к Панаеву, отмечали изящество его внешнего облика как наиболее бросающуюся в глаза черту. А. А. Фет, вспоминая, как в конце 40-х годов ему «захотелось познакомиться с Некрасовым и Панасвым, тогдашними издателями «Современника», описывает сцену знакомства так: «...У саней моих остановилась ... красивая коляска, и сидящий в ней в шегольской шляпе брюнет сказал мне: «Я - Панаев»⁸...

Но еще более. Чем отмеченные нами внешние детали, само направление творчества героя Писемского свидетель-

ствует в пользу нашего предположения. На первое место в литературе Вихров выдвигает Пушкина и Лермонтова и, напротив, горячо выступает против популярных в те годы романтических творений Марлинского, Бенедикова, Тимофеева и их подражателей, в числе которых оказывается его товарищ, Кергель. Основному постулату романтической эстетики: «... Поэзия всегда должна быть возвышенна и изящна», - Вихров противопоставляет новый, вполне реалистический принцип: «В поэзии прежде всего должна быть высочайшая правда чувств и образов» (V, 95). Эстетические декларации героя Писемского порой прямо перекликаются с позицией Белинского времени основания натуральной школы. Так, в ответ на замечание знакомой барышни: «...Зачем описывать то, что мы знаем и встречаем каждый день», Вихров возражает сжатой и продуманной формулировкой: «Только то и можно описывать, что мы видим и знаем» (V, 64). Сравним у Белинского в его программной статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года»: «Ко что любит, то и знает лучше и изображает. Вот самое законное оправдание поэта, которого упрекают за выбор предметов...»⁹

Наконец, сама проблематика произведений Вихрова, которые он желает видеть в известном журнале, оказывается близкой эстетике натуральной школы. Это роман «Да не осудите!» «в защиту бедных наших женщин» и повесть «Кривцовский барин» «в защиту бедных наших мужиков»; т. е. эти произведения Вихрова касаются наиболее животрепещущих тем, волновавших русское общество 40-х годов - эмансипации женщины и необходимости отмены крепостного права.

Эти произведения Вихрова получают у редакторов самые благоприятные отзывы и немедленное согласие на печатание их в своем журнале. «Он (Вихров) написал такую превосходную вещь, что до сих пор мы и наши друзья в восторге от нее, завтрашний день она выйдет в нашей

книжке (V, 149), - таков отзыв редактора, в котором мы полагаем правильным видеть Панаева; обратим внимание на местоимение «мы», видимо, объединяющего его и Некрасова.

Таким образом, эстетическая платформа именно этого журнала оказывается близкой творческим воззрениям героя романа Писемского о людях сороковых годов. Можно утверждать, что литературная судьба Павла Вихрова разворачивается в романе одновременно и как индивидуальная, и как типическая - типическая для писателя, близкого по своим взглядам натуральной школе.

В своем рассказе о редакции «желаемого» журнала Писемский, несомненно, опирался на собственные впечатления от сотрудничества в «Современнике». Но, следует отметить, что в романе, написанном в 1869 году, писатель обращается не просто к «Современнику» определенной исторической эпохи, каким он являлся в сороковые годы и начале пятидесятых, объединив под редакторством Некрасова и Панаева лучшие литературные силы своего времени.

«Современник» рано заметил художественное дарование Писемского. Сразу после появления на страницах «Москвитянина» его первой повести «Тюфяк», журнал в своем «Обзрении русской литературы за 1850 год» (1851, № 4), «исчисляя.. лучших наших повествователей и романистов, действующих в настоящее время и о которых не может умолчать критик», называет в одном ряду с Тургеневым, Гончаровым, Григоровичем, гр. Соллогубом, имя Писемского»¹⁰

Рецензентом его первой повести явился известный пушкинист В. П. Гаевский, но общее направление «Обзрения» принадлежит Некрасову¹¹. Повесть «Тюфяк» заслуживает самую высокую оценку критика: «Написана она языком бойким и живым, полна наблюдательности и отличается светлым взглядом автора на предметы»¹². Благожелательному объективному отзыву не препятствует то обстоятель-

ство, что повесть Писемского появилась в журнале, с которым «Современник» в ту пору находился в состоянии идейной полемики: «...Прочли ее с тем удовольствием, которое редко бывает результатом чтения повестей «Москвитянина»¹³

Талант молодого писателя вызывает со стороны критика традиционный призыв - продолжить литературную работу: «Во взгляде (Писемского - О. Т.) столько ума, столько неподдельного, практического здравого смысла, что автору безусловно во всем веришь и желасшь только одного - чтобы он писал больше и больше»¹⁴. Этот призыв не остался одной риторической формулой; уже в конце 1851 года на страницах «Современника» появляется следующее произведение Писемского - повесть «Богатый жених» (1851, №№ 10-12; 1852 №№ 1-5). Далее в течение ряда лет в «Современнике» регулярно печатаются новые произведения писателя:

1853, № 1 - «Раздел» Комедия в трех действиях;

1853, № 11 - «Леший» Рассказ исправника;

1854, № 8 - «Фанфарон. Один из наших снобсов. Рассказ исправника»;

1855, № 2 - «Виновата ли она?» Записки

Следует, однако, отметить, что в отличие от своего героя, Писемский продолжал параллельно сотрудничать и в других изданиях¹⁵.

Не случайно сотрудничество писателя в «Современнике» обрывается вскоре после прихода в журнал Чернышевского (1854) и Добролюбова (1857). Взгляды демократической критики были ему чужды (что, как мы знаем, привело к уходу из «Современника» не одного Писемского, но целой группы во главе с Тургеневым (1860). Но разрыв Писемского с журналом произошел ранее, как можно думать вслед за А. В. Дружининым. Известно крайне негативное отношение Дружинина к «новой редакции» «Современника», и прежде всего к Чернышевскому¹⁶. Например, И. С.

Тургеневу он писал в январе 1857 года: «Этот насильственный разрыв нашего тесного круга, так слитого долгими годами, тревогами... ставит нас всех в ... необъяснимо тяжелое положение. Мысли и сердца заодно, а между тем нашей деятельности никогда не слиться в одно...целое, силы раздроблены, интересы поставлены наперекор»¹.

В этой оценке состояния «Современника» Дружинин апеллирует в первую очередь к авторитету Писемского. «Истинно горек теперь для всех нас...становится ваш союз..¹⁸ Ермил (Костров, редакционное прозвище писателя - О. Т.) по этому поводу как Перикл...»¹⁹ Помимо эстетических позиций, неприятие Писемского вызвали морально-этические принципы «новой редакции», методы ведения журнала. Так, писателя глубоко возмутила история с перепечаткой Чернышевским, без ведома автора, стихотворений Некрасова, что фактически поставило «Современник» под угрозу закрытия²¹.

Уже в 1858 году Писемский принимает предложение Дружинина о соредакторстве в «Библиотеке для чтения»²¹, в которой он стремится создать, в противоположность демократической печати, «свободнейший орган», и свое журналистское кредо формулирует весьма четко: «... восстановить и ... раскрыть не достоинства уж, а свойства человеческие русского человека, которые «Русский вестник» окончательно у него отнял... Второе: привести в ярость, напомнить те эстетические требования, без которых Литература все-таки не может называться Литературой (Sic!)...»²²

В связи с уходом Писемского из «Современника» заметно меняются тон и оценки его этим изданием. Если в 1857 году Чернышевский еще печатает положительный отзыв на его «Очерки из крестьянского быта», (называя роль Писемского в русской литературе «блистательной», а его произведения на крестьянскую тему «определятельными и оригинальными»²³), то спустя всего три года Добролюбов ка-

тегорически отвергает заслуги Писемского. Критик называет народную драму Писемского «Горькая судьбина» (1859) «клеветой» на русскую натуру и русскую жизнь», хотя и прибегает к смягчающим оговоркам: «...критики, признающие за «Горькой судьбиной» общее значение, делаются соучастниками этой клеветы, конечно, ненамеренной со стороны автора»²⁴. (Куриль мой - О. Т.). Можно согласиться с объяснением идеологического «подтекста» этого эпизода, даваемым В. А. Мысляковым: «Чернышевский высоко ставил художественный талант Писемского, но ...идейно «чужеродный» писатель не был для него тем, из-за кого он мог ...пойти на серьезное объяснение со своим ближайшим сподвижником»²⁵.

С течением времени это идейное неприятие принимало все более открытые формы. В отзыве на первую постановку «Горькой судьбины» М. Е. Салтыкова - Щедрина (Совр.. 1863, № 11) читаем: «Никто из самых рьяных поклонников Писемского, конечно, не возьмет на себя доказывать, что талант этого писателя симпатичен. В нем ... поражает необыкновенная ограниченность взгляда, крайняя неспособность мысли к обобщению и замечательная неразвитость»²⁶ (Ср. с отзывом В. П. Гаевского - О. Т.). Что это категоричное высказывание не было мнением одного Щедрина, а выражало позицию журнала в целом, свидетельствует появившаяся в следующем году статья М. Антоновича «Современные романы» (Совр., 1864, № 4)⁶ «Г. Писемский давно уже отличается скудоумием, даже во время его славы и процветания никто не признавал за ним большого ума и сообразительности»²⁷.

И это притом, что Писемский, стараясь сохранить провозглашенную им беспристрастность, поддержал в своем журнале Чернышевского в его полемике с П. Юркевичем²⁸. В связи с нею Писемский впервые заявил об историческом значении деятельности Чернышевского. «Г. Чернышевский принадлежит к тем людям, которые в литературе своей

страны бывают хранителями лучших убеждений в общественном сознании. Да, эту справедливость совершенно пора отдать г. Чернышевскому»²⁹, а «Современник» продолжал называть «столь уважаемым журналом»³⁰.

Ввиду приведенных нами откровенно грубых и предвзятых отзывов не имел ли права Писемский сетовать на «отсутствие сколько-нибудь понимающего критика...»?³¹. Всею душой скорбя о тенденциозности современной литературы и критики (выражая свою оценку лаконичной формулировкой: «...Всюду только и читаешь или голословную брань, когда вы не из наших, или пристрастную похвалу, если Вы наш...»³²), писатель сознательно апеллировал в своем романе ко временам молодости, к не столь уж далекой эпохе сороковых годов, когда разность идейных позиций того или иного издания не мешала ему объективно оценивать талантливую автора.

Это противопоставление литературной действительности «века нынешнего» «веку минувшему» явилось только одним из моментов полемического по своей идейной внутренней структуре произведения Писемского. Полемическое в первую очередь по отношению к оценкам той эпохи и людей, даваемой Чернышевским и Добролюбовым³³. Писемский разделял идейные позиции Герцена. Как отмечала Г. Н. Антонова, «защищая «лишних людей» от нападок «Современника» Герцен отстаивал историческую значимость ... идейного движения 40-х годов. <...> Герцен упрекал разночинцев-демократов в недооценке или своих непосредственных предшественников»³⁴. Полемика с «Современником» во многом подтолкнула Герцена к написанию «Былого и дум», которые, в свою очередь, сделались одним из главных идейных импульсов к созданию Писемским романа «Люди сороковых годов».

Примечания.

1 Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М. К. Лемке. М., 1919-1925 г. XVI. С.182-183

- 2 Тургенев И. С. Собр. соч. В 12 т. М., 1956. Т. 11. С. 469.
- 3 См. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1977. С. 357.
- 4 Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. М., 1933. С. 357.
- 5 Там же. С. 359.
- 6 Там же. С. 357.
- 7 См. Рус. вестник. 1901. Кн. 7. С. 258.
- 8 Фет А. А. Мои воспоминания. В 2 ч. М., 1890. Ч. 1. С. 55.
- 9 Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 12 т. М., 1956. Т. X. С. 300.
- 10 Современник 1851 № 4 С 3-4 (особ. пол.)
- 11 Боград В. Журнал «Современник» 1847-1866: Указатель содержания. М., Л., 1959. С. 505.
- 12 Современник С 73
- 13 Там же
- 14 Там же
- 15 В своем ответе на анкету составителя «Биографического словаря современных писателей» А. де Губернатиса Писемский отмечал «С 1852 по 1863 год я состоял сотрудником петербургских журналов «Современника», «Отечественных записок» и «Библиотеки для чтения» // Писемский А. Ф. Письма. М., Л., 1936 С. 765 (на фр. яз.)
- 16 Об этом подробнее см.: Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография. В 4 т. Саратов, 1978-1994. Т. 2. С. 55-84
- 17 Тургенев и круг «Современника». М.; Л., 1930. С. 206-207
- 18 Там же. С. 206.
- 19 Там же
- 20 «Весь этот скандал чрезвычайно неприятен всем нам остальным литераторам тем, что цензура опять выпустит свои когти, на что цензора имеют полное нравственное право, если мы, литераторы, станем так поступать» (из письма Б. Н. Алмазову от 24 ноября 1856 г.) // Писемский А. Ф. Письма. С. 103
- 21 Там же. С. 832.
- 22 Из письма к А. Н. Островскому от 6 октября 1857 г. // Указ. соч. С. 110.
- 23 Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 16 т. М., 1948. Т. IV. С. 570.
- 24 Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1963. Т. 6. С. 335-336.
- 25 Мысляков В. А. Писемский и революционно-демократическая критика // Н. Г. Чернышевский. Статьи. Исследования. Материалы / Под ред. проф. В. И. Покусаева. Саратов, 1971. Вып. 6. С. 105
- 26 Совр. - 1863. № 11. С. 91.
- 27 Совр. - 1864. № 4. С. 213.
- 28 См.: Могилянский А. П. Писемский. Л., 1991. С. 15 и далее
- 29 Библи. для чтения. 1861. № 6. С. 5-6.
- 30 Библи. для чтения. 1861. № 1. С. 35
- 31 Из письма к Н. С. Лескову от 12 апреля 1871 // Письма. С. 244.

32 Там же. С.244-245.

33 См статьи Чернышевского «Русский человек на *gendes-vous*» (1858), Добролюбова - «Литературные мелочи прошлого года» (1859), «Что такое обломовщина?», «Благонамеренность и деятельность» (1860) и др.

34 Антонов Т. Н. Комментарии // Герцен А. И. Собр. соч. В 30 т. М., 1958 Т.14. С. 575.

**Роман С. М. Степняка-
Кравчинского «Андрей
Кожухов» и традиции
Чернышевского**

Значение романа «Что делать?» для развития демократической литературы второй половины XIX в. и общественного движения 60-70 годов общеизвестно.

Самое большое влияние на литературу и на деятелей народнического движения имел образ Рахметова. Этот герой представлен в романе как личность исключительная, а образы Лопухова и Кирсанова задуманы как вариации типа «нового человека». Однако типическим образом оказался именно Рахметов, так как в нем воплощены исторически-конкретные черты русского общественного деятеля.

Образ Рахметова многофункционален. Одно его назначение - показать через сравнение с ним обыкновенность новых людей, доступность их жизненных принципов всем трудящимся людям. Другая его роль - выявить социально-историческое значение деятельности людей, прежде всего мастеровских как формы социалистических отношений.

Самое же главное назначение этого образа - раскрыть высшее назначение человека. Рахметов - личность героическая. Общие с «новыми людьми» черты и эпизоды жизни предстают в нем в максимальном выражении. Он не только сознательно строит свою жизнь, но переделывает свою природу и не только физическую (становится силачом), но и духовную. Сложившиеся у него убеждения в итоге освоения мудрости передовых умов привели его к перерождению в «особенного» человека. Рахметов, как и Лопухов и Кирсанов, спасает женщину, но рискует для этого жизнью.

Что же касается моральных принципов, то в этом он принципиально отличается от «новых людей» романа.

Чернышевский в «Антропологическом принципе в философии» утверждает, что самоотверженное служение идее или делу не противоречит теории «разумного эгоизма»: в таком служении человек находит более высокое удовлетворение, чем в житейском счастье. Но у Рахметова ведь подчеркивается не чувство удовлетворения от сознания верно избранной жизненной цели, а повелевающая сила идей и воли. Главный стимул всех деяний его - это сознание долга. «Я должен», «надобно» - постоянные его выражения, притом произносимые без всякого личного чувства. Полное отречение от всего личного - важнейший его принцип, необходимый для доказательства чистоты тех идей, которые он отстаивает. «Мы требуем для людей полного наслаждения жизни. Мы должны своей жизнью свидетельствовать, что мы требуем этого не для удовлетворения своих личных страстей, не для себя лично, а для человека вообще...» (201).

Рахметов отрекается от любви по сознанию долга. И тогда он признается. «Да, жалеете меня, вы правы, жалеете: ведь я тоже не отвлеченная идея, а человек, которому хотелось бы жить. Ну, да это ничего пройдет» (208).

Принципом долга, интересами дела Рахметов руководствовался и в отношении с людьми, и в чтении научной и художественной литературы. Он знакомится лишь с людьми, нужными для дела. Если же к нему обращаются за советом люди, неинтересные ему для дела, он заявляет им, что у него нет времени. Читает он только «главную», с его точки зрения, литературу, исключая из поля своего зрения все остальное. И вспоминаются мысли Тургенева, высказанные в статье «Гамлет и Дон Кихот» о том, что устремленность к одной цели сообщает душевную узость людям донкихотского типа.

Демократическая литература второй половины XIX в. развивала различные потенции, заключенные в образе Рахметова. В длинной ряду этой литературы С. М. Степняку-

Кравчинскому принадлежит особое место, что вполне закономерно. Активный участник революционного движения, он сам представлял собой рахметовский тип в жизни. Вся его практическая деятельность и все написанное им, до последней строчки, было устремлено к одной цели. Основным и единственным предметом его писательского внимания был образ революционера. Ему посвящена работа Кравчинского «Подпольная Россия». Ее автор называет вдохновителями революционного народнического движения Чернышевского, Добролюбова, Герцена, Огарева и французских коммунаров. Вместе с этим он отмечает существенное отличие русского революционера 70-х годов от демократического деятеля 60-х годов, за которым закрепилось наименование нигилиста. В основе движения нигилизма лежало отрицание во имя личной свободы, всяких стеснений, налагаемых на человека обществом, семьей, религией. Нигилизм был здоровой реакцией на деспотизм, не политический, а нравственный, угнетающий личность в ее частной, интимной жизни. Целью семидесятников стало освобождение народа. «Нигилист стремился, во что бы то ни стало к собственному счастью... «разумная» жизнь «мыслящего реалиста». Революционер ищет счастья другим, принося им в жертву свое собственное. Его идеал - жизнь, полная страданий и смерть мученика»³.

Сам тип революционера 70-х годов, по словам автора, изменился на протяжении десятилетия: в 1872 - 1875 гг. он был пропагандистом. «В нем было слишком много идеализма, чтобы он мог устоять в предстоящей жестокой борьбе. Он должен был измениться или исчезнуть». На смену ему пришел революционер практик, который по преимуществу интересуется Кравчинского. Считая появление политика этого типа закономерным, Степняк-Кравчинский далек от его идеализации. Его характеристика выдержана в тонах мрачного, сатанинского величия.

«На горизонте обрисовывалась сумрачная фигура, озаренная точно адским пламенем, которая с гордо поднятым челом и взором, дышавшим вызовом и мезтью, стала полагать свой путь среди усташенной толпы, чтобы вступить твердым шагом на арену истории, то был террорист» (384).

Казалось бы, эта личность прямо не связана с образом нигилиста-шестидесятника, но объективный смысл ее характеристики обнаруживает в ней развитие тех возможностей, которые заключены в образе Рахметова⁴. Уже в этой публицистической работе Кравчинский входит в обрисовку психологического склада этого нового героя истории и в своей короткой зарисовке показывает, что психология террориста рождается под влиянием идей, убеждений.

«Он не успел еще заявить о себе каким-либо подвигом, достойным бойца, но постоянно размышляя в этом направлении, вечно твердя себе одно и то же, что пуля действительнее слов, питая из дня в день в своей душе кровавые замыслы. Он не мог не поддаться влиянию собственных слов и мыслей, не мог не окраситься от них, не затвердеть, революционизироваться ими: таково свойство человека» (386). Т.е. человек сам превращает себя в террориста, перерождается под влиянием сознания. Человек творит себя заново. Для этого деятеля, по словам автора, идея прежде всего, а люди - средство. Завершая свой разговор о жестокой, неравной борьбе террористов, сопряженной с огромными жертвами, автор пишет: «Но что за беда! Гибнут люди, но идея бессмертна» (392).

В «Революционных профилях» Кравчинский создает портрет восьми самых выдающихся, с его точки зрения, русских революционных деятелей. Интересны здесь не только характеристики личностей этих деятелей, но и те суждения автора. Которые дают понятие о типе революционера: какие психологические качества делают человека способным к революционной деятельности и руководству массами. Оказывается, что для этого недостаточны ум,

убежденность, талант пропагандиста, даже организаторские способности, нужны также жесткость, суровость, сосредоточенность только на одном деле и полная отчужденность от всяких других, не связанных с делом сторон жизни.

Кравчинский объясняет, почему Дмитрий Клеменц, умнейший и образованнейший среди народников человек, обладавший замечательным талантом пропагандиста, имевший неотразимое влияние на людей, не стал вожаком и организатором масс. Ему помешали в этом его лучшие человеческие качества. Он не имел честолюбия и властолюбия, этих важнейших стимулов руководителей в их деятельности. Он не стремился покорять людей своей воле. Сам способный к самопожертвованию, он не допускал возможности побуждать к жертвованиям других людей.

Это был человек свободной мысли, не подчинявшийся власти коллектива, если мнение этого коллектива противоречило его убеждениям. Он был единственным, кто не согласился с одобрением авантюристических действий Стефановича. Он не принимал распространенного среди народников убеждения, что цель оправдывает средства. Он всегда держался в стороне от программных раздоров, так часто разделявшую революционную партию на непримиримо враждебные лагеря. В общем, это человек широкого кругозора. Его увлечения, интересы и цели не вмещались в рамки революционной пропаганды. Он, например, писал не только для подпольной прессы, но и на самые разные цели, с политикой не связанные, и печатался под псевдонимом в легальных изданиях. Он живо интересовался самыми разными областями знания, не думая о том, принесет ли это ему пользу в том или другом смысле. И с людьми он сходился без всякого соображения об их полезности для дела. И, наконец, самое главное: «У него не было ни той исключительности, ни той душевной черствости, вытекающих из

страстной веры, которые так необходимы, когда приходится вести людей почти на верную гибель» (409).

В «Предисловии» к изданию романа «Андрей Кожухов» 1890 г. Кравчинский, отвечая своим критикам, упрекавшим его в том, что он представил народническое движение в более узких рамках, чем это было в действительности, пишет, что «отошел в сторону от центральных действующих лиц этой борьбы», потому что для него представлялось более соблазнительным обрисовать более характерные, хотя и менее блестящие типы рядовых деятелей» (622). Сузив рамки своей картины он «получил возможность рельефнее выставить человеческие элементы в жизни революционеров» (623).

Художественная интуиция подсказала писателю удачный выбор главного героя. В романе действуют личности более крупные, чем Андрей Кожухов: Жорж, талантливый поэт и ярко эмоциональная личность, знаменитый Тарас Костров, выдающийся пропагандист и организатор и одновременно честолюбец. Но они стоят на периферии произведения. В центре же «скромный», по авторскому определению, Андрей Кожухов, человек не исключительный, не обладающий особыми талантами, не мыслитель, а практический деятель. Именно с этим его свойством связаны основные его психологические черты: энтузиазм, смелость, энергия, сильная воля, т.е. черты, составляющие тип народнического революционера.

В то же время Кожухов свободен от той душевной узости, какая присуща народникам нечаевского склада (по словам одной из героинь, человек такого рода - «бревно»). Он не чужд честолюбия, но это у него второстепенная черта. Террор он не отрицает, но не считает его самоцелью, подобно Зацепину. Его духовный кругозор достаточно широк. Он любит природу. Любовная линия сюжета представляет его живущим общей жизнью людей. Он влюбляется, ревнует, даже ненавидит своего соперника, лучшего друга

Жоржа, и в отличие от него не способен пожертвовать своим чувством ради другого. В общем, ничто человеческое ему не чуждо. Наконец, у него нет полной подчиненности душевной жизни разуму, присущей ригористам. Он убежден, что революционер должен закалять сердце против нежных чувств⁵, но внутренней потребности у него к этому нет. Жертвенность также чужда его натуре. Это неполное единство сферы мысли и душевной жизни является основой, на которой строится психологическая разработка характера этого героя. Психологическое изображение героя Кравчинского отличается от всего того, что мы видим в демократической литературе второй половине XIX в. Духовная жизнь его рисуется как процесс, хотя в начале романа Кожухов представлен уже как сложившийся характер революционера-практика.

Действие романа начинается с периода пребывания его в эмиграции, когда он только получил письмо из России, призывающее его вернуться на родину и принять участие в организации побега арестованных товарищей. И происходит его душевное преобразование. До этого момента у него не было обычной для него, революционера, сосредоточенности на одном деле и в одной цели. Он мог предаваться наслаждению красками швейцарской природы: он был чуток к красоте. Знаменательно, что пейзажи в романе даны только в его восприятии.

И вот изображается пограничное душевное состояние героя. Перед отъездом в Россию он идет гулять за город, чтобы последний раз полюбоваться любимыми картинами, Женевским озером, блеском его водного зеркала, освещенного лунным светом, потоком серебряных лучей, тонкой гаммой цветов неба в момент наступления утра. Но теперь сквозь образы природы начинает проступать иная образность. «Только одна (звезда) оставалась во всей красе, сияя на волшебном-прекрасном фоне, искрясь и мерцающая, как глаз, вспыхивающий и потухающий под дрожащими ресницами.

Это - Венера, звезда поэтов». И вот этот образ преображается. «Но разве она не была в то же время и его звездой, звездой его России, лежащей там, по направлению восходящего солнца и готовящейся восстать от вековой ночи к светло-радостному утру» (46-47). Появляется новая образность, воплощающая героическое, боевое содержание характера народника. Это выражается в стилистике изображения мыслей, стремлений, размышлений героя, пронизанной духом борьбы и отваги: все определения выдержаны в военной терминологии. «Грустные известия о заключенных товарищах передавались кратко, деловым тоном, как составляются репортажи об убитых и раненых после сражения (32). «Его слова действовали, как звук трубы, призывающей к новой битве от покрытого трупами поля сражения.» (33).

Андрея тронула забота товарищей о нем, «между тем как сами они были под огнем» (40).

Свое вынужденное бездействие в эмиграции он сравнивает с «мечом в ножнах». Отправляясь в Россию и готовясь к делу, он «вынул меч из ножен... он чист, отточен готов для боя, как всегда» (45).

Народническую партию он называет армией. «Первая вспышка революционного движения была потушена с громадными потерями <...> Разбросанные же остатки могучей армии, верные своему знамени сражались до конца» (43).

Образы орла, орлиного полета и одновременно - «горькой чаши» подчеркивают величие и святость борьбы.

Сюжет романа составляют изображение двух попыток устроить побег заключенным, заканчивающимся провалом. Герой здесь показан действующим. Любовная линия сюжета дана как равноправная общественной жизни. Это говорит о многосторонности героя, способности его жить полной жизнью. Но после краха второй попытке спасения товарищей и их казни Кожухов задумывает совершить месть, убить императора, обрекая себя на неминуемую гибель.

Теперь внешняя история событий заменяется историей души героя. Под действием идеи и волевых усилий Кожухов подавляет желание счастья, свои душевные привязанности, самый инстинкт жизни. Перед читателем разворачивается процесс перерождения человека, решившего совершить убийство и сознательно приносящего себя в жертву. Героическое отступает, на первый план выдвигается трагическое. Внутренняя борьба начинается столкновением поставленной цели и живого чувства привязанности к самому дорогому ему человеку - к жене Тане. «А Таня?» зазвенел внутри его какой-то голос. Сердце его оборвалось на миг, но ничем не ответило на мучительный призыв. Оно получило удар, но как резиновый шар отдало его назад, не залившись кровью. Ввиду неизмеримых бесконечных страданий России - что значит их личное горе? Таня для него не только жена, она - друг, она - товарищ в великой борьбе. Она одобряет его решение и мужественно вынесет свою долю страдания» (293).

В Андрее совершается аберрация. Идея-страсть захватила его и подавила естественное движение души. Внутренняя борьба завершается, начинается перерождение «То нечто, хлопотавшее в его душе, рванулось теперь наружу, не дожидаясь отпора, и охватило огнем все его существо. Оно уничтожило все его колебания, заглушило любовь, лучшие привязанности, чувство жалости, подобно тому, как прорвавшийся поток лавы уничтожает дома, ограды, веселые рощи, - все, что попадет на пути (294). Обратим внимание на выражение «заглушило любовь, личные привязанности», даже «чувство жалости», т.е. совершилось душевное опустошение. А сравнение с лавой, все сжигающей на своем пути, подчеркивает разрушительный, опасный характер происходящего перерождения.

Встреча с женой на какой-то момент возвращает его в нормальное душевное состояние: «все его планы и соображения, царь и конспирация - все исчезло в высшем счастье

взаимной любви» (303). Но снова вступает в действие его мысль, его решение. Он стремится убедить себя, что не имеет права предаваться радостям любви. «Он - обреченный человек! Обыкновенные человеческие радости. И счастье, и любовь - не для него. В деле, на которое он пойдет, не может быть товарища, и впереди ничего не предвидится кроме могилы» (304-305). Он на Таню проецирует свое состояние. «Он надеялся убедить ее и разжечь в ее сердце пламя, пожирившее его». Но реакция Тани на его решение принести себя в жертву - бурный протест. «Ему удалось только слегка подействовать на ее ум», а чувство ее он победить не смог. Но и ее любовь не могла победить его решение, не убедила его и попытка профессора Репина - отца Тани, внушить ему, что разожженный народниками террор - это безумие, ведущее только к поражениям и бедствиям. Они подняли на дыбы Россию, а ведь люди имеют право на нормальную жизнь. Но если убежденность Кожухова в принятом решении неистребима, то его подсознание говорит другое. Он видит сон: перед ним пустынная местность, безлюдная и безжизненная, где были лишь песок и камень. Вдруг он почувствовал рядом с собой своих умерших товарищей. Один из них, Бочаров, был в саване, когда он поднял капюшон, Андрей увидел под ним свое искаженное лицо. На его вопрос, куда они идут, Борис насмешливо замечает: «К молочным рекам с кисельными берегами». Затем он увидел Репина в шляпе, которые носят факельщики на похоронной процессии. Образы смерти, пустыни и молочных рек передают и ощущение душевной пустоты и сомнения в самом народническом деле. А на еще более глубоком уровне подсознания возникает протест природы против готовящегося убийства. Вдруг Андрей на месте Репина увидел императора. Он вспомнил. Что должен убить его, «но у него не хватило мужества, и рука не слушалась. Он пробовал еще и еще, со страшными усилиями, но рука не двигалась с места» (324). До сих пор император был для

него лишь символом власти, а во сне он увидел императора-человека и не смог его убить. В состоянии бодрствования продолжается процесс душевного омертвения. Уже и цель его - покушение - стала восприниматься как что-то второстепенное, главным стало сознание. Что он должен умереть. Возникает психология смертника, которую автор называет «эгоизмом самопожертвования». Андрей стремится подавить естественный инстинкт жизни. «Чтобы бороться хладнокровно против такого инстинкта, чтобы подавить его дни за днями в самых разнообразных настроениях и против всех искушений, необходимо, чтобы огонь энтузиазма поддерживался железною волею разума» (326). Так Андрей подавляет в себе все человеческое. Когда он приходит к Тане прощаться, она его не узнала. «Таня бросилась ему навстречу и остановилась, пораженная и испуганная каменным выражением его лица, которого она прежде никогда не замечала» (327). «Она не узнала своего Андрея. Этот человек был чужим для нее». «Они его там подменили!» - внутренне говорила она себе» (328). «она знала, что он сейчас уйдет и что умри она тут же на месте, от разрыва сердца ли, разбей себе голову об стену, - все равно ничем его не удержишь <...> В камне оказалось бы больше сострадания, чем в нем» (328-329).

И вдруг она услышала теплые слова. Они прорвались сквозь холодную кору суровости. «Прощай, моя дорогая! - прошептал он, протягивая к ней руки. <...> Прощай! - повторил он. Пора... Таня. Таня... моя дорогая. Моя родная, вырвалось из самых недр его души, - Как бы могли быть счастливы с тобой! Она посмотрела ему в глаза и узнала, наконец своего Андрея <..> Она вернула его себе, чтобы еще мучительнее почувствовать, что сейчас же и бесповоротно его потеряет» (329). После его ухода Таня поняла, что жизнь ее разрушена. «Ее любовь, ее молодость. Ее жизнь - все было разбито и погружено в черную пустоту, обрушившуюся на нее. «Дело! Россия». Они не существо-

вали для нее в эту минуту. Она думала только о себе, о своем несчастье - бесконечном, бессмертном, которое будет длиться до последнего ее вдоха (330). Это психология нормального человека.

А Андрей снова погрузился в состояние смертника. «Будучи еще живым и в полном обладании нравственных и физических сил, он в тоже время испытывал странное, но совершенно реальное ощущение, что он уже умер и смотрел на себя, на всех близких и на весь мир с ровным несколько сострадательным спокойствием постороннего наблюдателя» (331).

Когда же он идет на свое дело, он видит очень похожую на Таню девушку, с молодым человеком. «Она <...> очаровала его и растопила его сердце, пробудив в нем чувства и воспоминания, которые, думал он, заснули в нем вечным сном. Суровое настроение человека, идущего навстречу роковой судьбе, не устояло против этого видения. Его горячее сердце снова забилося человеческой любовью» (336).

Отдавшись на волю человеческих чувств, он спохватился, когда в его распоряжении осталось только три минуты, чтобы добежать до дворцовой набережной. Он встретился с царем, выстрелил, не попал. Израсходовал всю обойму, но убить так и не смог. В нем проснулся человек.

Далее автор одним абзацем сообщает об аресте, суде и казни своего героя. Все это для него уже не имеет значения. Но авторский итоговый вывод никак не вытекает из содержания романа. «Он погиб, но дело, за которое он умер, не погибло. Оно идет вперед из поражения к поражению и дойдет до конечной победы, которая в этом печальном мире может быть достигнута только страданиями и самопожертвованием немногих избранных» (324).

Теоретический вывод столкнулся с живой логикой художественного изображения и едва ли мог убедить читателя.

Таким образом, Кравчинский раскрывает в своем герое не только героическое начало рахметовского характера, но и потенциал, заключенный в этом характере, трагедийное содержание, сущность которого в несовместимости насилия и человечности. Другой объективный смысл истории героя - это сужение духовного кругозора человек, подчиняющего себя исключительно диктату мысли, сознания, идеи.

Примечания:

1 Степняк-Кравчинский С. Соч. В 2 т. М., 1958. Т. I. С. 373. Далее сноски на данное издание даются в тексте.

2 Образ Андрея Кожухова в исследовательской литературе о С. М. Степняке-Кравчинском не рассматривался в соотношении с образом Рахметова.

3 Степняк-Кравчинский С. М. Андрей Кожухов. Домик на Волге. М., 1980. С. 202. Далее сноски на это издание даются в тексте.

Славянский вопрос в «Вестнике Европы» конца 1860-х - 70-х годов

Восточный кризис 1875-1878 гг., породив в России мощную волну симпатий к южным славянам, вызвал к жизни и новую литературу по славянскому вопросу. Вклад в нее «Вестника Европы» оказался весомым и конструктивным, что было несколько неожиданно для журнала либерально-западнической ориентации. Этой особенностью своей позиции он всецело обязан А. Н. Пыпину, монополизировавшему тему славянского единства в «Вестнике Европы» в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Но пыпинская линия не была единственной в журнале, и не с него началась здесь разработка интересующей нас проблемы.

Не будучи еще «полноформатным» общественно-литературным изданием, «Вестник Европы», естественно, не мог откликнуться на Славянский съезд 1867 г. и сопровождавшие его журнальные толки. Но уже в 1868 г., когда «Вестник Европы» из ежеквартальника «историко-политических» наук превратился в журнал «истории, политики, и литературы», выходящей двенадцатью книжками в год, а его основными сотрудниками стали Л. А. Полонский и А. Н. Пыпин, славянской теме нашлось место на его страницах. Журнал сразу же обратился к ней, остро реагируя на проявления идеологии политического панславизма «в наши славянофильских кружках». В июньской «Ежемесячной хронике» 1868 г. Л. А. Полонский сформулировал сгедо журнала по славянскому вопросу. «Общеславянская идея, как и всякая национальная или расовая, - писал он, может иметь цену единственно настолько, насколько она представляет собою соединение, союз с целью освобождения от ига, то есть осуществления общечеловеческой идеи свободы, саморазвития и самоуправления»¹. Обозреватель

«Вестника Европы» отмежевывался от «проповедников войны за освобождение славян» хотя и считал ее, в конечном счете, неизбежной. Но даже перед этой неизбежностью России, по его мнению, следовало «отстранить от себя всякую исключительность и всякие корыстные виды», отказаться от попыток завоевания и присоединения славян.

При таком понимании роли Европы в отношении остального славянского мира «Вестник Европы», естественно, не мог быть безразличным к новым заявлениям панславистского характера. В самом конце 60-х гг. журнал энергично оппонировал Р. А. Фадееву, развернувшему в целом ряде своих сочинений программу создания общеславянского союза под главенством самодержавной России². В полемике с воинственно настроенным консервативным публицистом Полонский еще раз повторил мысль о нежелательности для России каких-либо завоевательных устремлений, которые «в случае неуспеха, страшно и надолго расстроили бы наши дела, а в случае успеха поставили бы препятствия, быть может, неодолимые для внутреннего развития нашей, ныне существующей России» (1870. № 9. С. 367). Историческое призвание России, считал он, заключалось вовсе не в том, чтобы воссоздать славянский мир, как это виделось генералу-публицисту, а «учредить человеческий порядок в своей обыденной жизни, хотя бы в самых первоначальных отношениях».

В 1872 г. свою лепту в борьбу против идей панславизма внес В. Д. Спасович. В своем отклике на брошюру безымянного польского автора, написанную в панславистском духе (что, собственно, и поразило Спасовича) он говорил о надуманности «закона сращения национальностей в расы», к которому апеллируют панслависты России, по его мнению, не следовало увлекаться «славянской политикой в международных отношениях». Это занятие оторвало бы ее от развития своих внутренних сил и увлекло «в страну приключений и неизвестности» (1872. № 8. С. 746, 757).

От эпизодических, в общем-то, обращений к славянской теме на рубеже 60 - 70-х годов «Вестник Европы» перешел к систематической ее разработке только во второй половине 1876 г., т.е. тогда, когда доминирующим тоном общественных настроений стало славянофильство в самом прямом смысле этого слова. Реагируя на развитие восточного кризиса, русское общество в подавляющем большинстве демонстрировало готовность всеми возможными средствами, включая войну поддержать южных славян за свое освобождение. Эта волна славянолюбия не находила поддержки у тех, кто составлял ближайшее окружение редакции «Вестника Европы».

Весьма характерна в этом отношении точка зрения, которую изложил К. Д. Кавелин в письме редактору журнала М. М. Стасюлевичу от 13 июля 1876 года. Сетуя на «тяжкую нужду», которая преследует в последние годы крестьян Белевского уезда Тульской губернии, где находилось его имение, Кавелин выражал убеждение, что «прежде чем создавать счастье и благоденствие других народов, следует устроить счастье и благоденствие своих»³. П. В. Анненкову вообще казалось, что славянская компания в русской печати инспирирована самим правительством, ищущим поддержки своим завоевательским планам. Он писал Стасюлевичу 24 августа 1876 г.: «Весь этот шум есть все-таки метание цепной собаки, гремящей своей цепью на все то протяжение, какое цепи дано хозяином. Но кого же тут обманывают, кому глаза отводят, к чему стремятся - недоумеваю»⁴.

Кавелин и Анненков писали единомышленнику. Стасюлевич хотел видеть позицию «Вестника Европы» «трезвой», не имеющей ничего общего с «кликушеством, которое овладело газетами»⁵.

Отношение журнала к движению в пользу славян, развернувшемуся в России, было выражено во «Внутреннем обозрении» сентябрьского номера за 1876 год. Его автор Л.

А. Полонский дистанцировался от «большинства населения», готового воевать за славян. Вопрос о войне и мире, находился, по его мнению, исключительно в компетенции правительства. Публицист «Вестника Европы» не спорил с оценкой славянского дела как «священного дела» для его защитников, но принимал ее только в виде единственно возможной, на его взгляд, цели движения - свободы славянских народов. Свобода как мотив и цель движения в поддержку славян была в глазах либерала Полонского гораздо выше того, что он называл «сочувствием по единоверию». «Если мы будем объяснять себе наше сочувствие к славянам главным образом тем, что они наши единоверцы, - писал он, - то как же мы будем относиться к тем из наших мусульман, которые стали бы собирать пожертвования в пользу турок или заявили бы желание ехать в турецкую армию» (1876. № 9. С. 351-352).

Полонский отказывается примкнуть к ревнителям славянского дела не только потому, что их движение основывалось главным образом на вероисповедной солидарности. Общество к тому же увлеклось вопросом, который, по его убеждению, целиком лежал в сфере внешней политики, в то время как главной его задачей оставалась «скромная и черная работа у себя дома».

«Славянская» часть сентябрьского «Внутреннего обозрения» вызвала острую реакцию у Ф. М. Достоевского. Критика позиции, занятая «Вестником Европы», составила половину объема сентябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский увидел в рассуждениях обозревателя «Вестника Европы» претензии ненавистного ему «либерального теоретизма» к стихийному и органическому явлению, каким, по его убеждению, было движение в пользу славян в России. Писатель защищал его таким, каким оно было в действительности. Только единоверие и могло быть истинным двигателем славянского дела, так как «рус-

ский человек ничего не знает выше христианства, да и представить не может»⁶.

«Вестник Европы» отказался от полемики с Достоевским, считая бесполезным спор с противником, который «не рассуждает, а крестится». Однако перспектива войны становилась все более реальной, и это обстоятельство требовало от журнала противостоять всем оттенкам воинствующего панславизма. Программным выступлением стала статья Л. А. Полонского «Русский вопрос на юго-востоке Европы» в ноябрьском номере за 1876 г.

Полонский рассмотрел два возможных, на его взгляд, варианта поведения России в ситуации восточного кризиса. Первый борьба России за приобретение территорий европейской Турции. Он был нежелателен по нескольким причинам. такая война, во-первых, кардинальным образом изменила бы соотношение сил в Европе исключительно в пользу Германии. Во-вторых, Россия была неспособна вести завоевательную войну по состоянию своих внутренних дел. «Положение массы нашего народа, - писал Полонский, - наших финансов, нашей торговли, нашего внутреннего развития, наших реформ не такое, чтобы мы могли помышлять о завоеваниях с столь огромным риском.. » (1876. № 11. С. 408 - 409). Еще одна причина бессмысленности войны в завоевательных видах заключалась в серьезных изменениях, которые произошли в славянском мире. Если бы Россия попыталась присоединить любой из христианских народов Турции в прошлом веке, этот народ не испытывал бы по отношению к ней ничего, кроме благодарности. Но наступили другие времена: сербы, греки, румыны рассматривают себя как самостоятельные народы.

В силу неосуществимости завоевательных намерений России на Балканах единственной реалистической целью ее политики могло быть только освобождение южных славян от власти Порты и обеспечение себе выхода из Черного моря. Но и при таком понимании своих устремлений Рос-

сия должна была сделать се, чтобы избежать «большой войны», на которую она могла решиться только как на самое крайнее средство.

Полонский еще раз проакцентировал тезис о сугубо внешнем характере восточного вопроса для России. Упоования на то, что участие в его развязке подвинет Россию «во внутреннем развитии», по его убеждению, совершенно безосновательны. «Из Петербурга, Москвы и всей русской земли мы можем принести славянам великий дар - их свободу, - говорилось в статье. - Но из славянских земель, хотя мы их освободили, не принесем домой ничего; дома нас будут ждать наши домашние дела, вопросы о казне и сборах, о дьяках и подьячих, о бедности «черных сотен», об отношении губных старост к воеводам» (Там же.С.413). Публицист «Вестника Европы» уверенно ставил «собственные интересы России» выше участия в решении славянского вопроса.

Активизация славянского движения в России, выдававшаяся консервативно-националистической публицистикой за убедительное свидетельство «оздоровления» русского общества, ставила журнал перед необходимостью дать собственный анализ состояния общественных сил. не принимая всерьез демонстраций в пользу балканских славян, тот же Полонский находил в общественной среде только «анапию и отсутствие идеалов». «Вестник Европы» устами Полонского напоминал русскому обществу, что оно - «европейское общество, и идеалы его - общеевропейские идеалы». для упований на славянизм как на панацею от моральных недугов не было, по его мнению никаких оснований. Замыкание на славянской идее в той же интерпретации, которая предлагалась славянофилами, могло иметь для русского общества лишь один печальный результат - культурную и идеологическую изоляцию от Западной Европы, потерю ориентиров в преобразовании России.

Статья «Русский вопрос на юго-востоке Европы» стала первым и последним выступлением Л. А. Полонского, специально посвященном восточному кризису и славянской проблеме. В 1877 - 1879 гг. разработка славянского вопроса почти целиком перешла в руки А. Н. Пыпина, который как никто другой из сотрудников «Вестника Европы», был подготовлен к выполнению этой задачи. Серьезный исследовательский интерес к литературе и общественному быту славянства сформировался у Пыпина, по его собственному признанию, еще на студенческой скамье. В «Вестник Европы» он пришел, будучи уже автором капитального труда по истории славянских литератур. В течение 1876 - 1879 гг. на страницах «Вестника Европы» появилось более десятка статей Пыпина на славянскую тему. Итоговыми выступлениями по ней стали работы «Панславизм в прошлом и настоящем» (1878, № 9-12) и «Литературный панславизм» (1879, №№ 6, 8, 9).

В отличие от Полонского, предпочитавшего говорить исключительно о российских интересах на Балканах, Пыпин в своих статьях сосредоточился на теме славянского единства. Он был далек от того, чтобы рассматривать идею панславизма лишь как фантастическую выдумку славянофилов. Стремление славянских народов к единению было, по его мнению, «естественным следствием национального возрождения с конца прошлого века» (1878. №9.С.352)

Но убежденность в том, что тяга к взаимному сближению в славянстве в действительности имеет место, не мешала Пыпину видеть трудности на пути этого движения. Он называл как минимум четыре условия, выполнение которых было необходимо для осуществления идеи славянского единства. На первое место ставились религиозная терпимость и уважение к чужой народности. Надлежало также обеспечить политическую свободу для каждого славянского народа в отдельности. Предстояла большая работа по нахождению общего литературного языка «вместо ны-

нешнего вавилонского смешения наречий». И, наконец, «если западное славянство не может обойтись без помощи России (что очень вероятно), то эта помощь может быть действительна лишь тогда, когда сама Россия пройдет свой процесс обновления» (1878. № 10. С. 740).

Пыпин четко разграничивал панславизм политический и панславизм культурный («во внутреннем, образовательном смысле», «в смысле развития нравственно - национальных связей»), отдавая безусловное предпочтение второму как главной, с его точки зрения, цели всего славянства. Из этого еще не следует, что он был принципиальным противником идеи политического объединения славянства. Просто он считал ошибочным сосредоточение исключительно на политической стороне дела и форсировать создание некоего всеславянского государства в современных условиях, когда само славянство мало желало такой формы объединения. Пыпин спорил с теми, кто вдохновлялся примерами национального объединения Италии и Германии, указывая на гораздо большие трудности, сопутствовавшие процессу славянской консолидации. И все же он не отказывался рассматривать панславизм как «единственное средство политического обеспечения гарантий независимости, какая может быть отыскана славянством» (1878. №12. С. 703). Отвергая идею «поглощения», т.е. политического объединения славян под флагом обрусения, Пыпин считал возможным говорить о свободном союзе в виде славянской федерации. На его взгляд, она могла состояться лишь под условием внутренней автономии, простирающейся на язык и школу» (1879. №9. С. 331). Задача создания более полного союза относилась им в «далекие будущие исторические периоды», Политический панславизм, по его мнению, мог быть устранен или ослаблен только политическими преобразованиями в самой Европе.

Одна из сквозных тем выступлений Пыпина - вопрос о характере поведения России в славянском мире, отношении

ях русской культуры с культурами славянских народов. Он исходил из убеждения, что естественное положение России как опоры славянского освободительного движения не давало ей никакого права на великодержавность, «тупой шовинизм». «Мы, - писал он, - должны прийти к ним (славянам - В. К.) не с идеями наших газет известного сорта и не с «началами так называемых славянофилов», не самодовольными (а иногда просто нахальными «спасителями» с шумом и попойками, с московскими тройками и чудовскими певчими, а действительными друзьями, с уважением к народной личности и с запасом нравственного достоинства, личного и общественного (1877. №3. С. 386-387). Видя реальную опасность русификаторских поползновений, Пыпин особо подчеркивал, что славянское единство может быть основано на только на «сумме народных индивидуальностей, из которых обозначится само собою то, что может быть между нами связующей нитью» (1877. №10, С.899). Совершенно фантастическими находил Пыпин широко распространенный в России взгляд на славянское объединение как на вызов европейской цивилизации. Он настойчиво продолжал мысль о том, что славянство - «европейское племя, возбужденное духом времени и стремящееся войти в круг этой цивилизации» (1878 №12. С. 787). Славянское возрождение было для него фактом общеевропейского прогресса.

«Сосредоточение» славянства Пыпин трактовал как задачу, которая имела для России и славянского мира преимущественно общественный характер. Он подразумевал под этим как необходимость «усиления взаимного общественного понимания» со всех сторон, так и способность славянского и русского обществ к внутреннему развитию. Что касается последнего, то особая ответственность здесь ложилась на Россию. где реформы еще только начались и не дали ощутимых результатов. «< > действительную помощь славянскому делу наше общество может оказать лишь

тогда, когда будет стараться улучшить свои собственные дела, - писал Пыпин, - <...> нельзя быть другом славянства и ретроградом у себя дома, или по крайней мере сидеть у себя дома, сложа руки. Войной мы поможем славянскому делу; но пусть не думает друг славянства, что ему следует поэтому стать шовинистом, заняться национальным самохвальством, и объявлять чуть не врагами отечества тех, кто в эту минуту напоминает о внутренних делах <...> (1877. № 12. С. 828-829).

Попытки осуществления любого варианта панславистского проекта, будь то культурный или политический, сразу же упирались в проблему языка межславянского общения. Пыпину было ясно, что объективно более сего «задатков» для выполнения этой роли у русского языка, но деликатно обставлял движение в этом направлении целым рядом условий. Водворение русского «хотя бы рядом с местным» было возможно, по его мнению, лишь тогда, «когда русская литература примет такие размеры, что знание ее делается для славянства довольно признаваемой потребностью и необходимостью, а не исполнением чьего-то приказа» (1878. №11. С. 321). Рост привлекательности русской литературы для славян зависел от ее способности к развитию, степени свободы и глубины интереса к славянским делам.

В статьях 1876 - 1879 гг. Пыпин реализовался не только как публицист - убежденный сторонник объединения славянских народов на демократических основаниях, но и как историк идей и общественных движений в России. Благодаря ему читатель «Вестника Европы» мог познакомиться с единственным в своем роде очерком истории панславизма в России. Пыпин предложил и свою характеристику общественных настроений, порожденных восточным кризисом. В отношении к бурно проявившимся славянским симпатиям у него, естественно, не могло быть и тени той неприязни, которая сквозила в высказываниях Л. А. Полонского.

Факт стремительного роста славянских симпатий в России Пыпин объяснял прежде всего изменением внутреннего состояния общества вследствие реформ 60-70-х гг., несмотря на всю их непоследовательность. Именно благодаря им в новых поколениях нарастало «великодушное общественное чувство». «Это великодушное чувство, - писал Пыпин, - не находившее исхода, идеализм, охлаждаемый и оскорбляемый жизнью, и произвели тот порыв сочувствия, который обратился на герцеговинское восстание, на сербскую войну, на войну в Болгарии, на службу Красному Кресту, на изумительные и глубоко трогательные подвиги сестер милосердия и женщин-врачей. Была, разумеется, при этом мысль о единоплеменности народов, о которых шло дело; но здесь эта мысль была сильна как призыв на помощь бедствию и на освобождение <...>» (1878. № 5. С.314-315). Пыпин особо отмечал, что огромным большинством энтузиастов славянского дела руководили не зов крови, не «фаталистический мотив» и «этнографические соображения», а «сознательное сочувствие к угнетенному праву и свободе». Однако именно идейная сторона движения вызывала у Пыпина наибольшую озабоченность. Он находил здесь немало ошибочных мнений, которые, на его взгляд, препятствовали правильному пониманию сущности славянского вопроса. Свою собственную задачу он видел в том, чтобы указать единственный путь к верной постановке проблемы славянского объединения. Здесь он оказывался лицом к лицу с главным противником либерально-демократической версии панславизма - славянофильством и его эпигонами из консервативно-националистического лагеря.

«Вестник Европы», как известно, начал борьбу со славянофильством уже в первые годы своего существования. Полемически заострен против славянофильства был пыпинский очерк о нем в «Характеристиках литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов» (1872 г.). Еще до

объявления войны Турции, в мартовской книжке журнала за 1877 г. Пыпин обратил внимание на факт внедрения в общественное движение «ультраславянофильства» «с той самой решительностью, как некогда во времена «Русской беседы», «Паруса», «Дня» и проч.» (1877. № 3. С.359). Активизация «подлинных» и «импровизированных» славянофилов создавала реальную опасность полного идейного подчинения славянского дела в России «славянофильской формуле». Эта опасность и была фактором, обусловившим постоянную отобилизованность Пыпина на борьбу с враждебной ему школой, наиболее авторитетным представителем которой в данный момент он считал В. И. Ламанского.

Пыпин называл три основных требования славянофилов, составлявших их программу решения славянского вопроса: «первенство России, принятие славянами русского литературного языка, православие». Если в вопросе об условиях введения русского языка как общеславянского он еще мог находить некоторое взаимопонимание с тем же В. И. Ламанским, не настаивавшем на форсировании этого процесса, то по двум остальным пунктам ни о каком компромиссе со славянофильскими взглядами, естественно, не могло быть и речи. В полемике с Ламанским Пыпин указал на неприемлемость для него исходных постулатов славянофильства в разработке славянского вопроса. С его точки зрения, славянофильство предлагало «грубое понимание национальных связей, которое хочет насильственно навязывать другим племенам наши специальные особенности». При этом славянофильство допускало две грубые ошибки: «во-первых, считая наши нынешние черты непременно свойством русской народности, тогда как иной раз это - чисто временные черты или только следствие неполноты нашего собственного развития, от которых даже нам самим желательно избавиться; во-вторых, считая эти черты за общеславянские только на том основании, что нас больше» (1877. № 3. С.381).

Основополагающая славянофильская идея о враждебности греко-славянского и романо-германского миров также неизменно находилась под критическим прицелом Пыпина. В унисон с Л. А. Полонским он развенчивал надежды славянофильской и славянофильствующей публицистики на то, что концентрация сил на решении славянской проблемы принесет русскому обществу нравственное выздоровление. «Никакой «славянский союз», - писал Пыпин, - не даст нам того, что должно быть достигнуто собственным внутренним трудом, усвоением свободной науки (не «европейской», а общечеловеческой, которой в Европе только более, чем у нас) и развитием чувства гражданского и общественного достоинства. Собственно «славянский союз» немислим до тех пор, пока у нас, которые должны стать его сильнейшим участником, не решена будет, до какой-нибудь серьезной степени, эта внутренняя задача» (Там же. С.370).

Пыпин не ограничился критикой теоретических заблуждений в славянском вопросе. Он внес свой вклад и в противостояние «Вестника Европы» той политике, которую проводила в освобожденной Болгарии русская администрация. Он увидел в деятельности этого органа стремление к «единству шаблона, формы, мундира», в то время как требовалось «никак не мешать свободному проявлению народных желаний и забот», и более того - «вызвать к жизни нравственно-политические силы народа».

Отметим в заключение, что позиция «Вестника Европы» по славянскому вопросу в том виде, какой она приняла в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг., сформировалась как результат преодоления скептического отношения к самой идее славянского единства и общественному движению в поддержку славян в России. Этот скепсис был характерной чертой настроений не только в либеральном лагере, но и среди тех, кто стоял левее либералов (М. Е. Салтыков-Щедрин и пр.). Точка зрения редакционного большинства «Вестника Европы» не представляло в этом отношении ни-

какого исключения. как видим, Пыпину удалось предложить такой вариант панславизма, который оказался совместимым с политической программой либерализма и не вызвал сопротивления у его товарищей по журналу. Пыпинская трактовка панславизма предполагала четкое размежевание с реакционным и консервативным толкованием его принципов и идеологической функции. В глазах консервативно-националистических публицистов славянская общность выступала как надежная преграда европеизации России. Для Пыпина углубление и ускорение либерально-демократических преобразований на родине были отправной точкой объединительного процесса в славянском мире.

Примечания.

1 Вестник Европы. 1868. № 6. С. 817. В дальнейшем ссылки на журнал даются в тексте.

2 Подробнее о программе Р. А. Фадеева см.: Кузнецов О. В. Славянский вопрос в публицистике Р. А. Фадеева // Проблемы отечественной истории. Волгоград, 1994. С. 43-50.

3 М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Спб., 1912. Т. 2. С. 131.

4 Там же. Т. 3. С. 330.

5 См. письмо М. М. Стасюлевича Л. И. Стасюлевич от 12 августа 1876 г. (РО ИРЛИ Ф. 293. Оп. 1 № 103. Л. 34 об. - 35).

6 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1981. Т. 23. С. 130.

2. Сообщения и материалы

**Н.Г. Чернышевский и его современники
Н.П. Баллин и А.И. Васильчиков как
кооператоры (из истории русской
общественной мысли)**

Позвольте мне, прежде всего, горячо приветствовать участников научных чтений «Чернышевский и его эпоха» и поблагодарить за приглашение выступить с докладом. Россию я посещал много раз, но в Саратове, городе Чернышевского, впервые.

Несколько лет тому назад через Советское посольство в Токио я получил письмо проф. И. В. Пороха с приглашением участвовать в конференции по Чернышевскому, но это было время после окончания чтений. О нынешних чтениях я получил информацию от г-жи М. А. Дьяковой, председателя общества «Россия – Япония», которая передала мне письма И. В. Пороха и А. А. Демченко. Я благодарю директора музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского Г. П. Муренину и ее заместителя Л. Л. Калинину за присланное мне официальное приглашение. Надеюсь во время пребывания в Саратове познакомиться с современной литературой о Чернышевском.

Разрешите мне в своем докладе дать краткий очерк изучения Чернышевского в Японии после второй мировой войны, затем остановиться на современных исследованиях Чернышевского за рубежом и доложить о собственных результатах изучения кооперативных взглядов Н. П. Баллина и А. И. Васильчикова.

Краткий очерк исследований о Чернышевском в Японии после Второй мировой войны.

После Второй мировой войны несколько университетов в Японии открыли курсы русского языка и русской исто-

рии. Университет Хитоцубаси в Токио становится одним из национальных центров исследования истории русской общественной мысли – под руководством проф. Киноске Оцука (1892 – 1994), замечательного экономиста и члена Академии наук Японии, и проф. Юхинико Канэко (1912 – 1994), известного специалиста по русской литературе.

Проф. Оцука был арестован японской полицией в 1932 г. как противник господствующей в Японии идеологии. Он самостоятельно выучил в тюрьме русский язык. После Второй мировой войны он вернулся в университет и продолжил исследования по истории общественной мысли, включая Герцена и Чернышевского.

Проф. Канэко, еще будучи студентом, был арестован в 1931 г. за участие в оппозиционной по отношению к властям антимилиитаристской группе. После войны он опубликовал свои труды о Пушкине, Герцене, Белинском и Чернышевском. Он сотрудничал с проф. Оцука в его семинаре по изучению истории освободительного движения. Студенты его семинара изучали Радищева, Герцена, Белинского, Чернышевского, Писарева, Лаврова, Кропоткина, Плеханова и др. Я также участвовал в работе этого семинара и на протяжении ряда лет изучал творчество русских мыслителей XVIII – XIX века: Ломоносова, Карамзина, Белинского, Герцена и Чернышевского. После окончания аспирантуры в университете Хитоцубаси в 1965 г. я преподавал в течение 30 лет в университете Когакуин в Токио историю мировой общественной мысли. С 1978 по 1988 гг. в качестве временного лектора преподавал тот же предмет в университете Хитоцубаси. В настоящее время я читаю лекции по истории общественной мысли и кооперации в двух университетах в Токио.

Свою первую лекцию о Чернышевском я прочитал в 1969 году в Великобритании, когда в качестве аспиранта Оксфордского университета (1968-1970 гг.) изучал русскую историю. В то же время последовало приглашение из Суон-

зия колледжа при университете Уэльса, где я читал лекции о свидании Герцена с Чернышевским, которое состоялось в июне 1859 г. Текст лекции напечатан в 1970 г.¹ В 1976 и 1981 гг. я получил возможность участвовать в обмене научными работниками между Японией и Россией, изучал историю русской общественной мысли в Институте истории АН СССР (Москва и Ленинград) с помощью уважаемых профессоров М. В. Нечкиной, Б. С. Итенберга, В. А. Твардовской, Е. Л. Рудницкой, С. С. Волк, М. Г. Седова, Н. Д. Кочетковой, Ю. Д. Левиным и др. В 1981 году в Москве я познакомился с проф. И. В. Порохом².

В связи с 150-летием со дня рождения Н. Г. Чернышевского проф. Ю. Канэко издал в 1979 г. на японском языке свой перевод романа Чернышевского «Что делать?»³. В том же году проф. Канэко выступил с инициативой издания сборника статей о Чернышевском для японских читателей. В редакционную коллегию вошли проф. Канэко, Синдзи Хосоя, Икуо Исикава и Ёсио Имаи. В написании статей и составлении библиографии участвовали также десять молодых исследователей, бывших учеников проф. Канэко. Наш сборник был издан в Токио в 1981 году и явился первым значительным сборником научных трудов о Чернышевском в Японии⁴. В своей статье, включенной в этот сборник, я рассматривал два подхода Чернышевского в борьбе за реформы в России: легальный и революционный. При этом, как я думаю, первый он считал главным, а второй – вынужденным.

Пик исследований о Чернышевском в Японии пришелся на 1980-е гг. Так, в 1988 г. была издана монография проф. Университета Ибараги И. Исикава о споре Герцена с Чернышевским⁵. В последующее время изучение Чернышевского в Японии сделалось непопулярным под влиянием роста политического консерватизма. И не только в Японии. Проф. Г. Е. Тмарченко рассказывал мне в 1985 г. во время

встречи в Вашингтоне, что студенты в СССР и Америке охотнее читают Достоевского, а не Чернышевского.

Мне представляется, что главной причиной охлаждения к Чернышевскому со стороны молодых исследователей явилось старое идеологическое истолкование писателя только как политического революционера. Полагаю, что он был не только революционером, но и гуманным мыслителем, талантливым журналистом, который владел широкой информацией о международной жизни и постепенно стремился к участию в социально-экономическом реформировании России. И его долгая ссылка была не настоящей трагедией не только для него самого, но и для всей России.

Новые исследования о Чернышевском за границей.

Американская ассоциация за развитие славянских исследований (AAASS) в 1985 г. в Вашингтоне провела III Международный конгресс. В рамках конгресса работала специальная секция «Н.Г. Чернышевский: Современные исследования» под председательством Г. Е. Тмарченко. Были представлены три доклада: проф. Техасского университета М. Р. Каца о снах Веры Павловны в «Что делать?», доцента калифорнийского университета И. Г. О. Перейра о литературной структуре «Что делать?» и проф. Ёсио Имаи о кооперативных взглядах Чернышевского⁶.

В своем докладе я настаивал на том, что Чернышевский искренне желал создания легальной и свободной кооперации с целью экономического освобождения народа и осуществления социальной реформы в России легальным путем. Под влиянием утопических идей Ш. Фурье и Р. Оуэна он критиковал капитализм. Успешное развитие идей кооперации Чернышевский связывал с достижениями Рочдельских пионеров, он предполагал создать в России агропромышленные кооперативные коммуны. Как утопический социалист он полагал, что добровольный труд эффективнее труда принудительного или наемного труда при капитализ-

ме. При этом Чернышевский предполагал возможность существования кооперации с частным предпринимательством на основе экономической конкуренции в свободном рынке. По мнению Чернышевского, на ранней стадии развития кооперации в России требовалась легальная финансовая поддержка государства⁸. Условия создания демократически организованной кооперации он связывал с установлением в России гражданских свобод⁹, и это очень важно для характеристики взглядов Чернышевского.

Мне кажется, что в Советский период основное значение в исследованиях о Чернышевском придавались его политической революционности без достаточного учета его стремлений к легальным путям развития. Например, в Лондонском публичном архиве я нашел в «Daily News» сообщение английского журналиста Эдмунда Нобля (Edmund Noble), который встретился с Чернышевским в Астрахани в 1883 году. Нобль писал, что Чернышевский тогда тепло отозвался об английских политиках современной конституционной школы и высказал свое уважение к Джону Брайту (John Bright). Он сказал Ноблю, что предпочитает быть скорее Кобденом (R. Cobden) и Брайтом, нежели быть сравненным с Фурье или Марксом¹⁰. Некоторые советские исследователи критиковали это сообщение со своей идеологической точки зрения как несоответствующее действительности. Однако я думаю, что Чернышевский высказал свои политические стремления серьезно, и Нобль передал их точно. Чернышевский хорошо знал о политической деятельности названных лиц в Англии и верно оценивал их историческое значение. Ответ Ноблю свидетельствовал о стремлении демократа Чернышевского к объективной исторической точке зрения.

Проф. Г. Е. Тамарченко сказал мне на конгрессе в 1985 году, что из моего доклада он уяснил себе характер кооперативных взглядов Чернышевского, но не может согласиться с моим мнением о влиянии этих взглядов на советскую

кооперацию, так как советские колхозы – это не кооперация. Принимая эту критику колхозов, я как историк высказал предложение о влиянии кооперативных взглядов Чернышевского на В. И. Ленина. Но коммуна в период военного коммунизма совсем не похожа на тип добровольной кооперации Чернышевского. Ведь в ту пору Ленин не принимал демократических принципов добровольной кооперации. Однако в последний год своей жизни он написал, что культурная кооперация должна стать достаточным условием для построения социализма в России¹¹. Действительно, в период НЭПа кооперативы были совершенно свободными и напоминали тот тип кооперации, о котором писал Чернышевский. После посещения 1985 – 1988 годах Центрсоюза СССР и кооперативных организаций других социалистических стран я издал свое исследование «Кооперация и социализм» (1988)¹², где рассмотрел взгляды на кооперацию от Чернышевского до Перестройки 1986 года, и где я в главе о Ленине привел записку Бонч-Бруевича, очевидца беседы П. Кропоткина с Лениным в Кремле в мае 1919 года¹³. В записке говорилось о критике П. Кропоткиным взглядов Ленина на кооперацию и о протесте Кропоткина против притеснения добровольных коопераций. В книге я также пояснил содержание плана кооперативной реформы Горбачева и выразил надежду на успех перестройки кооперации, но, к сожалению, этот план не состоялся. В период правления Сталина традиции свободных кооперативов в России исчезли. Возродить эти традиции нелегко, и, на мой взгляд, изучение идей и опыта русских кооператоров до 1917 года очень важно и полезно.

На IV Международном конгрессе AAASS в Англии (1989) работала возглавляемая мною секция по русской литературе и общественной мысли. Здесь читали доклады доцент Калифорнийского университета Ирина Паперно (Irina Paperno) о Чернышевском и проф. Кембриджского универ-

ситета Айлин Келли (Aileen Kelly) о Герцене и Бакуanine с точки зрения психологического анализа¹⁴.

В Японии проф. Университета Кобэ Митико Оно издала в 1991 году замечательную книгу о русских женщинах. Она дала портрет Ольги Сократовны Чернышевской как новой русской женщины XIX века с индивидуальным характером и возражала против ее плохой репутации, ссылаясь на письма и дневник Чернышевского¹⁵. Женщины-ученые открыли новые страницы в понимании Чернышевского и его современников.

Николай Петрович Баллин - современник Чернышевского и пионер русско-украинского кооперативного движения

В 1986 году на Конгрессе в институте исследований Славянской и Восточной Европы при Лондонском университете я выступил с докладом о формировании первых русских потребительских коопераций¹⁶. В докладе я говорил о современнике Чернышевского Н. П. Баллине (1829-1904), зачинателе русско-украинского кооперативного движения.

Баллин известен как участник Первого Конгресса Всебританского кооперативного движения (Лондон, 1869). Однако исследований о его отношениях с английскими кооператорами очень мало. Более двадцати лет я потратил на поиски его рукописей и документов в России, Украине, Англии. В 1981 г. я нашел его подпись в книге первой кооперативной лавки в Рочделе неподалеку от Манчестера (сейчас это кооперативный музей). В кооперативной библиотеке при Центральном Кооперативном союзе в Манчестере я нашел с помощью библиотекарей несколько его писем к английским кооперативным руководителям В. Пэа (W. Pare), Е. В. Нилу (E. V. Neale) и др. Эти письма тогда были напечатаны в английских кооперативных изданиях, и в них сообщалось о трудной ситуации в кооперативном движении в России и на Украине. Содержание писем опубликовано мною в сборнике статей «Роберт Оуэн и мировая коопера-

ция», который издан на английском языке в Японии в 1992 г. под ред. Проф. Тюсити Цудзуки, представителя Общества Роберта Оуэна в Японии¹⁷. В следующем году в Киеве я предпринял архивные разыскания в рукописном отделе Центральной научной библиотеки при АН Украины. В личном архиве Баллина хранится множество документов и среди них неизданная его автобиография. Материалы архива засвидетельствовали близкие отношения Баллина с английскими кооператорами и подтвердили его предложение создать международный кооперативный союз с его личным воззванием к английским кооператорам. Библиографические исследования о Баллине опубликованы на русском языке в Японии в 1994 году в соавторстве с С. Н. Киржаевым, библиотекарем Киевского архива¹⁸. В том же году я выступил с докладом «Николай Баллин и мировое кооперативное движение» на ежегодном конгрессе Общества исследователей истории России в Японии¹⁹.

Николай Баллин, сын крупного русского чиновника, еще в студенческие годы увлекся утопическими идеями Ш. Фурье и деятельностью Герцена. Под этим влиянием он организовал по месту своей службы в Екатеринославе небольшой обличительный литературный клуб под названием «Пиквикский клуб», был корреспондентом газеты Герцена «Колокол». В эти годы он познакомился с Н. П. Огаревым и Н. А. Серно-Соловьевичем, но не стал сторонником их революционных взглядов. Во время встречи с Огаревым в 1869 г. Баллин прямо заявил ему об отсутствии революционной ситуации в России, чем разочаровал его²⁰. Чернышевского он относил к числу «хороших людей», но взглядов его не разделял. Однажды в книжном магазине Серно-Соловьевича он видел Чернышевского, однако не заговорил с ним²¹. Как юрист-демократ Баллин был сторонником «малых дел» в сфере проведения социальных реформ в России после освобождения крестьян в 1861 г. Он много сделал для народного просвещения: создавал библиотеки, вос-

кресные школы, положил много сил в деле организации кооперации в Харькове.

После распада его харьковской кооперации он в 1869 г. путешествовал по Западной Европе, изучая различные типы кооперации в Германии, Англии и Франции. После возвращения в Россию сделал попытку вновь организовать в Харькове кооперацию по английскому образцу, основанную на принципах Рочдельского общества. Его намерения создать вместе с Е. Н. Козловым первый национальный конгресс по проблемам кооперации не встретили поддержки губернатора²².

В архиве сохранились письма Баллина к английским кооператорам, с которыми он намеревался открыть торговлю (CWS). В письмах к В. Пэа, В. Нилу, Е. Глинингу он отстаивал мысль создать интернациональную организацию, связанную с мировым кооперативным движением. Его предложения было принято и опубликовано ими в газетах. Английский ученый В. Уоткинс признает в своей книге по истории кооперативного движения, что инициатива Баллина способствовала рождению в 1895 году Интернационального кооперативного альянса (ICA)²³.

Александр Илларионович Васильчиков и Русское ссудо-сберегательное общество

Князь А. И. Васильчиков принадлежал в дворянской интеллигенции сороковых годов, но действовал как мыслитель шестидесятых годов, как современник Чернышевского.

Он родился в семье князя, но не хотел служить в армии и при дворе. Он работал в земстве и в кооперации как руководитель с либеральными взглядами. Он не поддерживал идеи социализма и революционную деятельность, но в его взглядах ощутима примерно та же тенденция, что и у Герцена и даже у Чернышевского.

Он принадлежал к активным реформаторам, отстаивая самостоятельность земства и коопераций (товариществ). Он начинал изучать ссудо-сберегательное товарищество под влиянием Schuze – Delistch и братьев Лугининых в начале 1870-х годов. Потом он содействовал развитию товарищества. Васильчиков пытался создать русские товарищества, основанные на народных обществах с помощью земства и добровольного труда интеллигенции.

Его теория характера русского народа была раскритикована русским либералом Б. Н. Чичериным как дилетантская. Но российские ссудо-сберегательные товарищества имели огромный успех с его помощью до революции 1917 г.

Мне кажется, мысли и деятельность Васильчикова стоит исследовать для лучшего понимания эпохи Чернышевского и нынешнего времени – времени создания добровольной кооперации в России.

Я собирал его сочинения и документы, проведя около десяти лет в разных библиотеках Санкт-Петербурга и Москвы. В прошлом году я написал первую статью о кооперативных взглядах Васильчикова в Японии и опубликовал ее в бюллетене университета в Токио²⁴.

Заключение

Каждый период и каждый исследователь имеет свой образ великих мыслителей. По моим представлениям Н.Г. Чернышевский был революционером и благоразумным мыслителем. Он стал одним из пионеров идеи русской кооперации. К сожалению, он не смог осуществить на практике свое понимание кооперации. Это обстоятельство побудило меня искать современных ему представителей кооперативного движения, таких как Н. П. Баллин и А. И. Васильчиков, которые сделали попытку реализовать кооперативные идеи в России и на Украине в эпоху Чернышевского.

Изучение их деятельности оставило во мне глубокое впечатление. Они показали серьезное стремление учиться на опыте Запада и создали самостоятельную теорию кооперации. Они хорошо видели социально-экономическую отсталость России, говорили о необходимости просвещения народа, искали способа решения своих задач на основе демократичности и добровольности, без государственного вмешательства. Вот почему они выдвигали идею народной кооперации, организуемой с добровольной помощью интеллигенции и иностранных кооператоров. Мысли о кооперации, развиваемые Чернышевским в его статьях и романе «Что делать?» сохраняют актуальность и в наше время.

Я составил в 1997 году сборник моих статей под названием «Русская интеллигенция и международное кооперативное движение» на четырех языках (японском, английском, русском и корейском), в котором Чернышевский и его современники кооператоры занимают почетные места как русские пионеры кооперативного движения²⁵. В 1995 году Международный Кооперативный Альянс отметил свою столетнюю годовщину и сейчас пытается разрешить трудную задачу организации взаимопомощи за свободу, мир и лучшую жизнь боле двухсот национальных кооперативных организаций девяноста стран и их семидесяти миллионов членов.

Мечты пионеров русского кооперативного движения не будут оставаться только мечтами.

Примечания:

1 Imai Y. The London meeting of Herzen and Chernyshevsky in June 1859 // The bulletin of Kogakuin University. Tokyo. Dec. 1970 P. 1-21 В это время в Японии также проф. Университета Тюо, Кэисин Икэседзи издал статью «Чернышевский и социализм» (1970) Проф. Университета Гифу, Юсуиру Такэси опубликовал большую статью о философских взглядах Чернышевского (1972-1974).

2 Я благодарю всех ученых, которые оказывали мне помощь в моих исследованиях русской общественной мысли: Prof. H. Willet, I. Ballin, prof. Ch. Abramsky, H. Shukman & J.S.G. Simmons (Oxford), Prof. E. H. Carr & I. Kelly (Cambridge), Prof

R. Bartlett. (London), Italian prof. F. Venturi, Polish prof. A. Walicki, American prof. S. Baron, A. Kinball, S. Fitzpatrick, A. Durkin и т.д.

3 Японский перевод проф. Канэко романа «Что делать?» в свое время был передан в библиотеку Музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского в Саратове

4 Н.Г. Чернышевский. Его жизнь и мысль. Сост. Профессорами Канэко, Хосоя, Исикава и Имаи Токио, 1988.

Гл. I. Его жизнь и эпоха - Ю. Канэко.

Гл. II. Политика - Е. Имаи

Гл. III. Экономика - И. Исикава

Гл. IV. Революция и народ - М. Ватанабэ.

Гл. V. Философия - Т. Сасаки

Гл. VI. Этика - К. Идэ

Гл. VII. Образование - К. Сэки

Гл. VIII «Что делать?» - М. Нагаиawa

Гл. IX. «Пролог» - Т. Сакои.

Гл. X. Литературный критик - И. Фудзии

Гл. XI. Плеханов - критик Чернышевского - Х. Сахамото.

Гл. XII. Короткий очерк истории исследований о Чернышевском в СССР - Х. Сахамото.

Хронология - С. Като

Библиография - С. Хосоя и Е. Имаи

5 Икуо Исикава Герцен и Чернышевский. Токио, 1988 Автор перевел статью Чернышевского «Капитал и труд» на японский язык (Токио, 1965).

6 Мой доклад на Третьем Международном Конгрессе в Вашингтоне в 1985 г. был издан в сборнике докладов под ред. Проф. Д. К. Роуни в Америке в 1989 г. См. Imai Yoshio. N. G. Chernyshevskii: Pioneer of the Russian Co-operative Movement // Imperial Power Development: Papers on the Pre-revolutionary Russian History ed. By D. K. Rowney, 1989

7 См. статью «Рочдельское общество взаимного вспомоществования», напечатанную в «Современнике» в апреле 1860 года (С.259-274) за подписью И. К. Автором был Иван Александрович Коноласевич, учитель в Варшаве, бывший однокурник Н. А. Добролюбова по Главному Педагогическому Институту (С.-Петербург)

8 См. «Капитал и труд» Чернышевского (1859).

9 Там же

10 «A Russian Prisoner». (From Our Correspondent). Astrakhan. Dec, 11 // The Daily News. 22 December 1883, P. 3.

11 См. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. Т. 45. С. 369.

12 Имаи Ёсио Кооперация и социализм Токио, 1988 Эта работа была награждена премией Центрального Союза Японских агро-коопераций за лучшее исследование о кооперации в 1988 г.

- 13 Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминание о Ленине. Изд. 2-е, доп. М. Наука, 1969. С.440-447.
- 14 Paperno Irina Chernyshevsky and the Age of Realism, A/Study in the Semiotics of Behavior. Stanford University Press, 1988.
- 15 Митико Оно Россия но ая то куню (Любовь и страдание русских). Киото, 1990. С.165-210
- 16 Imai Y. The Artel and the Beginnings of the Consumer Cooperative Movement in Russia // Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society, ed. By R. Bartlett. London, 1990. P.363-375.
- 17 Imai Y. Nicolas P. Ballin, Pioneer of the Russo-Ukrainian Co-operative Movement, and His Letters to English Co-operators (1871-1888) // Robert Owen and the World of Co-operation, ed. By Robert Owen Association of Japan, Tokyo, 1992.
- 18 Киржаев С. Н. И Имай Ёсио. Николай Петрович Баллин и его архив: библиографическое исследование о пионере русско-украинского кооперативного движения // Acta Slavica. Sapporo, 1994. Т. XII.
- 19 Имай Ёсио. Николай Баллин и международное движение (по-японски) // Россияси кэнкю. № 56. 1995. С.65-67.
- 20 См.: Баренбаум И. Е. Мемуары Н. П. Баллина и общественное движение в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века // Революционная ситуация в России. М., 1970. С.322
- 21 Баллин Н. П. Пятьдесят лет моей жизни – развитие моих социальных стремлений (Неизданная автобиография Н. П. Баллина). С.68 (Киев, архив Баллина)
- 22 См.: Баллин Н. П. Сост.: Первая памятка русских потребительских обществ. Спб., 1870
- 23 Watkins W. P. The International Co-operative Alliance, 1895-1970. ICA, 1970. P.18
- 24 Имай Ёсио. А. И. Васильчиков о народном ссудо-сберегательном товариществе (по-японски) // Бюллетень ун-та Кюгакуин, Токио № 35-1, 1997. С.21-34
- 25 Imai Y. Russian Intelligentsia and The International Co-operative Movement. Tokyo, 1997. P.260-276.

Н.Г. Чернышевский о Н. М. Карамзине

Помимо немногочисленных упоминаний в общих исследованиях о критике Чернышевского и комментариям к работам писателя, данной теме не было посвящено ни одной специальной статьи. Обычно подчеркивались лишь отрицательные суждения Чернышевского о Карамзине и его произведениях, цитаты с положительными характеристиками либо не замечались, либо снабжались комментариями о противоречивости и нечеткости политических взглядов Чернышевского в эти годы. Но это лишь дань времени, в действительности все иначе.

Раннее упоминание о Карамзине находим в письме Чернышевского от 24 декабря 1846 года из Санкт-Петербурга: «<...> Ныне был я на Апраксином рынке, посмотреть книг, которые нужно купить, как Вы, милый папенька, пишете. Купил 2 том Карамзина за 50 копеек серебром <...>» (Т. XIV. С.92). С творчеством Карамзина Чернышевский познакомился, читая книги из домашней библиотеки. У Гаврилы Ивановича была большая библиотека, - вспоминает А. Н. Пыпин¹, - среди прочих книг была и «История Государства Российского» Карамзина. С детства любивший много читать (охоту к чтению умело поддерживал отец Гаврилы Иванович, принося домой от знакомых новые книги), Николай Гаврилович не просто поглощал книгу за книгой, а записывал в дневнике свои впечатления от прочитанного. Так, сохранилась запись в дневнике 1848 года от 10 октября: «<...> «О новой и древней России Карамзина: весьма умный и добросовестный человек, весьма много хорошего и дельного, но есть много и устарелых негодных понятий, напр<имер>, восстает против централизации, министров, хочет усиления власти губернаторов; хочет, чтоб известные места давались только дворянам, вообще который

очень любит, чтобы дворянство раздавалось с большой осторожностью; говорит против Сперанского, во всяком случае, так мне кажется, - ученик Монтеские, только несколько отсталый от тех, которые через него хотели английской Vestassung <конституции> <...>» (Т. I. С. 146).

Позднее эта оценка «Записки» Карамзина получит цитатное подтверждение и развитие в работах Чернышевского начала 60-х годов: «Русский реформатор» (Т. VII. С. 809 – 811) и «Рассказ о Крымской войне (по Кинглеку)» (Т. X. С. 329-330). В высказывании о личности Карамзина Чернышевский остается верен этой своей записи, с годами дополнив ее характеристикой Карамзина - литератора.

Дневниковая запись от 17 декабря: «Из корпуса пошел узнать о Мерке (ученик Чернышевского – А. З.) и попросить записки. Мерк ничего себе, пишет о Карамзине, о ком знает <...>» (Т. I. С. 400). В это время ученик Чернышевского готовился к сдаче экзаменов на домашнего учителя по русской словесности. Влияние Чернышевского на своих учеников несомненно сказывалось на их оценках произведений разных авторов. Так, в работе Василия Михайловского о «Повестях Белкина», - пишет А. А. Демченко, - сказалось мнение Чернышевского о пушкинских повестях, который опирался на суждение Белинского, сурово отзывавшегося о «Повестях Белкина», как о «недостойных имени Пушкина. Это что-то вроде повестей Карамзина, с тою только разницею, что повести Карамзина имели для своего времени великое значение, а повести Белкина были ниже своего времени»². Позднее в «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский напишет: «Повести Карамзина имеют значение только для истории языка, но не для истории оригинальной русской литературы, потому что русского в них нет ничего, кроме языка» (Т. III. С. 14).

В работе «Из автобиографии» Чернышевский, размышляя об истории, дает следующую характеристику Карамзи-

на: «За временами и элементами мифическими во всякой истории следуют времена эпические, в которые действуют и восхищают сердца своим величием «герои сумрака», по счастливому выражению известного русского поэта и стилиста Н. М. Карамзина: после Юпитера – Геркулес и проч., после Одина, Тора – Зигфрид и проч., у нас после никого – Рюрик, Олег и Святослав» (Т. I. С. 648). По поводу истории в «Истории» Карамзина Чернышевский еще не единожды будет писать в своих работах. В частности, в своей диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», определяя пользу компендиума, Чернышевский пишет, что он вряд ли «лучше истории Карамзина, из которой извлечен» (Т. II. С. 85).

Критически оценивая современные писателю издания по истории древностям российским, Чернышевский приводит в качестве примера «Историю» Карамзина. Отмечая ошибки М. Стасюлевича в его историческом исследовании «Осада и взятие Византии турками», он пишет: «<...> Все историки (в том числе и Карамзин, говоря о взятии Византии в V томе своей «Истории») согласны, что в Константинополе, при его падении, было, по крайней мере, 100 тыс. жителей, а по всей вероятности гораздо более <...>» (Т. II. С. 601-602). Подчеркивая поверхностность справочного энциклопедического словаря в разделе «Библиография» «Отечественных записок», писатель приводит целый список упущений этого издания: «<...> Посмотрим, как он (Спр. Словарь, - А.З.) пользуется другими материалами для русских статей и для краткости ограничимся одним, известнейшим: «Историею» Карамзина и «Ключом» к ней г. Строева. Вот список статей на букву Л, которых редакция не заметила в «Ключе» или не сочла довольно важными, между тем как поместила множество других гораздо менее важных <...>» (Т. II. С. 357). И, наконец, обращается к авторитетному суждению Карамзина, при критическом разборе «Временника Императорского Московского общества исто-

рии и древностей Российских. Книги 16-19» (Т. II. С. 321-330).

Справедливо оценивая значение «Истории» Карамзин, Чернышевский призывал и своих современников к научной корректности. Так, в 10 номере «Современника» за 1854 год, рецензируя «Историческое значение царствования Алексея Михайловича» (Соч. П. Медовикова. М., 1854), Чернышевский пишет: «Один из достойнейших наших ученых считает нужным анатомически разбирать «Историю Государства Российского», отыскивая, не взял ли Карамзин и у Щербатова или Хилкова мысль о том, что «просвещение смягчает нравы», не заимствовал ли он у Татищева или Болтина понятие о том, что Святослав был отважным воителем, а Олег привел в трепет византийцев. Зачем он тратит время на подобные сближения? Что «История Государства Российского» имеет свои недостатки, было уже двадцать лет назад доказываемо Арцыбашевым и Полевым, а теперь напрасно говорить об этом; что Карамзин пользовался трудами своих предшественников, также вещь, известная всякому, и столь же естественная, как и то, что ученые, занимающиеся ныне русскою историею пользуются трудами Карамзина<...> Неужели нужно анатомировать историю Карамзина для того, чтобы наши читатели лучше могли постичь превосходство наших собственных трудов? Уже одно опасение, что читатели наши могут прийти к такой мысли – надеемся, несправедливой – относительно наших чувств, должно было бы удержать нас от бесполезного труда, ставящего нас в самое неловкое положение» (Т. II. С. 406). О том же замечает Чернышевский и при рассмотрении сочинения И. Андреевского «О нравах иностранцев в России до вступления Иоанна II Васильевича на престол великого княжества Московского»: «В одной из наших статей мы говорили, что напрасно г. Соловьев подвергает микроскопическому разбору «Историю» Карамзина с целью выказать недостатки этого колоссального труда, потому

что теперь они ясны для всех <...> Что говорил Карамзин в предисловии к своей истории, остается до некоторой степени справедливым и относительно изданий, сделанных впоследствии. Очень немного есть сборников, представляющих материалы в удовлетворительном виде<...>» (Т. II, С. 676-677). И в рецензии на «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. Книги второй половина вторая. Москва, 1854» (Т. III, С. 369-370).

При всех недостатках «истории Государства Российского» Карамзина, именно знание ее позволяло считать человека просвещенным и грамотным. Об этом писал Чернышевский в «Материалах для биографии Н. А. Добролюбова»: «<...> В сентябре месяце ректор училища привел 10-летнего мальчика Добролюбова учиться. «Прямо в 4 класс!» - говорили ученики, удивлялись и завидовали <...> У первых учеников шел другой толк. «Говорят, братцы, подготовлен хорошо. А латинский как знает. Книг много у отца... Он уж Карамзина прочитал (Карамзина когда-то еще удастся им самим прочитывать, года через четыре: таков порядок был в распределении книг для чтения). Вот будет качать!» (Т. X, С. 12), и в статьях «О способах выкупа крепостных крестьян» (Т. V, С. 183-184), «Суеверие и правила логики» (Т. V, С. 690). Общее значение карамзинского «колоссального труда» Чернышевский обозначил в статье «О «Бригадире» Фонвизина»: «Мне кажется, что настоящего влияния на жизнь нашего общества не имел и Державин, не имел довольно долго и Жуковский. «История» Карамзина была едва ли не первой, написанною по-русски, книгою, которая имела серьезное влияние на наше общество — из нее русские узнали свое прошедшее, и следствия этого знакомства глубоко отразились в их взгляде на себя, в их жизни и стремлениях» (Т. II, С. 793) (1-ая ред.). С. 806 (2-я ред.).

Это высказывание Чернышевского сродни оценке Белинским «Истории Государства Российского» Карамзина. Мы уже говорили о том, что Николай Гаврилович соглашался с литературно-критическими суждениями Белинского. И, как отмечает в научной биографии Чернышевского А. А. Демченко, пропагандировал среди учеников сочинения Белинского»³. Вторя ему, Чернышевский говорит о таких понятиях в истории русской литературы, как «карамзинская школа», «основатель изяшной литературы» - «новейшей русской литературы», «карамзинская эпоха»⁴. Кроме «Истории Государства Российского» и «Записки», Чернышевский обращал внимание и на другие произведения Карамзина, выделяя то поэтические, то прозаические его таланты. Единожды назвав Карамзина «известным русским поэтом» уже в «Очерках гоголевского периода русской литературы», Чернышевский еще более укрепил этот свой тезис: «Немногие из знаменитых критиков писали стихи, но если кто из них писал, то стихи всегда бывали такого рода, что доставляли ему славу лучшего поэта своей эпохи <...> Вспомним Буало, Попе: будучи хорошими критиками, они были и лучшими поэтами своего времени. То же и у нас – вспомним Карамзина и Мерзлякова: Судите, как хотите, о их поэтическом таланте, плохих стихов вы у них не найдете» (Т. III. С. 91). На это же указывает он и в библиографической заметке по поводу издания «Собрания поэтов. Опыт исчисления современнейших произведений поэзии всех времен и народов» (Т. II. С. 204), и в критической рецензии на книгу «О поэзии. Соч. Аристотеля. Перевел, изложил и объяснил Б. Ордынский» (Т. II. С. 264).

В рецензии на «Письма об Испании В. П. Боткина», вышедших в СПб., в 1857 году Чернышевский пишет: «Как везде, и у нас путешествия исстари были любимым чтением. Не заходя в старину слишком далеко, вспомним только, что новейшая русская литература (выделено мной – А. З.) началась «Письмами русского путешественника», кото-

рые читались, наверное, не меньше, нежели «Бедная Лиза» и «Марфа Посадница» (Т. IV. С. 222). Так же отметит он и карамзинскую повесть «Фрол Силин» как первую, изображающую трудолюбивого и зажиточного «поселянина» (крестьянина), из непрерывного ряда литературных мужиков, говоря о начале писательской деятельности Д. В. Григоровича в «Заметках о журналах. Август 1856 года» (Т. III. С. 692).

В общем, свое отношение к прозаическим сочинениям Карамзина Чернышевский высказал в работе «А. С. Пушкин. Его жизнь и сочинения»: «<...> Карамзин, после Ломоносова, второй основатель нашей изящной литературы. Его произведения, написанные очень хорошим и легким языком, читались с таким удовольствием, какого прежде не вызывали прозаические сочинения» (Т. III. С. 314). Это суждение писателя подкрепляется и ранее высказанным замечанием в рецензии на издание «Песни разных народов: «Одно из любимых обвинений со стороны нашего века против предыдущего - «наши отцы и деды мало заботились о народности». Как полно прилагается теперь эта мерка самовосхваления, например, к русской литературе! «Элемент народности слаб у Карамзина и Жуковского; потому содержание их произведений бесконечно ниже того содержания, какое находим в современной литературе». Быть может и справедливо, что в наше время литература развила в себе содержание более высокое и живое, нежели какое влагалось в нее нашими отцами; не хотим решать этого вопроса - он может быть решен только последующими поколениями, и для нас было бы горько решить его отрицательно» (Т. II. С. 292).

Обратил внимание Чернышевский и на перепечатку «Смеси» из «Московских ведомостей», которую готовил Карамзин. Однако он считал, что «совершенно напрасно «Москвитянин» перепечатывает ее вполне: вся «Смесь» состоит из коротеньких статей, иногда только и то слегка

компилированных, а большей частью переведенных без всякого изменения. Потому довольно было бы составить ее общую характеристику, выписать для примера несколько статей <...> переведенных с французского и несколько не характеризующих Карамзина<...>» (Т. XVI. С. 41, 44, 54). Нам же представляется, что перепечатка в «Москвитяине» оправдана уже потому, что оригинал публиковался в газете 1795 года, которая на сегодняшний день недоступна. Кроме того, не все статьи из «Смеси» так уж безынтересны. Многие из них любопытны с точки зрения философских пристрастий Н. М. Карамзина.

Чернышевский отозвался и на публикацию писем Карамзина к Тургеневу, представляющих «много материалов для биографии Карамзина, особенно они объясняют ход его работ при составлении «Истории Государства Российского» (Т. XII. С. 85).

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что Чернышевский справедливо высоко оценил значение творчества Карамзина для развития новейшей русской литературы и исторической науки. В подтверждение этому приведу высказывание Чернышевского, которое и является квинтэссенцией его суждений о произведениях Карамзина: «<...> историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами Родине, его человеческое достоинство – силою патриотизма. Ломоносов, Державин, Карамзин, Пушкин справедливо считаются великими писателями, - но почему? Потому что оказали великие услуги просвещению и эстетического воспитанию своего народа» (Т. III. С. 137).

Примечания:

1 Пыпин А. Н. Мои заметки // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. В 2 т. / Общ. Ред. Ю. Г. Оксманя. Саратов. Т. I. С. 57.

2 Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография. В 4 т. Саратов. 1978. Т. I / Под ред. Е. И. Покусаева. С. 239

3 Там же.

4 См рецензии «Соч. Пушкина с приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и его рисунков и проч Изд П. В. Анненковым СПб., 1855» (Т. II. С. 441), «мелочи из запаса моей памяти М Дмитриева М., 1854» (Т. 2. С. 607), «Полное собрание сочинений русских авторов Соч. В. Л. Пушкина и Д. В. Веневитинова. Изд. А. Смирдина. Сиб., 1855» (Т. II. С. 777) и др

В. В. Розанов и Н.Г. Чернышевский

В настоящее время проблемы восприятия литературного наследия, влияния, личности, воздействия на личность вновь и вновь привлекают внимание исследователей. В ряду многих причин, определяющих литературный контекст эпохи начала XX века, выделяется проблема полемики как основа притяжения-непритяжения вообще и литературного «наследства 60-х гг.», в частности. Сложность рассмотрения подобного положения усугубляется тем, что Розанов полемизирует с наследием Чернышевского не только на уровне анализа образа, произведения, но и на уровне концепций, т. е. представлений о природе художественного творчества¹. Все положения анализа Чернышевского подвергается сомнению, прямо или косвенно предпринимается попытка их опровергнуть. Но суть проблемы не только в подобном ожесточенном непритии. Дело в том, что для Чернышевского процесс художественного творчества – акт сознательный, Розанов же ищет истоки вдохновения в подсознании. Естественно, на основании подобного ставится вопрос и о полемике Розанова с наследием Чернышевского, и о причинах непрития этого наследия. Но решение этих сложнейших теоретических, историко-литературных, психологических и даже чисто иных вопросов возможно, если рассматривать эти вопросы концептуально, к контексте всего их творчества; только тогда их полемика обретет свой истинный смысл и не будет сводима в выдвиганию, «выпячиванию» отдельных положений и замалчиванию, «замазыванию» других.

Выявлению причин непрития Розановым «наследства 60-х гг.» вообще и «наследства» Чернышевского, в частности, способствует применению системы моделирования (логической, проблемной и т. п.). Но алгоритм поиска ре-

шения, ответа, соответственно, неизбежно обращает нас к выяснению мотивации подобного состояния – открытой, личной, скрытой. К определению причин негативного отношения Розанова к «наследству 60-х гг.» обращались многие исследователи, но все-таки вопрос остается во многом открытым до настоящего времени².

Суть проблемы в том, что мотивация обязательно, вроде бы, подразумевает цель, а она-то и отсутствует, во всяком случае Розанов о ней не заявляет, не декларирует. Может быть именно это и затрудняет современным исследователям нахождение ответа. Подобное положение предусматривал Карл Густав Юнг, когда писал: «Мифологическая потребность западного человека обусловлена эволюционистским мировоззрением с обязательными понятиями Начала и цели. Он не приемлет идею пути, где есть начало и конец, но нет цели, точно так же, как не приемлет представление о некоем статическом, замкнутом, вечном круговороте»³. А вера в «вечный круговорот» - это, по Юнгу, верования человека Востока.

И все же: почему такие разноречивые оценки Чернышевского Розановым - как от фигуры, «равной Петру Великому» («Уединенное»), до почти патологической ненависти («Опавшие листья. Короб второй»). Общим местом стало утверждение современных исследователей о том, что литература для Розанова - «истины», - пишет он, - «потому что деньги платят»; «современники же Розанова говорили о его «двурушничестве». Что подразумевается под другими, каковы причины «двурушничества», было оно добровольным или вынужденным – все это вместе взятое и позволит определить мотивацию отношения Розанова к личности и наследию Чернышевского. На важность выявления всех причин в контексте полемики обращал внимание М. М. Бахтин, который в работе «К методологии гуманитарных наук» отмечал: «... Так называемый литературный процесс эпохи, изучаемый в отрыве от глубокого анализа культуры, сво-

дится... к «остаются не раскрытыми, иногда и вовсе не известными исследователям»⁴. Сам Розанов в «Мимолетном» пытался ответить на эти вопросы, анализировал ситуацию: «1.6.1914 «Двурушник». Вам хорошо писать. Потому что радикальных журналов сто, и можно писать во всех «Но что делать «нам», когда консервативный журнал или газета только в единственном числе... а за стол садится 11 человек... нужно их учить, оставим идейность и обратим внимание на хлеб... Это скорбь положения»⁵. Итак, по Розанову, во-первых, негде печататься, во-вторых, нет подписчиков; следовательно, это – первая причина неприятия на следствия»⁶. Вторая причина глубоко личная: «Я, как много-семейный вынужден был «поклониться вам». Поклониться вот этой линии: «Белинский - Добролюбов - Чернышевский – Щедрин – Некрасов - Михайловский». Данное положение, т.е. обязанность, обязательность подобного вызывает у Розанова сердечный, предельно откровенный стон: «До какой степени погибла наша несчастная Россия, погибла и погублена, полуразрезана и обобрана, если в самом деле «писатель с талантом» (никто не отрицает) не имеет возможности даже воспитать детей, просто обучать их в школах, «ни лечить больную жену, если он верен России и любит Россию: и может купить хлеб детям и лекарство жене, только предав Россию и начав лстыть ее погубителям» (С. 381). В соотношении личного и общественного, необходимого и обязательного ответ на вопрос: могу – или не могу – поступиться принципами. Но удар следует за ударом, нападение – за нападением. Вновь и вновь Розанов обращается к анализу ситуации, рассуждает о глубоко личном. «Поразительно, что два самых опасных, мучительных и неприятных нападения на меня были сделаны при одинаковых внутренних моих обстоятельствах. Первое Владимира Соловьева («Порфирий Головлев о свободе и вере», - Иудушка) – когда Варя лежала после операции и в тифу «отвечал я, чтобы получить 100 р. и внести в больницу. Ужасающая бед-

ность... Прошло много лет... Струве и Пешехонов нападают на меня 2-3 недели спустя после удара Вари... Поразительно» (С.448).

Эти страшные события, их мистическая взаимосвязь приводят Розанова к действительно поразительным открытиям философского порядка о «соотношении между острой сутью христианства и ...острой сутью «современности», литературы, политики, «суеты» (С.449). Развитие данного «соотношения» заставляет Розанова «соотнести» себя с Чернышевским; он примеряется, раздумывает, сравнивает, задает мучительные – прежде всего для него самого – вопросы: «Отчего так трудна теперь борьба в литературе?» (С.449). Ведь и Белинский, и Чернышевский были одни – и победили, у них тон – победителей. Но почему же я «не победил», и Мережковский и Страхов...» (С.450).

И еще одна причина неприятия «линии»: «Гоголь дал право каждому русскому хохотать над Россией, и Чернышевский, и Благодетель чувствуют ...себя ...судьбой России. Они – это Ноздрев – Чернышевский, Собакевич – Благодетель, Тентенников – Лавров, Манилов – Лесевич, Чичиков – Михайловский...» (С.456). Более того, «Что делать?» Чернышевского – необъяснимо без предварения «Мертвых душ», - размышляет Розанов, - ведь им Россия смешна, но не они сами. Эта линия, эта традиция в противопоставлении себя лично, своей личности – целой России, всем ее законам, всему ее порядку, всему быту, т.е. идея превосходства» (С.558) совершенно неприемлемы для Розанова. Однако сам он четко различает всю относительность подобных конструкций, собственных обвинений. И поэтому он не только нападает на Чернышевского, но и защищает его, говоря о «золотых снах утопистов» - «Что делать?» Чернышевского – и реальном социуме коммунистов. У Розанова, как мало у кого, личное переплетается с общественным, трагическое – с необходимым, любовь – с нена-

вистью, вечное – с суетой, а это – в свою очередь – и составляет «тайну творчества» художника.

Примечания

- 1 Черногаев С. П. Автореферат дисс. Канд. Филол. Наук. Саратов, 1997.
- 2 Латынина А. «Во мне происходит разложение литературы» (В. В. Розанов и его место в литературной борьбе эпохи) // Вопросы литературы 1975 № 2 С.169-208; Николашкин А. Н. В. В. Розанов - литературный критик // Розанов В. В. Мысли о литературе. М., 1989; Кожин В. Загадочные страницы истории XX века // Наш современник 1993. № 3. С.130-147.
- 3 Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994. С.312.
- 4 Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С.330.
- 5 Розанов В. В. Когда начальство ушло... // Розанов В. В. Мимолетное 1914. М., 1997.
- 6 объяснить все «идейной борьбой» не совсем верно, поскольку часто за таким положением только «лоза», только амбигуи, «оригинальность» См. об этом: Кондаков И. Покушение на литературу (О борьбе критики с литературой в русской культуре) // Вопросы литературы 1992. Вып.2. С.75-127.

Мемуары о Н.Г. Чернышевском как биографический источник в романе В.В.Набокова «Дар»

В 1988 году в журнале «Урал» состоялась первая российская публикация романа В. Набокова «Дар», составной частью которого является «Жизнь Чернышевского» (4-я глава романа), написанная героем «Дара» Ф. Годуновым-Чердынцевым.

«Жизнь Чернышевского» заняла особое место в биографической литературе о Н.Г. Чернышевском.

Опыт В. Набокова в жанре биографии уникален. Им написаны роман «Дар» (в нем две биографии: биография Н.Г. Чернышевского и биография отца героя романа – К. Годунова – Чердынцева), эссе «Николай Гоголь. 1809 – 1852», биографические статьи об А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове, Ф. И. Тютчеве, роман «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» (для читателя Себастьян Найт – лицо выдуманное, но для его биографа – м-ра Гудмена – Найт – реально существовавший человек, это и позволило нам поставить «Подлинную жизнь Себастьяна Найта в один ряд с другими биографиями) и др. Роман «Дар» - русскоязычное произведение В. Набокова, остальные биографии написаны на английском языке. Нам представляется, что изучение биографии как жанра невозможно без учета опыта В. Набокова.

«Жизнь Чернышевского» как произведение биографического жанра предполагает специальное рассмотрение вопроса об источниках этого жизнеописания.

На некоторые из источников «Жизни Чернышевского» указал в «Даре» сам В. Набоков: дневник Н.Г. Чернышевского («в студентском дневнике», «перед нами «Дневник моих отношений с той, которая теперь составляет мое счастье», - так ссылается на этот источник автор «Дара»),

письма («писал он из Сибири сыновьям», «одна из главных его эпистолярных струн это – обращенное к жене и детям заверение», «планы этих квартир ... начертаны им в письмах», книга Ю. М. Стеклова² («увлекающийся Стеклов», «описание... у Стеклова грешит... неточностями»); воспоминания современников («совершенно ошибочно Лядкий ... сравнивает ссыльного Чернышевского...»), «по иным донесениям из прошлого», «как потом вспоминал старик Шелгунов»), многие из которых процитированы у Стеклова, при этом В. Набоков воспользовался не только непосредственно самими цитатами, но и комментариями Стеклова к воспоминаниям современников и указаниями на существование других мемуаров.

Литературоведами осуществлена определенная работа по выявлению источников «Жизни Чернышевского». Так, С. Давыдов среди источников «Жизни Чернышевского» называет дневники и письма Н.Г. Чернышевского, книгу Ю. М. Стеклова «Н.Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность» (в 2 т. М.-Л., 1928)³.

И. Паперно указывает также на такие источники, как журнал «Былое», публиковавший материалы о Н.Г. Чернышевском. «Полное собрание сочинений» Н.Г. Чернышевского (1906)⁴.

Однако основная работа по выявлению источников «Жизни Чернышевского» исследователям еще предстоит. Сложность этой задачи определяется тем, что художественная биография – это одновременно литературоведческий жанр, поскольку биограф основывается на различных источниках, анализирует их, и жанр художественной литературы, который допускает присутствие вымысла (один из жанрообразующих признаков художественной биографии), порою произвольное толкование документов.

Рассматривая «Жизнь Чернышевского» с точки зрения ее источников, необходимо помнить, что роман «Дар» был написан В. В. Набоковым в 1934 – 1937 годах. Поэтому в

распоряжении ни я были материалы о Н.Г. Чернышевском, опубликованные к 1937 году. (Мы говорим лишь об опубликованных материалах, так как архивных разысканий биограф Н.Г. Чернышевского не проводил).

Важно учитывать еще одно обстоятельство при анализе круга использованных источников: Годунов-Чердынцев биографии как исследования систематического изложения жизни Н.Г. Чернышевского не писал. У «даровского» биографа Чернышевского иная задача: написать идиотскую биографию романсэ», в которой он все хотел «держать как бы на самом краю пародии»⁵. Сам же В. В. Набоков в художественной биографии видел как бы подобие удвоенной игры в салки: сначала биограф гоняется за своей добычей, продираясь сквозь письма, дневники и трясины домыслов, а затем соперник-специалист принимается гонять изгваздавшегося биографа»⁶.

Названные причины усложняют источниковедческий анализ «Жизни Чернышевского». Тем не менее, он возможен и крайне необходим. Совокупный анализ всех источников даст возможность определить степень объективности, а в изображении Н.Г. Чернышевского и место «Жизни Чернышевского» в литературе о Н.Г. Чернышевском биографического жанра.

Особое место среди источников биографических трудов занимают мемуары.

Ко времени написания «Дара» были опубликованы далеко не все воспоминания современников о Н.Г. Чернышевском. Поэтому В. Набоков не мог использовать весь мемуарный комплекс. В мемуарах отразились важнейшие периоды биографии Н.Г. Чернышевского. У Набокова не было задачи обстоятельно осветить всю жизнь Чернышевского. Однако детальный анализ воспоминаний современников и соответствующих строк «Жизни Чернышевского» показывает значительную зависимость 4-ой главы «Дара» от мемуаров.

И. Паперно указала на некоторые факты использования В. Набоковым воспоминаний современников о Чернышевском. Однако в своих выводах исследовательница не всегда точна. Так, информация, относящаяся ко времени жизни Н.Г. Чернышевского в Александровском заводе, - «В июне следующего года, по окончании срока испытваемости, Чернышевский был выпущен в вольную команду и снял комнату у дьячка, необыкновенно с лица на него похожего: серые полуслепые глаза, жиденькая бородка, длинные спутанные волосы... Всегда пьяненький, всегда вздыхающий, он сокрушенно отвечал на вопросы любопытных: «Все пишет, пишет, сердешный» (С.255) – основана, по мнению И. Паперно, на совмещении двух источников: мемуаров П. Ф. Николаева и статьи Е. А. Ляцкого, опубликованной в качестве предисловия к книге «Чернышевский в Сибири» (В 3 т., Спб., 1912-1913). По указанию И. Паперно, описание внешности восходит к тексту Николаева: «Увидели мы самое обыкновенное лицо, бледное, с тонкими чертами, серыми полуслепыми глазами, в золотых очках, с жиденькой белокурой бородкой, с длинными, несколько спутанными волосами. Часто по нашим погостам попадают дьячки с такой наружностью»⁸, а сведения об обстоятельствах жизни Чернышевского в это время заимствованы у Ляцкого: «К июню 1867 г. кончился срок «испытваемости» Чернышевского, и ему разрешили жить за оградой. Он нашел комнату у дьячка и поселился в ней»⁹. «В тексте Николаева «дьячок» появляется в составе сравнения; у Ляцкого – это реальное лицо. Набоков совмещает «риторического» и «реального» дьячка», - поясняет Паперно и называет этот прием «реализацией риторического оборота»¹⁰. Но «реальный» дьячок присутствует и в воспоминаниях Николаева: «<...> один дьячок, совсем простой, малограмотный человек, у которого жил на квартире Чернышевский, <...> на мой вопрос о здоровье квартиранта, ответил: «Все пишет, все пишет, сердечный»¹¹; далее Николаев называет дьячка «полу-

пьяным». Т.е. набоковский дячок полностью «вырос» из дячка Николаева. Но мы не отрицаем факта использования Набоковым статьи Ляцкого. Фраза Ляцкого: «К июню 1867 г. кончился срок «испытваемости» Чернышевского, и ему разрешили жить за оградой» у Набокова несколько изменяется: «В июне следующего года, по окончании срока испытваемости, Чернышевский был выпущен в вольную команду...» Таким образом, работа Набокова с материалами о Чернышевском была ювелирнее, чем это представлено у Паперно.

С. Давыдов назвал «технику» биографии Чернышевского в «Даре» «монтажем из абсурдных, но тщательно документированных фактов, составленных так, чтобы дискредитировать жизнь и эстетические взгляды Чернышевского»¹². Вопрос о цели написания биографии Чернышевского Набоковым остается спорным, но «механизм» работы Набокова с источниками можно проследить. Остановимся на некоторых примерах «обработки» мемуаров.

Любовь к книге, чтению отмечалась многими современниками Н.Г. Чернышевского. Но внимание Набокова останавливается не на необыкновенной начитанности Чернышевского, а на одной особенности, привычке. «Без книги в руках его трудно было видеть; он имел ее в руках во время употребления пищи за самоваром, во время обеда»; «за чаем и даже за обедом Чернышевский постоянно читал что-нибудь»¹³, вспоминал А. Ф. Раев. Ф. В. Духовников подтверждал: «эту привычку Николай Гаврилович сохранил до самой смерти: во время обеда он обычно читал газеты и журналы»¹⁴. Фиксируя в мемуарах эту привычку Чернышевского, авторы воспоминаний стремились подчеркнуть роль книги в жизни Чернышевского. Передавая это обстоятельство, Набоков иронизирует: «...не терпел пустого чая, как не терпел пустого чтения, т.е. за книгой непременно что-нибудь грыз: с пряниками читал» Записки Пиквикского клуба» с сухарями - «Журналь де деба» (с. 197) – акцент

смещен с книги на «чай», «пряники»; в изображении Набокова Чернышевский предстает комичным.

Из мемуаров Набоков заимствует информацию о знакомстве Чернышевского с книгам Фейербаха. В «Даре» этот эпизод является пересказом соответствующих строк «Моих заметок» А. Н. Пыпина. Выражения «букинист-ходебщик», «огромный холщовый мешок», «запрещенные книги», «неразрезанный Фейербах» перешли от Пыпина к Набокову. А. Н. Пыпин сомневался: «Кажется, независимо от этих негоциантов, Н.Г. мог тогда приобрести главные сочинения Фейербаха»¹⁵. У Набокова эта фраза становится утверждением: «В то утро он продал Николаю Гавриловичу... неразрезанного еще Фейербаха» (с. 218). Между тем, в «Дневнике 1849 года» находим запись Чернышевского «В 7 час. К Ханыкову, который дал Feuerbach's Das Wesen des Christenthums» (Т. I. С. 248). «Дневники» Чернышевского ко времени написания «Дара» были уже изданы, т.е. Набоков имел объективную возможность обратиться к ним и подвергнуть критической проверке воспоминания А. Н. Пыпина. Но для автора «биографии романсэ» это не является обязательным условием.

Тем не менее, В. В. Набоков, обращаясь к мемуарам, в некоторых случаях сомневался в их объективности, например, при описании встречи Чернышевского с Герценом в Лондоне Набоков основывается на воспоминаниях Н. А. Тучковой-Огаревой. Описывая внешность Чернышевского, мемуаристка отмечала: «... выражение лица, эта особенная красота некрасивых, было замечательно, исполнено кроткой задумчивости, в которой светилась самоотвержение и покорность судьбе»¹⁶. Набоков так прокомментировал эти строки: это «было вернее всего лишь игрою памяти мемуаристки, вспоминаявшей это лицо сквозь призму судьбы, уже свершившейся» (с. 234). Здесь Набоков выступил как биограф – исследователь.

Легко устанавливается, что обстоятельства ареста Н.Г. Чернышевского излагаются Набоковым по мемуарам М. А. Антоновича «Арест Н.Г. Чернышевского». Набоковым сохранена не только канва рассказа Антоновича, но и многие детали: реакция Чернышевского на приход офицера Ракеева, присутствие при аресте доктора П. И. Бокова и др. Близко к источнику дается описание внешности Ракеева (Ср. у Антоновича: «Явился офицер, одетый в мундир <...> не голубого небесного цвета, а черного – приземистый, неприятный с волчьим углом лица, в черном мундире, полковник Ракеев...» (С. 241). Заимствованные Набоковым детали - «черный мундир», «приземистость», «неприятное выражение лица» - не только воссоздают облик офицера, но и передают психологически напряженную ситуацию. Их воспоминаний Антоновича также заимствованы диалог Чернышевского и Ракеева, сведения о проживании Чернышевского, «близ Владимирской церкви в доме Есауловой», «по большой Московской». «Проглоченные бумаги» - это плод набоковского воображения, «украшение сюжета».

В. В. Набоков, описывая «гражданскую казнь» Н.Г. Чернышевского, также основывается на воспоминаниях современников. Мемуаристика располагает немалым материалом об этом событии в жизни Чернышевского. Стеклов писал: «Все эти рассказы, расходясь в деталях, в общем, дают одинаковую картину грустного обряда. Мы кладем в основание нашего изложения рассказ Гейнса, дополняя его сообщениями других авторов»¹⁸. У Набокова в «даре» описание этого события состоит из «дополнений», деталей, сообщений многих мемуаристов. Так, описание внешности Чернышевского у Набокова восходит к воспоминанию В. Я. Кокосова. У Набокова: «Чернышевский перебирал бородку», «суженое к низу лицо с большим лоснящимся лбом», «скинул фуражку с его длинных назад зачесанных волос» (С. 251). У Кокосова: «...с бледным сухошавым лицом, белым, широким лбом и длинными, густыми волосами, заки-

нутыми назад, с клинообразной бородкой и очками на носу. Особенность его лица ... – ширина лобной части лица по сравнению с нижней лицевой частью, так что лицо казалось суженным к низу... ...поднимал левую руку к лицу, проводя ладонью по щекам и бороде»¹⁹. Подробности непосредственно самого обряда казни заимствованы Набоковым из нескольких источников: мемуаров М. П. Сажина, А. Тверитинова, В. Я. Кокосова, В. Н. Никитина, Н. В. Рейнгардта, В. Г. Короленко. Набоковым взяты из воспоминаний и некоторые реплики. «Раздались сдержанные крики передним: уберите зонтики» - фраза, приведенная в воспоминаниях Н. В. Рейнгардта²⁰. У Набокова реплика «Уберите зонтики» приводится в несколько измененном контексте: «...жандармы оттеснили первые ряды; раздались там и сям сдержанные крики: «Уберите зонтики» (С. 251). «Сацалистические идеи» взяты Набоковым у В. П. Никитина (Никитин: «Чиновник <...> читал плохо, с передышками, заикался, а в одном месте поперхнулся и едва выговорил «сацалистических идей». Чернышевский улыбнулся»²¹. Набоков: «Когда чтец, запнувшись, едва выговорил «сацалистических идей», Чернышевский улыбнулся» (С. 251). Все эти детали, вместе взятые воссоздают, в набоковской интерпретации, обряд гражданской казни Н.Г. Чернышевского...

Нами рассмотрены лишь некоторые примеры использования Набоковым мемуаров о Чернышевском как источника биографии Н.Г. Чернышевского в «Даре».

Между тем, источниками «Жизни Чернышевского» также явились воспоминания В. Н. Шаганова, С. Г. Стахевича, А. Г. Кокшарского, В. Бернштама. На их мемуарах Набоков основывался, описывая жизнь Чернышевского в годы каторги и ссылки. Набоков обращался к воспоминаниям Н. В. Шелгунова (о защите Чернышевским магистерской диссертации), А. Я. Панаевой (сведения о потере Н. А. Некрасовым рукописи романа Чернышевского «Что делать?») и др.

Вопрос об использовании В. Набоковым воспоминаний современников о Чернышевском в «Даре» требует дальнейшего тщательного изучения в совокупности с другими источниками.

Тем не менее, уже сейчас могут быть сделаны предварительные выводы.

В. В. Набоков использовал мемуары в соответствии с поставленной задачей: в задуманной Годуновым-Чердынцевым «биографии роман-эссе» все «держат как бы на самом краю пародии».

Принцип отбора материалов и обработки источников обусловлен и концепцией искусства В. Набокова. Для Набокова искусство - «божественная игра». «словесную игру», литературную технику В. Набоков сравнивал с игрой шахматной, составлением и решением шахматных задач: «Дело в том, что соревнование в шахматных задачах происходит не между белыми и черными, а между составителем и воображаемым разгадчиком, подобно тому, как в произведениях писательского искусства настоящая борьба ведется не между героями романа, а между романистом и читателем»²².

Об игре говорит Годунов-Чердынцев в «Даре», объясняя, почему не состоялась его книга об отце: «<...> ведь я-то сам лишь искатель словесных приключений... я понял невозможность дать произрасти образам его странствий, не заразив их вторичной поэзией». Но именно это проделано Годуновым-Чердынцевым с жизнью и творчеством Н.Г. Чернышевского. Достигается это, прежде всего отбором фактов и обработкой источников, что названо Набоковым «работой по вылавливанию материалов» (С.180).

Примечания:

1 Набоков В. В. Дар. // Урал. 1988. №3-6.

2 Стеклов Ю. М. Н.Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность: В 2 т. М - Л.

- 3 Давыдов С. Что делать с «Даром» Набокова // *Общественная мысль: исследования и публикации*. М., 1993. Вып. 4. С. 59-75.
- 4 Паперно И. Как сделан «Дар» Набокова // В. В. Набоков: Pro et contra. М., 1997. С. 491-513.
- 5 Набоков В. Дар // Набоков В. В. *Собрание сочинений*: В 4 т. М., 1990. Т.3. С. 180. Дале ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.
- 6 Набоков В. Интервью, данное Альфреду Аппелю. 1966, сентябрь // Набоков В. *Собр. Соч.*: В 5 т. СПб., 1997. Т.3. С. 594.
- 7 Паперно И. Указ. Соч. С. 491-513.
- 8 Николаев П. Ф. Воспоминания с пребывания Н. Г. Чернышевского в каторге // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: В 2 т. Саратов, 1958-1959. Т. 2. С. 153.
- 9 Ляцкий Е. А. // Чернышевский в Сибири: В 3 т. СПб., 1912-1913. Т. I. С. 24.
- 10 Паперно И. Указ. Соч. С. 506.
- 11 Николаев П. Ф. Указ. Соч. С. 154.
- 12 Давыдов С. Указ. Соч. С. 65.
- 13 Раев А. Ф. Записки о Н. Г. Чернышевском // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях... Т. I. С. 76, 80.
- 14 Духовников Ф. В. Николай Гаврилович Чернышевский и его жизнь в Саратове // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях. Т. I. С. 3.
- 15 Пыпин А. Н. Мои заметки // Там же. С. Т. I. С. 70.
- 16 Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. М., 1959. С. 158.
- 17 Антонович М. А. Арест Н. Г. Чернышевского // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях... Т. I. С. 417.
- 18 Стеклов Ю. М. Указ. Соч. С. 428.
- 19 Кокосов В. Я. Н. Г. Чернышевский на эшафоте // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях. Т. 2. С. 38-39.
- 20 Рейнгардт Н. В. «Публичная казнь» Чернышевского по воспоминаниям Гейнса // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях. Т. 2. С. 41.
- 21 Никитин В. Н. Воспоминания // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях... Т. 2. С. 41.
- 22 Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. *Собр. Соч.*: В 4 т. М., 1990. Т. 4. С. 290.

«Очерки гоголевского периода русской литературы»: проблема жанра

Жанр «Очерков гоголевского периода русской литературы» специально не рассматривался. Начиная с Г. В. Плеханова¹, А. В. Луначарского², произведение Чернышевского подвергалось лишь фрагментарному привлечению в качестве аргументов, ссылок, упоминаний, и зачастую вокруг этих фрагментов создавался совершенно не соответствующий им контекстуальный фон. «Очерки...» с их ретроспекцией и научной основательностью занимающие особое самостоятельное место в литературной критике, по своим параметрам не соответствовали поздним представлениям о литературной критике, «выпадали» из нее, как это случилось в работе Б. И. Бурсова «Мастерство Чернышевского-критика»³.

Не рассматривается жанр «Очерков...» и лишь упоминается как «капитальный труд» в исследованиях П. А. Николаева, А. Лаврецкого. Анализируя жанры литературной критики и, в частности, циклы статей, Б. Ф. Егоров упоминает об «Очерках...» для подтверждения своего наблюдения о циклическом характере статей Белинского⁴, то есть дает свое определение жанровой специфики «Очерков...» (цикл), но не исследует их.

Эстетико-философская тема, характерная для всей литературной критики Н.Г. Чернышевского, в «Очерках гоголевского периода русской литературы» обретает особую жанровую форму историко-монографического исследования, выполненного в виде цикла статей о критике Н. А. Полевого, О. И. Сенковского, С. П. Шевырева, Н. И. Надеждина и В. Г. Белинского. «Обозрением критики» (III, 309) назвал Чернышевский свой труд, продолжение которого предполагал осуществить в отдельных статьях о русских

писателях школы Белинского или действующих в духе его критики. «... Нам кажется, - пишет он о целях «Очерков...», - что необходимо обратиться к изучению высоких стремлений, одушевлявших критику прежнего времени; без того, пока мы не вспомним их, не проникнемся ими, от нашей критики нельзя ожидать никакого влияния на умственное движение общества, никакой пользы для публики и литературы... А критика должна играть важную роль в литературе, пора ей вспомнить об этом» (III, 9). Он исследует эволюцию русской критической мысли от истоков реализма до 1850-х годов, скрупулезно изучает великое множество публикаций, писем, воспоминаний, дневниковых записей, свидетельств, объясняет факты, попутно создавая этюды общественных пристрастий, философский борений – создает историю русской мысли.

Первоначальный замысел «Очерков» был далеко не столь обширен: политическая «оттепель», легализация имени Белинского и его наследия и его наследия во время публикации первых статей позволили Чернышевскому значительно расширить и углубить задуманное. Тем более поражает единство созданного произведения, его композиционная целостность. «Монолитность», монографичность «Очерков», позволяет предполагать, что цикличность их носит более внешний, технический характер, не является типологической особенностью жанра. В седьмой статье Чернышевский пишет: «А наши статьи приняли уже и без того объем, гораздо обширнейший, нежели мы предполагали, начиная их... Потому мы только в общих чертах обозначим главные два периода петербургской деятельности Белинского... Материалы для характеристики первого периода будут нам доставлены обзором содержания нескольких статей Белинского, написанных в первое время по приезду в Петербург; подробное рассмотрение последних его статей послужит средством сделать, по возможности, полный очерк окончательных его понятий о русской лите-

ратуре... Таким образом, мы ... окончим часть наших «Очерков» до конца нынешнего года» (III, 238-239). То есть, три последние статьи составляют очерк окончательных «понятий» Белинского о русской литературе, статьи пятая и шестая – очерк московского периода критики Белинского, а первые четыре статьи возможно объединить в один очерк критики «добелинского» периода. Впрочем, здесь нет полной уверенности в том, что каждую из первых статей нельзя назвать в то же время очерком, настолько тематически каждая из них самостоятельна, имеет своего «героя», каждая посвящена творчеству одного из критиков – предшественников Белинского: Полевому – первая, Сенковскому – вторая, Шевыреву – третья и Надеждину – четвертая. Останавливает внимание приблизительно одинаковый объем каждой статьи, что заставляет опять-таки предполагать, что циклизация «Очерков» была обусловлена возможностями журнала для публикации: они были опубликованы в девяти номерах «Современника», начиная с 12 номера за 1855 год и кончая 12 номером за 1856 год, по одной из девяти статей в каждом номере. Но, разумеется, дело не только в объеме.

Первые четыре статьи представляют собой композиционно и тематически завершенные очерки, каждый содержит вступительную часть, тема развивается вокруг центральной фигуры – «героя» очерка (или статьи), достигает кульминационной стадии, выделенной стилистически и эмоционально, проходит период логического завершения и оканчивается более или менее развернутым оценочным заключением о творчестве «героя» и резюмирующим литературы и критики, выстроенная в хронологической последовательности. Но внутри каждого очерка присутствует и своя хронология, связанная с деятельностью «героев», их творчеством, развитием их взглядов.

Пятая статья посвящена журналу «Телескоп», молодые сотрудники которого положили начало критике гоголевско-

го периода русской литературы. Здесь на авансцене появляется «главный герой» «Очерков...» - В. Г. Белинский.

Последний год издания «Московского наблюдателя», пожалуй, по временным рамкам наиболее краткий период, Рассматриваемый в «Очерках...», но значение его в становлении критики Белинского, ее эстетической основы, развитой на постулатах гегелевской философии, столь велико, что Чернышевский всю шестую статью «отдает» Гегелю, а точнее – увлечению его философией Белинским.

Седьмую статью можно было бы назвать кульминационной для всего цикла, ибо в ней Чернышевский синтезирует образ «зрелого» Белинского - как человека и как критика. Восьмую статью Чернышевский отводит упрекам в адрес Белинского, «ревизии» его критического наследия, предпринятой после его смерти попытки девальвации всего ценного, что сделал Белинский для русской литературы. «Белинский и натуральная школа» - такой заголовок могла бы получить последняя, девятая статья, если бы Чернышевскому вздумалось как-то обозначить свои «Очерки...» помимо нумерации.

Заглавие – один из важнейших кодовых знаков, с помощью которого автор позволяет раскрыть сущность его произведения. В сложной «системе», каковой являются «Очерки...», их название определяет многое.

Прежде всего, останавливает внимание невычлененность критики в самостоятельную область науки и суждений о литературе: Чернышевский не дифференцирует литературу и литературную критику. Он рассматривает историю критики в неразрывной связи ее с литературой. Для него взаимовлияние их, взаимосвязь не расторгимы. «Критика вообще развивается на основании фактов, представляемых литературой, которой служат необходимыми данными для выводов критики, - пишет он - ...развитие новых критических убеждений каждый раз было следствием изменений в господствующем характере литературы» (III, 8).

Чернышевский полагал, что самостоятельность русская литература обрела только с появлением произведений Гоголя, а значит, и критика именно тогда приобретает новое звучание. И именно эту критику, соотношенную с гоголевским реализмом, и делает Чернышевский предметом своего рассмотрения.

Подразделяя «Очерки...» на статьи, не имеющие собственных заглавий, Чернышевский подчеркивает не только единение литературы и критики, но и единство литературно-критического процесса в гоголевском периоде, где главной фигурой становится Белинский. Именно на нем концентрируется основное внимание автора, ему посвящены последние пять их девяти статей. Предыдущие четыре являются как бы предысторией, хотя композиционно каждая из них более самостоятельна, нежели пять последующих. Эта композиционная завершенность и способствовала, в конечном счете, отнесению первых четырех статей к «повестям» о Полевом, Сенковском, Шевыреве, Надеждине, а последующих – о Белинском, возникновению мысли о литературных портретах в них, интеллектуальной их жанровой разновидности.

Литературный портрет, как отмечает В. И. Коновалов, может иметь различные жанровые формы, быть частью литературно-критического или публицистического цикла. «Такие портреты-эпизоды, - пишет он, - имели, как правило, мемуарную основу, сохраняли ценность историко-литературного документа»⁵.

Портреты, созданные Чернышевским, основаны на его личных воспоминаниях. Другой особенностью этих «портретов» является отсутствие описаний каких-либо физических характеристик «героев», очень редки сопутствующие бытовые детали. Тем более ценно, на наш взгляд, что созданы поистине индивидуальные портреты при использовании столь малых средств, но эти средства – мысли и чувства «героев», воплощенные в свидетельства их интеллекту-

ального труда – статьи, письма, художественные произведения, да еще привлечены свидетельства современников об их поступках, их деяниях. Вероятно, Чернышевский без особого труда мог бы раздобыть необходимые компоненты: рядом были Некрасов и Панаев, лично знавшие интересующих автора лиц и с радостью поделившиеся бы воспоминаниями. Но Чернышевскому важно было представить «внутреннее течение» мысли, синтезировать духовную сущность человека, проследить духовную эволюцию общественно-литературной жизни: «Впрочем, - замечает он, - при изложении развития и смысла критики гоголевского периода, быть может, менее, нежели в каком бы то ни было другом случае, чувствуется потребность в биографических соображениях... Кто вникнет в обстоятельства, среди которых должна была действовать критика гоголевского периода, ясно поймет, что характер ее совершенно зависел от исторического нашего положения...» (III, 182-183).

Возможно, Чернышевский не приводит «биографических соображений» из желания избежать излишней в данном случае дискуссии по поводу каких-либо неточностей или различных толкований одного и того же факта, ибо «сколько людей, столько и мнений», а знавших лично его «героев» было для полемического ажиотажа более чем достаточно; возможно, он не хотел дать повод недоброжелателям разрушить созданный им образ, ту его внутреннюю правду, которую можно более чувствовать, чем объяснить. Не случайно рядом с выше процитированным он помещает слова Грибоедова, ставшие эпиграфом к статье Белинского «Литературные мечтания». Элегия в прозе: «Я правду о тебе порасскажу такую, что хуже всякой лжи» Тактический ход Чернышевского может иметь и другое толкование: тактичность, сдержанность в изображении персоналий.

Чрезвычайно емкой, на наш взгляд, является мысль Чернышевского о зависимости критики (а в контексте и – литературы) от исторических обстоятельств. Здесь проследи-

вается линия соприкосновения его творчества с творчеством французского классика литературного портрета Сент-Бёва, а через него – с идеями французских просветителей, с Дидро, которого Сент-Бёв считал своим учителем и даже «прародителем». Критика Сент-Бёва психологична, а в его «портретах» превалирует не биография писателя, а исследование историко-эстетических влияний на его творчество. Чернышевский упоминает о Сент-Бёве в «Очерках...», хотя по другому поводу, но их подтекста виден его постоянный интерес к своему французскому коллеге.

Созвучны оказались, например, принципы моральной критики, долг которой – быть пронизательным судьей, благожелательным к талантам, и мысли о высоком назначении писателя, призванного быть воспитателем общества⁶. Близость воззрений Чернышевского и Сент-Бёва позволяет сделать предположение т о сходности позиций в жанре литературного портрета, где для Сент-Бёва основным было исследование духовной ипостаси художника, неотъемлемой от воздействия истории, общественной и культурной жизни эпохи. Для Чернышевского «герой» его литературного портрета сам является фактом истории, созданием «времени». Он пишет: «... если представителем критики в эти годы был Белинский, то потому только, что его личность была именно такова, какой требовала историческая необходимость. Будь он таков, эта непреклонная историческая необходимость нашла бы себе другого служителя, с другою фамилиею, с другими чертами лица, но не с другим характером: историческая потребность вызывает к деятельности людей и дает силу их деятельности, а сама не подчиняется никому, не изменяется никому в угоду» (III, 183).

Оставаясь всецело в пределах избранного им метода, Чернышевский создает интеллектуальный портрет – особую жанровую разновидность литературного портрета. Его «герои» обладают соответствующими действительности характерами, а главное – только им присущими мыслями,

суждениями, оборотами речи, тематическими пристрастиями, они употребляют изящные словечки, каламбуры, афоризмы, они парадоксальны, порой серьезны или наивны; у каждого свой стиль – жизни и творчества.

Просматривается, как и у Белинского, также испытавшего воздействие французской эстетической школы, триединство принципов: художественности, историзма и этичности. Постоянного гармонического их слияния в критике, в ее практике, равного «долевого» участия их в анализе добиться разве что в «идеале», что-то обязательно доминирует, но участие в синтезе всех компонентов для Белинского, а вслед за ним и Чернышевского, становится характерным методологическим свойством. Б. Ф. Егоров отмечает, что «художественный анализ образов перерастает у Белинского (речь идет о 9-ой статье «Сочинений Александра Пушкина». – С. Б.) в анализ социальных типов, а последний – в эпический анализ их характеров. Впервые можно говорить об удачном соединении всех трех аспектов». Однако и здесь наблюдается нарушение гармонического единства, но этот раз «изменяет историзм», критик «подгоняет художественные образы под этический идеал»⁷.

В «Очерках...» Чернышевского «гармония трех аспектов» очень похоже нарушается «изменой историзму». Как бы ни был аналитичен и склонен к объективизму автор, личностное начало привносит в его произведение долю романтической идеализации образа Белинского. Личное «я» подбирает слова для создания литературного образа Белинского, цитаты из его сочинений, строки из его писем, даже круг его предшественников и оппонентов сгруппирован тенденциозно. Он выстраивает композиционно свое произведение так, чтобы свет падал на сцену творчества Белинского в точном соответствии с его авторской режиссурой – то прожекторный, то приглушенный, то мягкий, то фонтанирующий.

Автор выбирает меру «художественности» для своего творения, что, пожалуй, самое трудное в жанре историко-монографического исследования, усложненного портретизацией характеров: художественность аккумулируется из собственного творчества автора и творчества его «героев» - разнопланового, разножанрового, многоликого и к тому же - критического, уже содержащего в себе элемент художественной «нагрузки» литературных образов.

Жанровое своеобразие достигается как устойчивое, не распадающееся на отдельные куски, благодаря строго целенаправленному методу, созданному Чернышевским в «Очерках гоголевского периода русской литературы», а также мастерству Чернышевского-критика. Он чутко воспринял и продолжал развитую Белинским тенденцию к синтетическому жанру, каким являются «Сочинения Александра Пушкина». В «Сочинениях...» органично слиты монографическая рецензия и проблемная статья, литературный портрет и полемическая заметка. Однако точных аналогий между «Сочинениями...» и «Очерками...» почти не прослеживается, хотя линий пересечений достаточно, чтобы говорить о жанровой традиции, жанровой типологии.

В чем-то оказались сходны истории создания этих произведений, значительно перешагнувших первоначальные задумки авторов, хотя и по разным причинам⁸. Экспромптность, характерная черта этого и других циклов Белинского наблюдается и в «Очерках...», но она более подчинена логике, более «дисциплинирована» склонностью Чернышевского к систематике, воспитанной к тому же долгими годами занятий наукой. В «Очерках...» ощущается постоянная сдержанность автора, обуздание своих эмоций, стремление к объективности, особенно в историко-монографических разделах. В «портретных» частях личностное прорывается сквозь воздвигнутые автором стены отстраненности. В статьях Белинского эти «прорывы» происходят гораздо ча-

ще, порой напрочь опрокидывая все преграды, от чего и происходят его знаменитые «измены историзма».

По тональности ближе «Очеркам...» разборы Белинского: «Взгляд на русскую литературу 1846 года» и «Взгляд на русскую литературу 1847 года». В «Очерки Чернышевский переносит как бы из первого «Взгляда...» его концепцию эволюции литературы в послепетровскую эпоху, из второго – предысторию «натуральной школы», типологическую характеристику ее оценок, противопоставление «натуральной школы» школе «риторической», декларацию «перевеса важности» содержания над формой.

Однако у Чернышевского этот «перевес важности» имеет далеко не декларативное значение. Термины «содержание» и «форма» в его трактовке не просто «идея произведения» и ее «художественное воплощение», они более соответствуют философским категориям сознания и бытия. Литературоведение XX века сугубо ограничило значение и «содержания» и «формы», наделив их узкоспециальными свойствами. Такая же судьба постигла и употребление Чернышевским в его «Эстетических отношениях искусства к действительности» философские термины «копия» и «копирование», дающее современным исследователям повод к возмущению эстетикой Чернышевского.

Мы как-то постоянно забываем, что литературоведение в те времена было в зачаточном состоянии, и что Чернышевский был магистром философии. Эта его ипостась удивительным образом отразилась на литературных портретах «Очерков...». Мы уже упоминали о том, что они интеллектуальные, характеризующие индивидуальное сознание деятеля. Каждое такое сознание носит свое имя: Полевой, Сенковский, Шевырев, Надеждин, Белинский... Каждое из них оказывает действенное влияние на быте, обладает только ему присущими характеристиками, несет в себе свою правду, соответствующую его мировоззрению.

Чернышевский не случайно уважителен к правде Полевого, Шевырева, Надеждина: он объективен, предрасположен к такому восприятию их идей. И только «Барон Брамбеус» - Сенковский вызывает у него неприязнь. Используя выразительные средства, Чернышевский не произнося прямых категорических обвинений, создает образ безответственного эгоиста, носителя зла, подобного гофмановскому Цахесу. Если бы Сенковского не существовало, Чернышевскому, вероятно, пришлось что-то подобное сочинить, потому что уж очень выразителен оказался этот индивид для противостояния по всем параметрам образу Белинского. Интравертивному эгоизму Сенковского противостоит экстравертивный экзистенциализм Белинского, если возможно употребить современную терминологию.

Безусловно, жанровые особенности «Очерков..» не могут быть сведены к этим немногим заметкам, так как речь идет об уникальном произведении, о мировоззрении, о человеческих индивидуальностях.

Примечания:

1 Плеханов Г. В. Избранные философские произведения В 5 т. М., 1958 Т. 4.

2 Луначарский А. В. Собр. Соч. В 8 т. М., 1963. Т. I. В статье «Чернышевский как писатель» Луначарский ссылается на «Очерки гоголевского периода русской литературы», искажая название (опускает определение «русской») и допуская множество неточностей в цитатах.

3 Бурсов Б. Мастерство Чернышевского-критика. Л., 1956

4 Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль. Л., 1980. С. 97.

5 Коновалов В. Н. Литературная критика 1870 - начала 1880 годов XIX в. (системный анализ). Саратов, 1996. С. 48-49.

6 Сент-Бев Ш. Литературные портреты. Критические очерки. М., 1970. С. 38.

7 Егоров Б. Ф. Указ. Соч. С. 112.

8 Там же. С. 113.

Н. А. Полевой в воспоминаниях Кс. Полевого

Попытки Белинского обозреть историю критики остались незавершенными. Продолжая дело, начатое им, Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (1855-1856) пытается теперь уже самого Белинского поставить в какой-то закономерный ряд. Задачам «Очерков» во многом и определяется возникший у Чернышевского в 1854 – 1856 гг. интерес к критик 20-30-х гг., в частности к и материалам «Московского телеграфа» и к личности его издателя.

Характеристика Полевого в «Очерках гоголевского периода русской литературы», как известно, основана на суждениях Белинского 1846 года, высказанных в статье некрологе («Столетие России, с 1745 по 1845» Соч. Н. Полевого) и в брошюре «Николай Полевой». Однако попытка Белинского взглянуть на деятельность Полевого в исторической перспективе была воспринята современниками далеко не однозначно. Многие не поверили той высокой итоговой оценке деятельности Полевого, которую давал Белинский, беспощадно полемизировавший с популярным журналистом в течение многих лет после закрытия «Телеграфа». Таким образом, в 50-е гг. пересмотр с исторической точки зрения общественно-литературной репутации Полевого, сложившийся в 40-е гг., по-прежнему был необходим. Об этом свидетельствовали и следовавшие друг за другом литературные воспоминания М. А. Дмитриева, С. Т. Аксакова, Кс. Полевого, А. Никитенко, И. И. Панаева, Ап. Григорьева и др. Вместе с широко известными работами Чернышевского, Герцена, Дружинина литературные воспоминания 50-х отражали обще в тот момент стремление подвести итог идей-

но-литературному развитию 30-40-х гг. и определить историческое значение виднейших деятелей этого периода.

В настоящей работе предполагается рассмотреть, как ставился вопрос о литературно-критической деятельности Н. Полевого в воспоминаниях его брата.

Книга Кс. Полевого «Записки о жизни и сочинениях Н. А. Полевого» (1855-1865) в основной своей части была написана уже во второй половине 50-х гг., и отдельные ее фрагменты появились в печати с 1856 г. (преимущественно в «Северной пчеле») на фоне резко отрицательных суждений М. А. Дмитриева и С. А. Аксакова о Н. Полевом.

В 1854 году в печати появилась книга воспоминаний «Мелочи из запаса моей памяти» М. А. Дмитриева, ставшего автором довольно «оригинальной» периодизации русской литературы. В системе Дмитриева первый период нашей прозы и вообще литературы начинается от Ломоносова и Сумарокова и продолжается до Новикова «Тяжелый слог и слабые попытки составляют его характер, почти бесплодный и неуклюжий». Второй период -- от Новикова да Карамзина: «предприимчивость, движение в литературе: появляются дельные книги, памятники истории, умножаются переводы; но слог остается тяжелым, неловким, отчасти неправильным», - «Третий период от Карамзина и до кого же? -- до журнала «Телеграф», родоначальника нынешних толстых журналов, - эпоха, от которой начался упадок слога, началось искажение Карамзинского языка, окрепшего в «Истории», а вместо Новиковской благородной предприимчивости наступила предприимчивость торговая и поддельная универсальность. Полевой воображал, что он пошел вперед от Карамзина, только в сторону»². Если верить автору «Мелочей», по окончании периода Полевого мы стали богаче произведениями литературы, но не подвинулись нисколько вперед в «чистых» понятиях о литературе.

Неумение Дмитриева увидеть в прошедшем залогов настоящего, а в настоящем -- залогов будущего было отмечено

но Чернышевским. В рецензию на книгу Дмитриева, опубликованной в «Современнике» за 1855 год (№ 1), он, в целом. Положительно отнесшийся к воспоминаниям о Карамзине и И. И. Дмитриеве», в корректной форме указал автору, что слабость его труда заключается не в мелких недочетах и частых ошибках, а в отсутствии верной исторической перспективы. Наряду с этим Чернышевский сетовал по поводу того, что автор без всякой надобности обременил свои записки враждебными выходками против Полевого.

Резкий отрицательный тон суждений Дмитриева, действительно, обращает на себя внимание. К тому же стереотип уничижительных аттестаций («высочка», «недоучка», «завистливая посредственность») журналиста Дмитриев многократно подкрепляет ссылкам на отрицательные рецензии на «Историю русского народа», на неприязнь и издевательские возгласы в адрес журналиста части современников. Однако, жестоко нападая на Полевого, Дмитриев сам не замечал, какую высокую оценку он дает деятельности «Московского телеграфа», связывая с его именем целую эпоху в развитии литературы.

Почти одновременно с «Очерками» Чернышевского начали издаваться «Литературные и театральные воспоминания» С. Т. Аксакова (1856)³. Они также принадлежали литератору, всю жизнь остававшемуся оппонентом Полевого.

В 1820-е годы Аксакову, некоторое время исполнявшему обязанности цензора «Телеграфа», и его друзьям казалось, что существование журнала Полевого наносит непоправимый ущерб развитию литературы. Через 30 лет, хладнокровно рассуждая о происшедшем, он находит даже пользу в существовании «Телеграфа» - «пользу отрицания, которое все же необходимо»; иначе, несколько мягче, относится к самому Полевому: находит в нем много русской сметливости, ловкости и даже некоторое дарование; готов признать несправедливость и чрезмерную раздраженность

многих прежних своих и чужих суждений о Полевом, но в целом его позиция не меняется. И теперь, по прошествии лет, Аксакова оскорбляет та «решительная дерзость», с которой Полевой первым заговорил о новом направлении в литературе печатно и к которой, по его мнению, бывает способно «самонадеянное, поверхностное знание дела, в то же время всегда имеющее успех».

В отличие от литературных воспоминаний Дмитриева и Аксакова в воспоминаниях Кс. Полевого издатель «Телеграфа» предстает человеком, истощившим свою жизнь в трудах, одушевленных глубоким желанием добра и просвещения нашему отечеству», продолжателем для Новикова.

Отстаивания значительность выбранной им для «Записок» темы и ее право на публичное внимание, Кс. Полевой с удовлетворением отмечал в предисловии, что имя Н. А. Полевого продолжает постоянно упоминаться не только в русских, но и «чужеземных» книгах, где говорится о русской литературе или об умственной деятельности русских (и на самом деле и в 50-е гг., и позднее, в 60-е-70-е гг. Н. А. Полевой оставался литератором необычайно известным⁴). Это обстоятельство являлось для Кс. Полевого неоспоримым доказательством того, что Н. Полевой оставил после себя яркий след в русской литературе, но, «по неизбежной судьбе всех слишком известных людей», он был и остается предметом самых различных суждений: «Многие писали и пишут о нем; никто не объяснил, чем обратил на себя общее внимание Н. А. Полевого? Почему он – не гениальный поэт, не гениальный прозаик, не философ-преобразователь – заставляет и после смерти своей говорить о себе, остается предметом жарких похвал, а иногда и ожесточенных суждений»⁵. Ответа на эти вопросы Кс. Полевой не находит ни в биографиях, ни в бесчисленных суждениях, где старались «изобразить» и оценить Н. А. Полевого.

Свою задачу мемуариста Кс. Полевой, по его же словам, видел в том, чтобы предоставить будущим биографам и исследователям, по возможности те сведения о жизни и литературной деятельности Н. Полевого, которые могли бы помочь увидеть его и вернее и с большим сочувствием. Это сделалось особенно необходимо после некоторых напечатанных о Н. Полевом суждений либеральной и радикальной критики 1840-1860-х гг.. Многие из них казались Кс. Полевому несправедливыми или слишком односторонними прежде всего оттого, что авторы их как ему казалось, не только не знали, но и не давали себе труда узнать вполне человека, о котором брались судить. В какой-то мере это, действительно, было так. Многие литераторы (в их число входил и Дружинин) испытывали к Н. А-вичу чувство неприязни, привитое грубыми выходками против него в прежние времена. Кс. Полевой, напротив, был в этот период одним из немногих, кто мог судить об удачах и просчетах в журналистской деятельности своего брата, исходя из особенностей его личности.

Журнал Н. Полевого соответствовал (и на этом особенно настаивает Кс. Полевой) темпераменту и особенностям характера его издателя: «Быстрый, неутомимый, проницательный ум его легко знакомился со всяким предметом, легко узнавал и даже усваивал его себе до известной степени, но не мог ничем заниматься долго, постоянно, не мог приобрести ученых познаний, которые образовали бы из него эрудита. Такого рода умы бывают поверхностны, когда в них нет силы и быстроты; но при этих свойствах, они делаются энциклопедическими»⁶. Кс. Полевой был прав, многие современники упрекали Ню Полевого в желании пускать пыль в глаза, «хвастать» множеством сведений, рассуждать о предметах, будто бы вовсе ему неизвестных, и мало кто понимал, что он действительно занимался, можно сказать всем – с ранней юности с равною легкостью писал стихами и прозой, занимался разными отраслями литера-

туры, истории, политики, философии – и не мог не писать о том, что «кипело в уме и в душе его». Кс. Полевой подчеркивает, что его братом в его деятельности двигало «благородное желание» делиться своими приобретениями с другими. И надо полагать, так и было. Ведь журнальное поприще принесло ему не много выгоды, но зато «грозило не только затруднениями и бесчисленными неприятностями, но и несчастиями на всю оставшуюся жизнь». И зачем ему было заниматься им, если бы не природная склонность к журнальной деятельности. Он был пленником своих способностей, он был, как писал Белинский, «литератором, журналистом и публицистом не по случаю, не из расчета, не от нечего делать, не по самолюбию, а по страсти и призванию».

Энциклопедический характер, который вполне соответствовал «преобладающему настроению ума» издателя «Телеграфа» обозначился уже в первых критических статьях журнала, пафос которых заключался в требовании успеха по всем отраслям наук и искусств и в желании «указывать на все новое, идти вперед». И Издатель «Телеграфа», по свидетельству Кс. Полевого, никогда не отличался уклончивостью там, «где мог сказать что-нибудь новое,образное с его убеждениями, хотя бы и против уважаемых им людей». В таком направлении были написаны все критические статьи в первых книжках «Телеграфа».

Кс. Полевой считает Полевого первым издателем, сделавшим критику, «независимую», «неуклонную», основанную на современных понятиях в науках и искусстве, самым важным отделом журнала, т. к. он был совершенно убежден, что именно мнения критиков, представляющих журнал, а не чужие стихотворения и проза, написанные разными людьми, должны определять его характер, в то время, как редактор или редакторы должны давать тон и «твердое» направление своему изданию. Среди общей «бесцветности мнений», царящей в большинстве изданий 20-х гг.,

только журнал, в котором видны собственные мнения издателей, мог рассчитывать на доверие и поддержку публики. Таким журналом, с точки зрения Кс. Полевого, и был «Московский телеграф». Как журнал, выделяющийся среди других «верностью в каждой строке однажды принятому и резко выразившемуся направлению», рассматривали его Белинский и Чернышевский.

Популярность, которую приобретает «Телеграф» буквально с первых шагов своего существования, Кс. Полевой объясняет в первую очередь тем, что журнал был «отголоском мнений большинства», т.е. мнений и убеждений и направления публики, или, по крайней мере, образованной части ее⁷. Вместе с тем, он понимал, что журнал Н. Полевого соответствовал не просто образованной части общества, а именно той ее части, которая, пережив вместе со своей родиной счастье победы над Наполеоном, хорошо знала цену независимости и тем благам, которые принесла с собой победа над злом и «тиранством». Для современников Полевых это была не только победа над материальной силой, но и «победа возвышенных идей свободы над деспотизмом, идей независимости и человеческого достоинства, воскресших после победы Наполеона». Вместе с тем это было время, отмеченное новым направлением в искусстве, рождение которого уже сопровождалось на Западе борьбой романтиков с классиками и возвышенной трансцендентальной философии с «грубым» учением материалистов и эмпириков. Знакомый с новым направлением, «пылкий, смелый» Полевой с увлечением пустился вперед новым путем, «тем самым которым следовала вся Европа» и сделал свой журнал «отголоском прежде неслыханных мнений» по философии, по истории, по теории литературы.

Разговоры о литературе в 1820-е гг., предшествующие появлению «Телеграфа», ограничивались, по словам Кс. Полевого, «выражением безграничного удивления к французской словесности и к тому, что одобрялось и восхваля-

лось у Лагарпа и подобных ему теоретиков». «Нельзя сказать, чтобы не мыслили, не рассуждали, но мыслили и рассуждали по указаниям французов, не имея понятия о самобытности, ни дерзновения подумать: нет ли чего поглубокомысленнее французской теории?»⁸

«Телеграф» стал распространителем «здравых» философских идей. Это не означает, что публикации по вопросам философии преобладали в журнале, напротив, Кс. Полевой особо подчеркивает, что все части в нем шли равно, и ни в чем не заметно было увлечение однообразием. Но философия выражалась в направлении статей, во взгляде на самые разные предметы, что «способствовало не только распространению здравой философии, но и решительной ее победе над чувственной, материальной философией».

Не менее важную услугу, с точки зрения Кс. Полевого, «Телеграф» его брата оказал в распространении новой, освобожденной от всех предрассудков теории искусств. При этом редакторы журнала прекрасно отдавал себе отчет в том, что никакие теории не заменят поэту вдохновения («Беден тот художник, который думает завоеванием некоторых вольностей пиитики сделаться поэтом!»⁹) Открытия и усовершенствования теории признавались важными, но только в отношении к направлению искусства.

Нисколько не заблуждаясь по поводу способностей Н. Полевого как теоретика («Н. А. Не великий теоретик»), автор записок старается доказать, что своими критическими разборами сочинений Пушкина и других современников издатель «Телеграфа» принес много пользы в борьбе за романтизм, давший больше простора, больше свободы для дарования. Заслуги Н. Полевого становятся еще очевиднее, если принять во внимание справедливость суждений Кс. Авича о том, что тяжела была не столько борьба за новую теорию словесности, сколько изложение самой теории, которое вряд ли вообще было возможно в России в конце

1820-х годов, потому что она еще «не прояснилась в умах самих защитников ее».

Завершая свои «Записки», Кс. Полевой не без горечи отмечал, что теперь, многие заслуги издателя «Телеграфа» признают все, в том числе и прежние противники, когда же Н. Полевой начинал действовать в нашей литературе, с ним не могли ни согласиться, ни помириться люди отсталые. Они вооружились именно «против лица», против самого журналиста. Но удивляться следует не буре, вызванной МТ, (ведь журнал начал действовать совсем иначе, чем до сих пор действовали журналисты – главным отделом он сделал смелую и беспристрастную критику), а противодействию этого журнала подобной буре.

В своих «Записках» Кс. Полевой поставил перед собой задачу «исправить ложные мнения», какие распространялись о его брате еще за время жизни. Этой цели он добился не только передачей фактов эпохи, но и ее духа. Из массы воспоминаний он сумел отобрать самое существенное, характеризующее Н. Полевого как человека, вполне отразившего одну из наиболее отличительных черт 30-40-х гг. – нерасторжимость идеи и личного чувства. Эпохи, в которую, по словам Анненкова, «учение и взгляды порождали внутренние, интимные драмы».

Кс. Полевой работал над своими мемуарными записками не только как человек, связанный с Н. Полевым родственными узами, «одинаковыми склонностями» и «многими общими занятиями и трудами», но прежде всего как исследователь, и значит, его оценки литературно-критической деятельности издателя «Телеграфа» вполне могут быть соотнесены с оценками Чернышевского в «Очерках гоголевского периода русской литературы».

Уже в вышеприведенном предисловии к «Запискам», в котором Кс. А-вич сетует на то, что никто до сих пор не разгадал, в чем же состоит своеобразие таланта Н. Полевого, по сути дела высказано отрицательное отношение авто-

ра воспоминаний и к итоговой оценке Чернышевского (точнее они просто игнорируются). Между тем позиции Кс. Полевого и Белинского, и Чернышевского в оценке деятельности Н. Полевого, его места в истории русской общественной и литературно-критической мысли представляются достаточно близкими. Более того, создается впечатление, что свой фактический материал мемуарист отбирал таким образом, чтобы он максимально способствовал закреплению в сознании общества того образа знаменитого журналиста, который и был создан двумя виднейшими критиками эпохи.

Как и Кс. Полевой, Чернышевский видел в «Московском телеграфе» явление необыкновенное и ценил его больше всего за «верность однажды принятому направлению», за последовательность в выражении эстетических позиций. Как и Полевой, он видел силу этого журнала в ориентации на «публику», а не на узкий круг ценителей поэзии. «Телеграф» Полевого абсолютно соответствовал представлению Чернышевского о журнале как органе, выражающем широкое общественное мнение, в конечном итоге – мнение демократически устремленных сил общества.

Как и Кс. Полевой, автор «Очерков» неоднократно указывал на критику «Телеграфа» как на пример критики «строгой» и «беспристрастной». Они оба были склонны к снисходительному отношению ко многим недостаткам и промахам журнала, и вместе с тем оба не были склонны преувеличивать ту роль, которую критика «Телеграфа» играла в литературной жизни страны.

В журнальной полемике 20-х гг. Чернышевский, как и Кс. Полевой, становился на сторону «Московского телеграфа» и также неоднократно отмечал деликатность и уступчивость журнала по отношению к своим оппонентам. Со страстностью Белинского Чернышевский защищал Полевого от тех, кто называл его «то самоучкою, то недоучкою, и кто пытался доказать, что он «невежда и шарлатан».

Чернышевский смотрел на Полевого как на человека, все ошибки которого происходили от его взглядов. Кс. Полевой - как на человека, все ошибки которого происходили от его темперамента, потому он более всего пишет об этическо-нравственной стороне личности брата, которая, как он считает, органически слита с его эстетическими воззрениями. У Чернышевского значение Полевого (и критика вообще) во многом определяется той ролью, которую он играл в современном ему литературном движении, так как возникновение нового в критике, по его понятиям, всегда ознаменовано сдвигами в развитии литературы. Поэтому, стремясь поднять в глазах своих современников «Московский телеграф», Чернышевский всемерно подчеркивал отсутствие у его издателей предвзятости в отношении к Пушкину и Гоголю. То же делает и Кс. Полевой. Однако высказывания Чернышевского о Полевом обнаруживают, как известно, и тесную связь с теми процессами, которые совершались в 50-е годы в исторической и литературной жизни страны. Для него Полевой - критик не только сыгравший значительную роль в подготовке русской критики 40-х гг., но остающийся во многом современным. В то время как Кс. Полевой говорит о нем, как о пройденном этапе общественного развития (и в этом он совпадает с Белинским).

В 50-60-е гг. духовное наследие, оставленное Н. Полевым, не раз подвергалось переоценке. Однако в целом эти годы стали периодом обращения ко всему тому позитивному, что принесла с собой эпоха «Телеграфа» (Анненков, Панаев, Ап. Григорьев, Никитенко). И хотя «Записки» Кс. Полевого в силу известных обстоятельств отнюдь не являются «беспристрастной летописью», и в отдельных случаях события и ситуации в них сознательно искажены, они живо воссоздают тот эстетический, философский, исторический и общественный фон, который объясняет многие оценки литературных явлений, данные Н. Полевым на страницах «Московского телеграфа», дают богатейший материал по

истории русской литературы и журналистики 1820-1840-х годов. Вместе с тем воспоминания Кс. Полевого позволяют еще раз убедиться и в глубине и пронизательности многих оценок Чернышевского относительно критики 20-30-х гг., так как «Записки» (вместе с другими значительными мемуарными свидетельствами о выдающихся литературных деятелях этого периода) появились в печати позже «Очерков гоголевского периода русской литературы».

Примечания.

1 В сокращенной редакции 1 часть «Записок» была роздана подписчикам «Живописной русской библиотеки» в 1859 году «в виде премии», а в следующем 1860 году вышла отдельным изданием

2 Дмитриев М. А. Московские элегии. Мелочи из запаса моей памяти. М. Моск. Рабский, 1985. С.176. История русской поэзии имеет у Дмитриева свои периоды развития. См. там же.

3 Аксаков С. Т. Литературные и театральные воспоминания. Полн. Собр. Соч. Т. 4. СПб., 1886. В 1856 году были опубликованы 1 и 2 части воспоминаний, другая часть вышла отдельным изданием в 1858 году в составе «Разных сочинений». Воспоминания о Н. Полевом вошли в первую часть.

4 В 70-е гг. Н. Полевой стал одной из центральных фигур в «Очерках умственного развития нашего общества» (1825-1860) А. М. Скабичевского.

5 Полевой Кс. Записки о жизни и сочинениях Н. А. Полевого. Л., 1934. С.93.

6 Там же. С.161.

7 Там же. С.166.

8 Там же. С.132.

9 Полевой Н. А., Полевой Кс. А. Литературная критика (1825-1842). Л., 1990. С. 484.

Еще раз о К.Д.Кавелине и Н.Г.Чернышевском

Современники не раз отмечали близость известного общественного деятеля и идеолога либерализма К. Д. Кавелина к радикальному спектру общественного движения. Так, Л. Ф. Пантелеев вспоминал, что «основной фон идей Кавелина далеко уходил от катехизиса тогдашнего ходячего либерализма... Кавелин скорее примыкал к «Современнику», чем к «Русскому вестнику», даже в наиболее либеральные годы последнего»¹. Русские дореволюционные историки (как, например, Н. А. Котляревский и А. А. Корнилов) тоже не проявляли склонности возводить стену между либералами и радикал – демократами. Но уже в советской историографии были явно смещены акценты: традиционным стало противопоставление позиций либералов и радикал-демократов накануне и в годы реформ 60-х годов XIX века. И в этой связи приобрели популярность определенные исторические сюжеты, в том числе – отношения между Кавелиным, с одной стороны, и Герценом и Чернышевским – с другой. Что касается «судьбы» К. Д. Кавелина в советской исторической науке, то здесь роковую роль сыграли слова В. И. Ленина о нем как представителе «либерального хамства». Письмо Кавелина к А. И. Герцену, в котором первый высказал понимание правительственной политики после 1861 г. и осудил деятельность Н.Г. Чернышевского, Ленин назвал «образчиком профессорски-лакейского глубокомыслия»².

Но нельзя не сказать о том, что в 60-70-годы советские историки смогли преодолеть трафаретность общих оценок и подойти к научному пониманию характера взаимоотношений либералов и радикал- демократов. В работах И. В. Пороха, А. Е. Кошовенко, А. А. Демченко и В. Ф. Захар-

ченко³ был показан прогрессивный характер деятельности Кавелина в 50- гг. XIX в. (и тем самым этот период его жизни был как бы «выведен» из-под пресса ленинской характеристики, относящейся уже к 60-м гг. XIX в.). Таким образом, в центре внимания исследователей оказалась эволюция в отношениях между Кавелиным и радикал-демократами (в том числе Н.Г. Чернышевским) от сотрудничества к конфликту. Думается, что эта историографическая проблема все еще оставляет поле для размышлений.

Знакомство К. Д. Кавелина с Н.Г. Чернышевским состоялось в 1850-м г., а к концу 50-х гг. их связывали достаточно теплые дружеские отношения.

В 1858 г. Чернышевский упоминал о Кавелине и Березине как о друзьях, которые у него были в Петербургском университете (Т. XIV. С.367). В том же году Кавелин дал самую высокую оценку человеческих качеств Чернышевского: «По искренности и честности своих убеждений Чернышевский безупречен и заслуживает глубокого уважения» (Из письма М. Н. Каткову, 20 октября 1858г.)⁴.

Наиболее значительным проявлением создавшейся к 1958 г. идейной и человеческой взаимной расположенности Кавелина и Чернышевского стала публикация в апрельской книжке «Современника» за 1858 г. части кавелинской «Записки об освобождении крестьян» (в составе статьи «О новых условиях сельского быта»). Чернышевский избрал проект крестьянской реформы авторства Кавелина далеко не случайно. И А. А. Демченко, и В. Ф. Захарьина отметили демократичность содержания этого проекта (наделение крестьян землей, находящейся в их фактическом владении; выкупная операция «без отлагательств» и в обязательном для помещиков порядке). Впрочем, В. Ф. Захарьина обратила внимание и на то, что «конечная цель» в понимании Кавелина (наделение крестьян землей) рассматривалась Чернышевским лишь как начало для дальнейшего продвижения к идеалу «крестьянского социализма» в России⁵. Но

если внимательно проанализировать содержание другой работы Кавелина («Взгляд на русскую сельскую общину», 1859 г.), то становится очевидным, что и для Кавелина наделение крестьян землей было только отправной точкой дальнейшего развития России. Последнее, по мысли Кавелина, должно было продемонстрировать сосуществование двух секторов экономики – общинного и частного (а значит, и компромисс двух идеологий – социалистической и либеральной)⁶. Кавелин разработал социально-экономическую систему, в которой крестьянскому хозяйству была выделена значительная самостоятельная роль, гарантированная сохранением общины. При этом он стремился найти оптимальное сочетание свободы личности и экономической обеспеченности большинства населения в рамках общинного устройства. Следует отметить, что либерализм Кавелина отличался своей социальной ориентированностью, а на его становление огромное воздействие оказало общественно-политическое мировоззрение А. И. Герцена (что и признавал Кавелин в письмах к последнему). Кавелин воспринял идею социальной справедливости и, таким образом, попытался совместить некоторые социалистические ценности с либеральными. Разумеется, отношение Кавелина к социализму не было однозначным. Его достаточно хорошо характеризуют рассуждения, высказанные им в беседе с императрицей Марией Александровной (1857 г.). Кавелин обратил внимание императрицы на неизбежность революций в тех случаях, когда правительства ничего не делают для народа. Он заметил также, что революции выражают справедливые требования, но вредны сопровождающие их кровопролитие, общественное брожение и стремление к абсолютному равенству. А поскольку социализм выявляет общественные болезни, то правительство должно с помощью реформ разрешать задачи, им поставленные⁸. Иными словами, Кавелин полагал неслучайным условием успешного реформирования России использова-

ние того положительного потенциала, который заложен в социалистических идеях. Это и объясняет постоянный интерес и определенное тяготение Кавелина к радикально-демократическим деятелям общественного движения. В конце 50-х годов среди них были и Н.Г. Чернышевский, и Н. А. Добролюбов, дававший уроки сыну Кавелина Дмитрию.

Публикация части «Записки об освобождении крестьян» послужила поводом к отставке ее автора от должности преподавателя правоведения наследника престола Николая Александровича.

Крепостниками из высшей сановной среды было принято все, чтобы выставить публикацию части «Записки» Кавелина в «Современнике» в определенно-негативном (для императора) смысле. О том, что кавелинская статья стала объектом особых манипуляций со стороны главным образом В. А. Долгорукова, достаточно подробно рассказано в статье «Черный кабинет», опубликованной в «Колоколе». Чернышевский также рассказал в одной из своих статей о неблагоприятной роли крепостников в данной истории («Записка редакции журнала «Современник» о преобразовании цензуры». — Т. XVI).

Впрочем, вопрос о причинах отставки Кавелина от его должности при дворе гораздо сложнее. Свою роль сыграло и скрытое нерасположение Александра II к либеральному профессору. А П. Семенов-Тянь-Шанский сообщает об осведомленности верховной власти относительно пересылки Кавелиным некоторых материалов в типографию Герцена⁹. Но Кавелин воспринял отставку однозначно, обвинив во всем не императора, а исключительно лидеров реакционного дворянства. Окрепла уверенность Кавелина в том, что наиболее опасной силой в России была «камарилья» крепостников. Наиболее же действенным механизмом, способной ей противодействовать, Кавелин считал обличительную силу радикальной демократии. Эти признания исторической

роли радикальной демократии является еще одним объяснением особого отношения Кавелина к Герцену, Чернышевскому, Добролюбову. Не случайно, оправдывая Чернышевского от резких нападков М. Н. Каткова (1858) Кавелин выдвигал в качестве аргумента популярность, а значит, и определенное общественно-политическое влияние русского демократа: «Это один из лучших людей, пользующийся большим влиянием и имеющий горячих приверженцев»¹⁰. И все-таки, уже в конце 50-х гг. можно было слышать нотки диссонанса в отношениях между Кавелиным и Чернышевским. Так, в не раз уже здесь цитировавшемся письме М. Н. Каткову, Кавелин заметил, что с Чернышевским «можно не соглашаться, да и трудно бывает иной раз с ним согласиться»¹¹. Возможно, в отношениях с радикальными демократами было что-то, не поддававшееся рациональному объяснению со стороны Кавелина. Наиболее ярко это проявилось в словах Кавелина о Н. А. Добролюбове, произнесенных в разговоре с Чернышевским (конец 1858 г.): «Образ мыслей у нас, по-видимому, одинаков, а как человек он – превосходнейший человек; мое мнение о его сердце и характере доказывается тем, что я допустил совершенно овладеть мыслями моего сына, чего не сделал бы, если бы мог считать что-нибудь дурным в Добролюбове. Но отчего же я чувствую, что он совершенно чужд мне?»

Скорее всего, причиной выступало социально-психологическое различие между Кавелиным и Чернышевским. Но это различие стало для Кавелина предметом осмысления только в 1870-е гг.

Все более явной становилась и разница в политическом мировоззрении Кавелина и Чернышевского. Нельзя спорить с мнением А. А. Демченко о том, что ключевым было разногласие по проблеме революции и самодержавия в России¹². Кавелин отдавал себе отчет в очевидности реакционного поворота в правительственной политике после 1861 г., но в отличие от Чернышевского, не делал из этого выводы

об обреченности самодержавия в России. Последнее он отделял от взявшей на определенный период верх» камарильи» консерваторов. Можно вспомнить герценовскую мысль о предпочтительности мирного пути развития, не простирающейся, впрочем, далее безусловного выбора между «самым бурным развитием» и «застоем николаевского status quo в пользу первого. Эту мысль поддержал и Чернышевский, но она была неприемлема для Кавелина.

Но за осуждением Кавелина в письме А. И. Герцену (6 августа 1862 г.) стояло далеко не идейно-политическое расхождение по вопросу о революции в чистом виде. Следует учитывать особенности психологического состояния Кавелина в тот момент. А это было ощущение потрясения, вызванного зрелищем рушившихся на глазах надежд на мирное эволюционное развитие. Все представления Кавелина об идеальном для России варианте общественного развития сводились к мысли о союзе интеллигенции с самодержавной властью. Если же самодержавие обнаруживало склонность к консервативным отступлениям, то Кавелин считал необходимым организовать ненасильственную оппозицию объединенного фронта интеллигенции. Но реальная картина общественной борьбы в среде интеллигенции свидетельствовала о невозможности реализации этого плана. Боязнь нарастания политического противостояния и толкнула Кавелина на оправдание действий правительства и осуждение Чернышевского. Не зная подробностей дела Чернышевского, Кавелин написал Герцену, что «революционная партия считает все средства хорошими, чтоб сбросить правительство, а оно защищается своими средствами»¹³. Таким образом, в резком изменении отношения Кавелина к Чернышевскому в большей степени, чем идейные разногласия, была повинна конкретная политическая обстановка в стране. Наблюдательный и проницательный Л. Ф. Пантелеев заметил: «... даже Кавелин, которого никак нельзя заподозрить во враждебном отношении к молодежи,

в известном письме к Герцену прямо говорит, что петербургские пожары – дело политической группы. Не удивительно. Что при таком взгляде на пожары, в обществе сказался поворот к реакции; половина людей, еще вчера либеральных, сегодня стали крайними революционерами; каждый удивлялся, почему не запрещают того или другого, хотя в репрессивных мерах скорее сказался избыток, чем недостаток»¹⁴. Позже Кавелин по просьбе П. Л. Лаврова обращался к Е. П. Ковалевскому с предложением Литературному фонду ходатайствовать о смягчении участи Чернышевского¹⁵. Этот эпизод, конечно же служит подтверждением того, что нельзя ставить знак равенства между правительственными репрессиями по отношению к Чернышевскому и опрометчивой реакцией на них Кавелина в частном письме.

Интересен вопрос о дальнейших (уже заочных) отношениях между Кавелиным и Чернышевским, или вернее, их мнения друг о друге, высказанных в той или иной форме. В ряде работ Кавелина 70-80-х гг. XIX в. (главным образом, литературно-критического, мемуарного, либо даже философского характера) содержалась критика идей Чернышевского и «новых людей» (само имя Чернышевского при этом не упоминалось). Кавелин писал об «одностороннем материализме» в соединении с фактическим «общественным идеализмом» (под которым понимал «перенесение центра тяжести из действительной жизни в идеал общественных отношений», не существующих в реальности)¹⁶. В свою очередь Чернышевский пронизировал по поводу философских теорий К. Д. Кавелина, которые тот выдвигал в 1880-е годы и, разумеется, совершенно не соглашался с ними. (Из письма Н. Г. Чернышевского к А. А. Захарьину от 19 февраля 1885 г.: «Из вашего письма вижу, что мои философские статьи не годятся для «Вестника Европы». Я нимало не в претензии. Я не принадлежу к школе, в духе которой пишет философ «Вестника Европы» Кавелин; Быть может, в

моей статейке, принять которую отказался Стасюлевич, есть что-нибудь несообразное с какими-нибудь мыслями Кавелина (статьи которого никогда не были читаемы мною)... (Т. XV. С.515).

Впрочем, в том же году Н.Г. Чернышевский писал сыну Михаилу Чернышевскому: «Если увидишь Кавелина, поблаговари его за присылку его брошюры «О нравственных задачах». Сколько умеешь, постарайся наговорить ему всяческих приятных ему вещей от моего имени» (Т.ХV. С.528). Думается, это не только противоречие, сколько свидетельство того факта, что глубокие социально-психологические и идейно-политические разногласия двух когда-то близких людей не могли перечеркнуть взаимного уважения и признания друг в друге тех человеческих качеств, благодаря которым это уважение было возможным.

Примечания:

- 1 Пантелеев Л. Ф. Воспоминания М., 1958. С. 198.
- 2 Ленин В. И. Соч. Т.18.С.13; Т 5. С. 23.
- 3 Порох И В Герцен и Чернышевский. Саратов, 1963; Кошовенко А. Е К вопросу о лондонской встрече НГ Чернышевского с Герценом в 1859 г. и формула «Кавелин в квадрате» // Революционная ситуация в России 1859-1861 гг. М., 1960
Демченко А А. Из истории размежевания революционеров-демократов с либералами // Освободительное движение в России. Саратов, 1979. Вып.9; Захарьина В Ф Из истории общественной борьбы в период падения крепостного права (К. Д. Кавелин и революционные демократы) // исторические записки М., 1983 Т. 109. С. 129-171.
- 4 Переписка Кавелина с М. Н Катковым // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им Ленина. Вып. IV. М., 1940. С. 62-63
- 5 Захарьина В. Ф Указ Соч. С.145-146
- 6 Кавелин К. Д Наш умственный строй Статьи по истории русской философии и культуры. М., 1989. С.108-110, 114.
- 7 Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену. Женева, 1892. С. 43-44, 3-4 (из писем 1857 и 1859 гг.).
- 8 Кавелин К. Д. Сочинения Т. II. Спб., 1898 С. 1175-1177.
- 9 Семенов -Тян-Шанский, Мемуары Пг., 1915. Т.3 С 66-67
- 10 переписка Кавелина с М С. Катковым С.62.
- 11 Там же.

12 Демченко А. А. Указ. Соч. С.33, 39.

13 Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену. С.82.

14 Пантелеев Л. Ф. Указ. Соч. С.280.

15 Левин Ш. М. Предложение П. Лаврова Литературному фонду ходатайствовать о Чернышевском. (Письмо К. Д. Кавелину к П. Л. Лаврову и Е. П. Ковалевскому) // Литературное наследство. 1959. Т. 67. С. 137-140.

16 Кавелин К. Д. Наш умственный строй... С. 298.

Отношение А.С.Суворина к Н.Г.Чернышевскому

«Современник» и его вдохновители – Н.Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов в конце 50-х – начале 60-х годов XIX в. были в центре внимания российской общественности¹. Оценки их деятельности были самыми различными. Если консерваторы видели в «Современнике» источник «вредных» идей, то часть либералов, негативно относясь к идее революционного переустройства общества, в то же время считала демократическое движение естественным явлением общественной жизни страны, пока оно проводило свои взгляды в русле самодержавного реформаторства. Отсюда готовность либеральной интеллигенции использовать авторитет «Современника» в борьбе за общественное мнение.

Представляется, что отношение А. С. Суворина, видного российского журналиста второй половины XIX в., к Н.Г. Чернышевскому и его идеям было характерным для этой части либерального общества.

В специальной литературе вопрос о Н.Г. Чернышевском и А. С. Суворине подчас затрагивается попутно, не становясь предметом специального исследования. Вместе с тем отметим, что исследователи не пришли к единому мнению об истинном отношении Суворина к Чернышевскому. Так, М. Л. Семанова, И. Соловьева и В. Шитова полагали, что в 60-х годах XIX в. А. С. Суворин сочувственно относился к деятелям демократического движения, в том числе и к Н.Г. Чернышевскому, не разделяя при этом до конца их программы². Другие авторы (П. С. Рейсман, Е. Динерштейн), напротив, отказывали Суворину в искренности, когда он в сочувственном тоне отзывался в своих произведениях о радикальных демократах, считая, что журналист лишь заиг-

рывал с демократическими читателями³. Исходя из такой неоднозначности оценок, более подробно рассмотрим оценки личности и деятельности Н.Г. Чернышевского. данные А. С. Сувориным.

В конце 50-х – в начале 60-х годов XIX в. А. С. Суворин, только что вступивший на путь журналистики, не был близко знаком с Чернышевским. Тем не менее, судя по воспоминаниям сотрудника «С.-Петербургских ведомостей», он испытывал симпатию к редактору «Современника»⁴. По рекомендации А. Н. Плещеева один из его рассказов – «Солдат и солдатка» – был опубликован в «Современнике»⁵. Как писал много позже Суворин, вспоминая встречу с Николаем Гавриловичем – «Чернышевский рассказ похвалил, просил писать еще»⁶.

Впервые А. С. Суворин печатно выразил свое отношение к Н.Г. Чернышевскому в 1866 году, в своей книге «Всякие. Очерки современной жизни», хотя в частной переписке его отзывы о руководителе «Современника» встречаются уже с 1861 года. Во «Всяких» Николай Гаврилович выведен в образе Самарского, которого автор представил как лучшего человека своего времени. «Вот душа-человек, – говорила одна из героинь книги о Самарском. – Другого человека я не знаю, который оставался бы так верен своим убеждениям везде и всегда». Суворин дал в своем произведении довольно яркое, по признанию исследователей⁸, описание гражданской казни Н.Г. Чернышевского. Чернышевский предстает перед нами как человек «с болезненно исхудалым лицом», который с достоинством слушает приговор – «что-то вроде улыбки мелькает на его лице». Люди же, пришедшие на площадь, исполнены симпатии к нему, и выносят «чувство нравственной тоски» их всего этого судилища⁹. Явная симпатия, с которой охарактеризован этот человек, послужила властям поводом обвинить Суворина в сочувствии к политическим преступникам¹⁰ и подвергнуть

книгу судебному преследованию, результатом которого было решение об ее уничтожении.

Исследователи по-разному оценивали причины такого отношения автора к «литературному Прометею». М. Л. Семанова во вступительной статье к письмам А. С. Суворина к М. Ф. Де-Пуле заметила, что Алексей Сергеевич был неискренен, когда утверждал на суде, что не хотел в своем произведении оправдывать людей «крайних убеждений». Только испугавшись судебного преследования, считала она, журналист изменил свои взгляды¹¹. И. Соловьева и В. Шитова полагали, что А. С. Суворин, фотографически точно изобразив сцену гражданской казни Н.Г. Чернышевского с безмолвной толпой и серым скучным дождем, который как бы смывал все благородные порывы и настраивал людей на будничные заботы, пытался аллегорически показать бессмысленность подвига этого благородного человека. Его жертва оказалась никому не нужной¹². Е. Динерштейн и П. С. Рейфман, напротив, считали, что А. С. Суворин не был искренен, когда сочувственно изображал Самарского¹³.

Думается, что оценка И. Соловьевой и В. Шитовой более взвешена. Изучение ранних писем Суворина, его публицистики позволяет сделать вывод, что он однозначно относился к революционному движению и его представителям. С течением лет менялись акценты в его оценках, но суть их оставалась неизменной. В основе этих оценок лежали либеральные убеждения А. С. Суворина. Еще в 1861 году в письме к М. Ф. Де-Пуле он высказал свое отношение к Н.Г. Чернышевскому. Этот человек, утверждал А. С. Суворин, «...не уступит нисколько лучшим характерам прошлого времени»¹⁴. Здесь же публицист отмечал ту положительную черту взглядов Чернышевского, что он вышел из рамок западной мысли и стал «говорить от себя, ...говорить свои слова, а не чужие»¹⁵. Суворин подчеркивал, что больше всего его привлекала в «Современнике» и его идеологах – Чернышевском и Добролюбоме – их честность, их вражда к

деспотизму и насилию, стремление удалить сословное деление общества. «Совр[еменник]» поклоняется демократии он не преимущественно *боярства*, чего от всей души не желаю и я, - писал Суворин в Воронеж своему другу М. Ф. Де-Пуле, противней боярства и аристократии нет для меня ничего в мире»¹⁶. Те же ноты уважительного отношения к искренним порывам Чернышевского и его единомышленников звучали и во «Всяких». Суворин подчеркивал, что эти люди руководствовались искренним желанием помочь своей стране достичь высокого уровня общественного развития, улучшить жизнь простых людей. Вот эта симпатия к благородным порывам революционера и стала главной причины преследования его книги со стороны властей. Поэтому, думается, неоправданно предположение П. С. Рейфмана о заигрывании Суворина с демократическим читателем при изображении Самарского.

Однако далеко не все в программе «Современника» привлекало Суворина. Разделяя общедемократические убеждения, журналист подчеркивал, что на этом связь с «Современником» кончается, так как «далее у него – социализм, а я думаю, что социализм в форме Прудона и Консидерана у нас немислим»¹⁷. Суворин критически относился к роману «Что делать?», считая его «скучным и деланным» и не понимая, почему он сделался каким-то евангелием у молодежи¹⁸.

Думается, отношение к Чернышевскому и его идеям было созвучно позициям С. М. Соловьева и А. В. Никитенко. После осуждения Николая Гавриловича Никитенко писал в своем «Дневнике»: «Многие сильно негодуют на правительство за Чернышевского. Как было осудить его, когда не было никаких юридических доказательств? Так говорят почти все, даже не красные. У правительства прибавилось достаточное количество врагов»¹⁹.

Суворин еще в 1861 году писал. «Я не принадлежу к почитателям «Современника», но смотрю на него, как на не-

обходимое явление, отношусь к нему беспристрастно»²⁰. Занимая в 60-70-х гг. XIX в. либеральные позиции по основным проблемам российской действительности, Суворин отрицал жизненность и обоснованность революционных теорий, считая, что они идут вразрез с естественным ходом общественного развития. Вместе с тем, он пытался разобраться в причинах их возникновения и популярности. Публицист находил их прежде всего в отсутствии в стране демократических свобод, в нежелании правительства пойти на диалог с обществом. Одной из важных причин роста популярности революционных идей Суворин считал отсутствие в стране свободы печати, что не позволяло обществу разобраться в истинной сущности различных теорий. «..Благородная и широкая свобода слова никогда не породила такой сумятицы в головах, как печать подцензурная, - писал Суворин в одном из фельетонов, - никогда самая свободная вещь не приобретает себе столько читателей, как вещь запрещенная, хотя бы сия последняя была во сто раз ниже по своему достоинству, чем первая»²¹. Поэтому, как и большинство российских либералов, Суворин видел наиболее надежный способ сведения на нет популярности социалистических идей в продолжении в стране реформ, охватывающих все стороны общественной жизни. Размышляя о тех людях, которые посвящала свою жизнь борьбе за осуществление социалистических идеалов, публицист, с одной стороны, восхищался их мужеством и самоотверженностью, а с другой, пытался в своих произведениях доказать, что дорога, которую они избрали для служения отчизне, неверна. Он полагал, что их талант и стремление служить родине принесли бы больше пользы на попроще не всеобщего отрицания, а там, где была конкретная, по его мнению, возможность содействовать проведению реформ - в представительных учреждениях, судах и т. д.

Таким образом, А. С. Суворин разделял тот общий принцип либерализма в подходе к революционному движе-

нию, который утверждал, что революция разрушает самые ценные элементы общественного строя, создавая новую государственную власть, которой присущи более деспотические черты, так как она уже не сдерживается вековыми общественными традициями. С этой точки зрения для либералов, в том числе и для А. С. Суворина, просвещенный абсолютизм был предпочтительнее революционной диктатуры.

Примечания:

- 1 См. Дело Чернышевского. Сборник документов / Подготовка текста, вводная статья и комментарии И. В. Пороха. Саратов, 1968. С.11.
- 2 См. Суворин А. С. Письма к М. Ф. Де-Пуле / Публикация М. Л. Семановой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 г. Л., 1981. С. 146; Соловьева И., Шитова В. А. С. Суворин. Портрет на фоне газеты // Вопросы литературы. 1977. № 2. С. 165.
- 3 См. Рейфман П. С. Запрещенная книга А. С. Суворина: из истории литературно общественной борьбы 1860-х годов // Уч. Зап. Тартуского ун-та. Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1970. Т.15. Вып.251. С. 353; Диверштейн Е. Публицист «крайних убеждений» Путь А. С. Суворина к «Новому времени» // Лица. Биографический альманах. 1995. №6. С.251.
- 4 Суворин А. С. Дневник. М., 1992. С.101.
- 5 См. Письмо А. Н. Плещеева - Чернышевскому 21 июня 1862 г // Дело Чернышевского. С. 463.
- 6 Суворин А. С. Дневник. С. 101.
- 7 Суворин А. С. Всякие. Очерки современной жизни. Спб., 1909. С.87.
- 8 См.: Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников / Общая редакция Ю. Г. Оксмана. Саратов, 1959. Т.2. С.24
- 9 Суворин А. С. Всякие. Очерки современной жизни. С.220.
- 10 См.: Сборник сведений по книжно-литературному делу за 1866 г. М., 1867. С.92-93.
- 11 См.: Суворин А. С. Письма к М. Ф. Де-Пуле. С.146.
- 12 См.: Соловьева И., Шитова В. Указ. Соч. С.165
- 13 См.: Рейфман П. С. Указ. Соч. С.353; Диверштейн Е. Указ. Соч. С.251.
- 14 Суворин А. С. Письма к М. Ф. Де-Пуле. С. 146.
- 15 Там же
- 16 Там же. С.168.
- 17 Там же. С.146.
- 18 Новое время. 1879. 11 марта.

- 19 Никитенко А. В. Дневник. Т. 2 С. 441-442
20 Суворин А. С. Письма к М. Ф. Де-Пуле С. 146
21 Новое время 1879. 11 марта.

Д. Л. Мордовцев и Н. И. Костомаров

Оба писателя занимали весьма заметное место в литературной жизни Саратова. Даниил Лукич Мордовцев жил в Саратове в 1844-1850 гг. и с 1855 по 1873 гг., историк Николай Иванович Костомаров провел здесь ссыльные годы — с 1849 по 1859. Оба были хорошо знакомы с Н.Г. Чернышевским.

По своим литературным, научным, политическим взглядам Мордовцев был близок к Костомарову. Характер его публикаций, появившихся после смерти знаменитого историка, с очевидностью свидетельствуют о намерении создать биографию ученого и писателя. Эта сторона деятельности Мордовцева совершенно не исследовалась, тогда как она весьма значительна по своим творческим результатам и составляет содержательные страницы его биографии.

«Я знал Костомарова, — писал Мордовцев, — в течение 37 лет, а постоянная и неизменная дружба наша продолжалась ровно 30 лет — до последнего «прости» на могиле»¹. Желание написать биографию Костомарова Мордовцев попытался реализовать в романной форме. В 1889 г. он начал публиковать роман «Профессор Ратмиров» как художественную биографию ученого. Однако печатание было им остановлено, и замысел остался неосуществленным. Работа над романом потребовала от автора обследование всего наличного биографического материала, в том числе и такого, который годами сосредотачивался в его собственных руках. Речь, прежде всего, идет о многолетней их переписке, несомненно содержащей ценные сведения по самым различным поводам. Часть этой переписки в отрывках и очень избирательно Мордовцев опубликовал в своих статьях-воспоминаниях, писавшихся и готовившихся к печати очень быстро после смерти историка², а также в статьях,

обнародованных позднее и, вероятно, так или иначе включенных в творческий процесс в период работы над романом³.

Биограф, исследующий первые годы знакомства их друг с другом, в основном располагает мемуарными свидетельствами, исходящими от обоих. Слово Мордовцеву: «В первый раз я увидел Костомарова в 1846 году, в Саратове. Это был мужчина среднего роста, лет тридцати, плотно сложенный, но несколько неуклюжий, каким он оставался всю жизнь. Гладко выбритое лицо его было очень подвижно; в нем заметны были нервные подергивания, так что иногда казалось, что это были несамопроизвольные гримасы. Носил он золотые очки». Встреча случилась в доме саратовскогостряпчего Д. И. Ступина, два сына которого, Михаил и Петр были товарищами Мордовцева по гимназии. «Костомаров также часто посещал это семейство, в котором были взрослые, очень образованные девушки, сестры моих товарищей»⁴. О том, что Костомаров был сослан в Саратов, гимназисты знали, но за какую именно вину, только догадывались на основании смутных слухов об обществе Кирилла и Мефодия. Знали о причастности к обществу Т. Г. Шевченко, автора «Кобзаря», сборника стихотворений, известного Мордовцеву. Держал он в руках и сборник стихотворений Костомарова «Ветка» на малорусском языке. Личного знакомства Мордовцева с Костомаровым тогда не произошло. Костомаров, скорее всего, вовсе не обращал внимания на приходящих к Ступиным гимназистов. Намекая на интерес Костомарова к дочерям Ступина, Мордовцев не сообщил подробностей, о которых, разумеется, хорошо знал. У Д. Е. Ступина было три дочери – Анна, Варвара и Наталья. Из «Автобиографии» Костомарова следует, что он интересовался Натальей, знакомство с которой началось «еще в 1850 году»⁵. Мордовцев, вероятно, более точен. Несколько позднее Н. Д. Ступина едва не стала женой Косто-

марова, и эта личная история станет предметом романного воплощения в «Профессоре Рагмирове».

Далее в воспоминаниях Мордовцева сообщаются сведения, полученные им еще до личного знакомства с Костомаровым, - вероятно, от Пасхаловой, у которой в доме он учительствовал. Например, говорится о четырех страстных увлечениях историка: интерес к воздухоплаванию, изучение звездного неба, фантазирования по поводу небесной сферы, спиритизм и записи народных песен.

«В 1855 году я, писал Мордовцев, уже лично познакомился с Николаем Ивановичем, и с тех пор личная дружба наша не прекращалась вплоть до 7 апреля 1885 года – до дня смерти даровитого историка»⁶. Знакомство произошло в Саратове, куда Мордовцев вместе с женой (Пасхаловой) приехал после окончания университета. Указание Мордовцева может быть подкреплено свидетельством Костомарова. В обоих вариантах «Автобиографии» он не преминул отметить факт знакомства с Мордовцевым. «Весной 1855 года приехал в Саратов Мордовцев... Я очень скоро сдружился с ним» «Первое знакомство с ним сделало на меня самое приятное впечатление; я скоро с ним сблизился и навсегда подружился. Близость наша поддержалась тогда и тем, что он, скоро после своего приезда, получил место помощника делопроизводителя в статистическом комитете, а как делопроизводителем был я, то у нас явились общие интересы»⁸.

Ценность воспоминаний Мордовцева заключается в достаточно подробном описании последующих четырех лет пребывания Костомарова в Саратове. Она вся протекала на его глазах, и много лет спустя он легко черпал из своей памяти, напитанной близким общением с ученым.

Существенную особенность мемуаров Мордовцева составило включение в текст писем Костомарова 1860-1880-х годов. Нужно признать, Мордовцев к публикации писем отнесся весьма субъективно. Понятно, что всего, что писал

ему Костомаров, он не мог сделать достоянием гласности из соображения такта. Однако письма так и остались не опубликованными, и теперь мы вправе досадовать на «скудость» Мордовцева, к тому иногда он просто пересказывал содержание отрывков, вместе того чтобы привести текст письма.

В письмах 1860-х годов⁹ Мордовцев, прежде всего, обращает внимание читателей на те фрагменты, которые касались характеристики творчества самого Мордовцева. Так, в письме от 9 июля 1861 года Костомаров писал по поводу одного из рассказов Мордовцева: «Ваша «Солдатка» превосходна. Данило Лукич! Ради Бога, пишите поболее. Вы теперь едва ли не лучшая надежда наша. Шевченко нет, Марко Вовчок портится сильно. Кулиш в восхищении от Ваших повестей»¹⁰. Сравнения с Шевченко Мордовцев, конечно, не выдерживал. Высказывание о Марко Вовчок весьма характерно для позиции Костомарова 1861 года и последующего времени, когда он с осуждением относился к направлению «Современника», где творчество писательницы оценивалась положительно. Резкая критика в ее произведениях крепостнической действительности, изображения протеста не принималось Костомаровым. Радикализм в любом виде вызывал в нем едва ли не раздражение. И в рассказе «Солдатка» из жизни украинского села, где с большой симпатией изображена судьба крестьянки, не протестующей против несправедливости, на нее обрушившейся, а готовой смириться с судьбой и терпеливо ждать лучших времен, он увидел положительный смысл. Учиться у народа терпению — таков получивший одобрение Костомарова смысл художественной разработки Мордовцевым темы крепостничества. Той же ориентации придерживался и П. А. Кулиш. Не случайно именно в 1861 году Костомаров, по словам Мордовцева, «переселился» из «Современника» и «Русского слова» в «Основу»¹¹. К этому времени относится и перемена в его личных отношениях Костомарова к Чер-

нышевскому. Мордовцеву был, конечно, известен их спор по поводу роли университетов. В конце 1861 года Костомаров опубликовал в центральной петербургской газете несколько статей на эту тему, проводя мысль о том, что пришла пора преобразовать университеты в открытые учебные заведения, близкие по структуре к Академии наук. Тогда, по убеждению Костомарова, студенты перестанут волноваться и организовывать всякого рода корпорации в виде студенческих касс, библиотек и т.д.¹² Чернышевский в «Свистке» (сатирическом приложении к «Современнику») в статье «Опыты открытий и изобретений» вполне резонно писал о наивности такого рода предложений. Не закрывать или преобразовывать университеты, а предоставить студентам возможность учиться в них свободно, не стесняясь полицейскими мерами и запретами разного рода¹³. Этот спор Чернышевского с Костомаровым предшествовал так называемой «думской истории» и наступившему в 1862 году разрыву в отношениях. Мордовцев же неизменно поддерживал Костомарова. Исходящие от Мордовцева характеристики общественной позиции Костомарова находят подтверждение и в других свидетельствах. Так, один из участников «вторников» Костомарова 1861 года вспоминал, что здесь часто заходили разговоры «о деспотических приемах наших журналистов, которые никому не позволяют сметь свое суждение иметь» (конечно, намек на «Современник» Некрасова-Чернышевского)¹⁴.

Однако расхождения с Чернышевским в 1861-1862 годах не помешали Костомарову в его хлопотах об освобождении Чернышевского из Сибири (уже после смерти Костомарова) чрезвычайно высоко отзывался о его историческим трудам¹⁵. Несмотря на идейные споры с ведущими публицистами «Современника», Костомаров не мог отрицать значительного влияния этих писателей на общественную жизнь, не мог не ценить их таланта. Так, ссылаясь на письма Костомарова 1870-х годов, Мордовцев заключал по поводу его

высказываний о Добролюбове: «Костомаров всегда вспоминал меткую сатиру Добролюбова о днепровских порогах, из-за названия которых столь жестоко воевали ученые мужи»¹⁶. Мордовцев не разъяснил, о чем шла речь. Имелись в виду публикации в «Свистке» по поводу диспута Н. И. Костомарова с М. П. Погодиным о происхождении русского государства. Диспут проходил 19 марта 1860 г. в Петербургском университете и как в научной, так и в общественной среде вызвал шумные отклики. Погодин настаивал на норманском происхождении Руси, полагая доказательством названия двух днепровских порогов, будто бы имеющих скандинавские корни – Варуфорос и Геляндри. В статье, а затем и в сатирическом стихотворении «Два порога» Добролюбов едко высмеял такого рода предположения¹⁷.

Мордовцев был одним из тех, кто дал точную оценку характеру творческого дарования Костомарова – «историк-живописец». «После Карамзина ему первому, – писал Мордовцев, придан был этот эпитет»¹⁸. В эту характеристику вложено и собственное представление о художественных сочинениях Костомарова на исторические темы. Эта сторона творчества историка не всегда учитывалась. Между тем, Костомаров был автором четырех исторических повестей («сын», «кудесяр», «Холоп», «Черниговка») и двух исторических драм «Кремуций Корд», «Эллины и Тавриды». Нужно признать, эти сочинения до сих пор остаются не вполне изученными и оцененными с точки зрения их художественной ценности. В обозначении же «историк-живописец», конечно, имелись в виду, прежде всего исторические монографии, составившие основную часть творческого наследия ученого. Мордовцев, как нам представляется, испытал огромное, если не сказать определяющее влияние со стороны Костомарова именно в этом отношении, однако до высокого уровня своего учителя он не поднимался никогда. Не случайно сам Костомаров по поводу «Понизовой вольницы», одного из лучших исторических сочинений Мордовце-

ва, написал ему в декабре 1860 года: «...У вас большой исторический талант, только будьте пообъективнее»¹⁹. Привнесение исследование собственных толкований, элементы беллетризации, не всегда согласующиеся с историческим материалом, нередко понижали достоинство ученых трудов Мордовцева. Например, один из критиков резонно заметил по поводу исторического повествования «Похороны», опубликованного в «Наблюдателе» в 1885 году: «...Беспристрастием историк вовсе не грешен: даже напротив, в нем на каждом шагу обнаруживается прокурорские наклонности», отсюда «одностороннее, пристрастное отношение к историческим фактам», в частности к оценке деятельности Петра I, изображенной одними отрицательными красками²⁰. Для Костомарова же свидетельства документа было всегда определяющим научную концепцию. «Что есть истина, то всплывает в потоке времен и нет пучины, которая могла бы поглотить ее!», - убежденно писал он в частном письме к А. Ф. Селиванову в 1884 году²¹.

Отмеченные Мордовцевым отличительное качество исторического дарования Костомарова («историк-живописец») характеризовалось подобным образом и другими современниками. В одной из статей, появившихся сразу после смерти ученого, читаем: «В изображении исторических событий господствующею чертою покойного была художественность», что в ученом мире встречается крайне редко. И автор сравнил Костомарова с французским историком Августом Тьери²². В другом случае мастерство Костомарова-историка вызвало сравнение с известным английским историком Т. Маколеем²³. Называли Костомарова и «историком-лириком»: «Нервный, впечатлительный, увлекающийся, с необыкновенно живым воображением и широким художественным творчеством»²⁴. «Поэтическая натура», «крупный ученый и художественный талант», - писал И. А. Линниченко²⁵. Но никто ни разу не упрекнул

Костомарова в неловкой беллетризации или отступлении от истины.

Собранные и опубликованные Мордовцевым биографические материалы о Костомарове – ценный источник, который еще подлежит дальнейшей разработке и использованию в изучении, как жизни, так и биографии самого Мордовцева.

Примечания:

- 1 Мордовцев Д. Л. Исторические поминки по Н. И. Костомарову // Русская старина. 1885 №6. С.618.
- 2 Там же. С 617-648; Мордовцев Д. Л. Н. И. Костомаров в последние 10 лет его жизни 1875-1885 // Русская старина. 1885. №12 С 636-662; 1886. №2 С.323-360.
- 3 Мордовцев Д. Л. Н. И. Костомаров по личным моим воспоминаниям // Новь. 1888. №15. С.109-121, №16. С.211-217; №17. С.34-45.
- 4 Новь. 1888 №15. С.109
- 5 Автобиография Н. И. Костомарова // Русская мысль. 1885. №6 С.22.
- 6 Новь. 1888 №15. С.112.
- 7 Русская мысль. 1885. №. С.27.
- 8 Автобиография Н. И. Костомарова. М.,1922. С.221
- 9 Новь. 1888 №15.16.
- 10 Новь. 1888.№16. С.212.
- 11 Там же С.215.
- 12 Санкт-Петербургские ведомости 1861. « 237,258,261,262,270,275,281
- 13 См Свисток Собрание литературных, журнальных и иных заметок / Изд. Подг. А. А. Жук и А. А. Демченко. М.,1981 С 255-262, 529-533.
- 14 Недоборовский Зосим Мои воспоминания // Киевская старина. 1893. № 2. С.208.
- 15 Об этом подробнее см.: Демченко А. А. Н.Г. Чернышевский Научная биография Саратов. 1994 Т.4. С.147-151, 182, 243.
- 16 Русская старина. 1885 №6 С 642.
- 17 Свисток. С 95
- 18 Русская старина. 1885 №6. С.618.
- 19 Новь. 1888.№16 С.214.
- 20 Русская старина. 1894. №2. С.203,207,208.
- 21 Русская старина. 1888. №4. С.168.
- 22 Памяти Н. И. Костомарова // Киевская старина. 1885. №5.С. XXVII
- 23 Беренштам В. Воспоминания о последних годах жизни Н. И. Костомарова // Киевская старина 1885 №6. С. 229.
- 24 Корсаков Д Из воспоминаний о Н. И. Костомарове и С. М. Соловьеве // Вестник Европы 1906 №9.С.222.

Мир мужской Классической гимназии времен Н.Г.Чернышевского

Любой феномен культуры континуален: имея свою собственную продолжительность, он включается во временной универсум. Понятие «мир» предполагает целостное осмысление явления в его возникновении, существовании и тенденции развития.

Педагогическая деятельность Н.Г. Чернышевского в Саратовской гимназии начинается в апреле 1851 года. Чем замечательно это время для развития образования в России? В 1848-1850 годах царское правительство, напуганное революцией на Западе и распространением в России социалистических идей, провело в системе образования ряд реакционных мер. Изучению греко-римского мира стали приписывать появление социалистических и коммунистических идей. Учебная реформа состояла в сокращении в гимназиях уроков классических языков и расширении изучения естественных наук. Из курса всеобщей истории предполагалось исключить вредное влияние на молодые умы со стороны таких республиканских писателей, как Геродот, Фукидид, Тацит, Тит Ливий. Каждое образовательное учреждение классического типа должно было являться транслятором ценностей классической культуры. Каковы эти изначальные ценности? Несколько они восприняты Россией? Какова роль Н.Г. Чернышевского в передаче этих ценностей?

Исторические корни классического образования – в античной пайдеей (воспитании и образовании), основные черты которой – логос (единство разума, закона и слова), свободный поиск истины, диалог как способ нахождения истины. Высшее благо – логос – организует целое, придает устойчивость культуре, выбирая из хаоса сущее для пе-

редачи его от поколения к поколению. Этим сущим оказывается тождество закона и свободы, в конечном итоге, чувство полисного единства, гражданский долг. Знание, закон, свобода – таковы основные ценности древнегреческой классики, основанной на свободе личности, на стремлении к гармонии и совершенству.

Традиция свободного поиска истины продолжается в средневековых университетах Европы, явившихся школой оттачивания интеллекта. Специфика обучения классического университета заключалась в сочетании лекций и диспутов, приучавших студентов свободно распоряжаться учебным материалом и развивающим активность мысли¹. Как же освоены были эти ценности классического образования в России, а именно в классической гимназии?

Система местных учреждений и заведений Министерства народного просвещения в царской России определялась законодательством 1803-1804 годов. 24 января 1803 года Александр I утвердил «Предварительные правила народного просвещения», по которым гимназии, образованные из главных народных училищ, открывались в каждом городе России и вверялись управлению губернского директора училищ. В соответствии с «Уставом учебных заведений» от 5 ноября 1804 года каждая губернская гимназия входила в состав близлежащего учебного округа. Саратовская мужская гимназия, открытие которой состоялось 30 августа 1820 года², входила в состав Казанского учебного округа.

Целью образовательного учреждения согласно уставу было: 1) приготовить учащихся к слушанию университетских наук, 2) приготовить желающих к учительскому званию в уездных, приходских и других низших училищах. Образовательный процесс делился на четыре учебных курса. Цикл наук был достаточно разнообразен: математика, история, география, статистика (так назывался тогда политический и экономический обзор государств мира в их «современном» состоянии), философия, изящные науки, рисо-

вание, закон Божий, древние (греческий, латинский) и новые (немецкий, французский) иностранные языки, российская словесность. По новому Уставу от 8 декабря 1828 года, принятому вскоре после подавления восстания декабристов, директор гимназии получал большие права над учебным заведением. Для надзора за преподаванием и «нравственной» частью в гимназии была утверждена должность инспектора. Срок обучения стал 7 лет. Изменился курс преподаваемых дисциплин: была исключена философия, вместо нее введена логика, которая объявлялась пропедевтическим курсом философии. Любой факт теоретически нагружен и, стало быть, должен быть соответственно осмыслен. Формально образование становится более классическим. Преподавание древних языков занимает около 41 % всего учебного времени. По содержанию и по духу система обучения становится все более бюрократической, все дальше отходит от высоких идеалов античной классики. Логика – искусство доказательства – учит формальным правилам мышления без оценки с точки зрения «добра» и «зла», философия же всегда несет в себе нравственную оценку, это всегда выбор, поиск, свободно ищущий разум. Философию исключили из учебных планов, но остался очень важный носитель ценностей античной культуры – греческий язык, как специфическая реальность, которая живет своей собственной жизнью, выражая собой дух культуры, язык древних всячески избегает какой-либо формализации⁴. В нем нет подчинения в соединении главного и придаточного предложений, только сочинение, зато есть дополнительный средний залог, который означат «сделать что-то для себя», есть желательное наклонение, обозначающее желание (в русском языке не имеет аналогичного перевода). Свобода, тождественная закону и разуму, является для древних греков понятием онтологическим, существующим в самом бытии, живущим в языке и передаваемом как энергия. Неистребимую жажду свободы испытыва-

ет каждый, кто вступает в общение с античным миром через его язык. Это не могло не привести – рано или поздно – не привести к противоречию с нарастающей формализацией и бюрократизацией учебного процесса. Следующий шаг – наступление на классицизм и образования – трудно назвать реформой, поскольку он не соответствует законам разума. Е. А. Белов, вспоминая свой первый разговор с Н.Г. Чернышевским, отмечал, что они «как-то незаметно и скоро перешли от Саратовской гимназии «к общему положению просвещения в России вообще». «...речь шла о странном предлоге, вызвавшем целую педагогическую реформу или, говоря откровенно, педагогическую путаницу»⁵. Имелось в виду «дело Петрашевского», приведенное в связь с древней историей и древними языками».

Саратовская гимназия, где издавна господствовал «чисто бюрократический, писал А. Н. Пыпин, учившийся здесь во второй половине сороковых годов, - скажу даже – полицейский элемент, подозрительность и недоверие ко всякой нравственной самостоятельности», не была исключением из общего правила. Сразу же после известных февральских событий во Франции 1848 года по всем учебным заведениям были разосланы соответствующие распоряжения, направленные на предотвращении в России подобных революционных акций. Секретный элемент, датированный 28 февраля 1848 года за № 15, был направлен из Казани в Саратовскую гимназию с предложением обратить «бдительное внимание: на 1) дух преподавания во вверенной Вам гимназии; 2) на поведение и образ мыслей учащихся, в особенности в высших классах, на выбор ими книг для чтения; 3) на благонадежность наставников и воспитателей... и 4) на частные учебные заведения и пансионы, особенно содержимые иностранцами»⁶.

Уровень подготовки гимназистов по русской словесности к моменту вступления Н.Г. Чернышевского в должность старшего учителя был крайне низок. Предшественник

Чернышевского, Ф. П. Волков преподавал словесность с 1827 года (13 лет) по учебникам Н. Кошанского «Общая риторика» (1818г.) и «Частная риторика» (1832г.). Этот учитель, по воспоминаниям его бывшего ученика В. С. Дурасова, «предмет свой знал хорошо, но принадлежал, что очень естественно, к отжившей псевдоклассической школе»⁷, для которой было характерно пристрастие к классической литературе и полное отрицание современной русской. Директор и инспектор гимназии по итогам годовых экзаменов в июне 1851 года докладывали попечителю учебного округа, что «из русской словесности» так же, как «из русской литературы успехи учеников седьмого класса средственны. Руководство, употребляемое при преподавании творений писателей, упоминаемы в истории литературы, ученикам не знакомо»⁸.

Н.Г. Чернышевский начинает свою педагогическую деятельность в Саратовской гимназии с разработки программ образования. Летом 1851 года им была разработана «Программа риторики и теории призы», которая значительную роль отводила развитию философского и исторического мышления учащихся. В самом начале программы читаем: «1. Теория и история словесности. Значение философских сочинений... 6. Внутренние условия философских сочинений: единство, простота, образительность; ход изображения... 9. Внешние условия философских сочинений: монологический, диалогический, эпистолярный способы изложения... 10. Понятие истории вообще. Политическая история и виды ее – история прагматическая, догматическая, критическая. Способы изложения: этнографический, хронологический, синхронистический. Задача историка. Слог истории. Летописи и исторические записки». Эта программа была направлена попечителем округа на отзыв профессору Казанского университета К. Фойгту, который дал ей высокую оценку. В своем донесении о 20 сентября 1851 года он писал, что «настоящая программа может и должна

быть напечатана в надлежащем количестве экземпляров взамен той, которая до сих пор служила при испытаниях». Программа была принята во всех гимназиях Казанского учебного округа. В отделе редких книг научной библиотеки им. Лобачевского Казанского университета хранится печатный экземпляр программы Н.Г. Чернышевского без подписи автора («Программа риторики и теории прозы, составленная сообразно новым учебникам, введенным в гимназию в 1851 году. Казань, 1852»)⁹.

Свои уроки в Саратовской гимназии новый учитель словесности начал с того, что вместо надоевшего всем учебника Кокшанского читал сочинения Жуковского, Пушкина, Лермонтова и «критически разбирал их». Бессмысленная зубрежка прекратилась, «был дан ход живому слову и мышлению». «Но что особенно нас поразило, - вспоминает один из учеников Чернышевского, - то это его живая понятная нам речь и затем его уважение к нашей личности, которая подвергалась всевозможным унижениям со стороны нашего начальства и учителей». Его преподавание не было обычным. «При обучении он держался сократической методы. Он беседовал с учениками как равный с равным, навел их вопросами на возражения и опровержения и доводил их до понимания урока». Далее следует вывод: «Вообще он указал гимназистам путь к самообразованию и поселил в них охоту и стремление к усовершенствованию»¹⁰.

По результатам экзаменов в июне 1852 года нельзя было не признать огромных заслуг Чернышевского. «Можно сказать, - докладывали попечителю округа директор и инспектор гимназии, - что учитель Чернышевский употреблял все усилия исправить прежние недостатки, ответы учеников были очень отчетливы, видно было, что они с полным знанием говорили обо всем им переданном, из ответов учеников также видно было, что ученый преподаватель преимущественно старался научить их уметь отличить лучшее в сочинениях и, знакомя с классическими образцами словес-

ных произведений во всех родах поэзии и прозы, сделать им известным писателя не по имени только, а по самим его произведениям и, тем по возможности формирует его вкус, пробуждает собственное стремление к изучению при этом всего лучшего и самоусовершенствованию». «Учитель Чернышевский при знании своего предмета и усердии умел внушить ученикам любовь и уважение к предмету»¹¹.

С 1845 года в гимназиях Казанского учебного округа раз в месяц проводились литературные беседы-диспуты, но которых зачитывались и обсуждались сочинения учащихся на заданные преподавателями темы. В большинстве гимназий беседы носили формальный характер, темы сочинений были схоластическими или казенно-патриотическими. Чернышевский изменил тематику и самую постановку бесед в Саратовской гимназии, при нем они приняли живой, осмысленный характер» (М. Воронов). По уверениям его участников, новому учителю пришлось выдержать с директором Мейером спор, который кончился поражением последнего. «Николая Гаврилович настоял на том, чтобы темы для сочинений были доступны для учеников и чтобы ученик во время бесед были на равных отношениях к начальству и учителям, и тогда характер литературных бесед принял другое направление, полезное для детей»¹². Судя по материалам, сохранившимся в архиве канцелярии Казанского учебного округа, тематика этих бесед была очень широка. Чернышевский включал темы, связанные не только с теорией и историей литературы, но и с русской, а также всеобщей историей, причем от учеников требовались самостоятельные суждения по каждому вопросу. Обсуждение сочинений превратилось в ожесточенную дискуссию, что способствовало у гимназистов передовых взглядов на природу и общество. Гимназисты VI и VII класса подолгу трудились над этими сочинениями. Они рылись в библиотеках, отыскивая книги по темам сочинений, что способствовало самостоятельности ученика. Трое гимназистов были оппо-

нентами по назначению учителя, а другие трое вместе с автором сочинения защищали его. Остальные гимназисты, учителя и начальство могли делать возражения, которые вместе с ответами записывались секретарем на полях сочинений. Все сочинения вместе с возражениями и ответами на них отсылались к попечителю Казанского учебного округа. Затем они пересылались на кафедру словесности Казанского университета для рецензирования. Обязанности рецензента в начале 1850-х годов исполнял адъюнкт Н. Н. Булич. Получив его заключение, канцелярия округа возвращала сочинения гимназистам с сопроводительным письмом, в котором излагались замечания рецензента.

Необычайно высокий уровень литературных бесед в Саратовской гимназии вызывает у профессора-служаки не столько восхищение, сколько возмущение. Вместо того, чтобы заботиться о красоте и изящности слога, ученики «рассуждают, - писал Н. Н. Булич, - необычайно умно и о философе Платоне, и об английском парламенте, и о Гизо, и о Пиле», «о политическом характере риторики Аристотеля и о содержании афинской жизни», делают извлечение из Гримма, тогда как сочинения Гримма «писаны вовсе не для гимназистов; даже студентам рано их читать: они плод глубокой науки, который не всякому даются легко», «можно подумать, что это конференция Академии наук, а не литературные беседы в Саратовской гимназии». В 1852-1853 гг. на основании отзыва Н. Н. Булича начальство выражает неудовольствие, что Саратовские гимназисты выступают на «беседах» как диалектики, «щеголяют претензиями на насмешливость и оригинальность». Попечитель делает вывод, что эти беседы «с их всеобъемлющим содержанием становятся ... очень подозрительны»¹³.

Один из благодарных учеников Чернышевского, М. А. Воронов, отмечал, что и за то короткое время, которое «учитель пробыл в нашей гимназии, глубоко была потрясена им старая система воспитания... Все изменилось на вре-

мя под благотворным влиянием этого умного, гуманного человека»¹⁴, он «внес новую жизнь в сухую, бездушную выучку» и «послужил ученикам таким высоким идеалом по могучему уму, обширнейшим и глубоким знаниям, по гуманности, что почти у каждого его ученика загорелось настойчивое желание учиться и учиться, чтобы со временем послужить ближнему»¹⁵. В своих воспоминаниях Г. Г. Шапошников говорит не только о педагогических дарованиях своего наставника. Главная сила Чернышевского была в другом: в ту пору, когда в учебных заведениях обучение было построено на насилии, на принуждении и страхе, когда с личностью ученика не считались, молодой учитель строил свои отношения с классом на сердечности и уважении к личности воспитанников. Так же, как и М. А. Воронков, Шапошников отмечал у Чернышевского его способность пробуждать благородные качества и стремления в своих учениках: стремление к знаниям, к полезной деятельности, к гражданскому служению своему народу.

Архивный и мемуарный материал свидетельствует о том, что новаторство Чернышевского-педагога обращено к высоким ценностям классического образования: уважение человеческой свободы, знаний и гражданского долга.

В дальнейшем дело образования и воспитания в России все больше подчиняется идее самодержавной власти и церковному православию. Обратимся за примерами к архивным материалам Саратовской 1-ой мужской гимназии. Так, в 1881/82 учебном году на Совете гимназии заслуживался вопрос о необходимости обязательного посещения церкви всеми учащимися. Директор гимназии указал на плохое посещение учениками церкви и трудности убедить родителей заставить своих детей посещать церковь, так как родители считают это насилием совести. В 1883/84 учебном году усилен надзор за квартирной жизнью учеников. В 1886/87 гг. получено распоряжение Министерства народного просвещения о недозволении ученикам участвовать в любых

сообществах и землячествах, даже разрешенных законом, в сборищах или собраниях без разрешения начальства. В 1887/88 гг. Педагогический Совет предостерегает родителей от «преждевременного доставления детям несвойственного детскому возрасту удовольствия, как то: посещение театра, цирка, устройства домашних спектаклей, от увлечения чтением книг, сильно действующих на воображение, от обременения детей побочными занятиями (музыка, танцы)». В 1894/95 г. вышло постановление, запрещающее ученикам посещение железнодорожного вокзала, пароходных пристаней, городской и клубной библиотек, яхт-клуба. Все это не улучшало качество знаний. В каждом классе было 20% неуспевающих учеников¹⁶.

Тогдашняя школа как зеркало культуры отразила печальные традиции России: авторитаризм и иное, чем в Европе, отношение к интеллектуальному труду и личности.

Примечания:

1 Паульсен Ф. Германские университеты. Спб., 1904. С.212.

2 Когда Саратовская гимназия перестала быть единственной в городе, она стала называться «Саратовская 1-я мужская гимназия» Это произошло в 1897 г после открытия в Саратове второй мужской гимназии. Все гимназии были закрыты в 1919 году.

3 В Казанский учебный округ кроме саратовских образовательных учреждений, входили учебные заведения Нижегородской, Симбирской, Самарской, Вятской и, конечно, Казанской губерний

4 Лосев А. Ф. Языковая структура М., 1983. С.217

5 Белов Е. А. Воспоминания // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников В 2-х т. Саратов, 1958-1959. Т. 1. С. 163.

6 Демченко А. А. К биографии А. Н. Пыпина: Ученические годы по архивной материалам // Литературное краеведение Поволжья. Вып. 1. Саратов, 1997. С. 50.

7 Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях... С. 145.

8 Бушканец Е. Г. Н.Г. Чернышевский – учитель Саратовской гимназии // Н.Г. Чернышевский Статьи, исследования и материалы. Вып. 7. Саратов, 1975. С. 191

9 Карамышев А. Рукопись Н.Г. Чернышевского «Программа риторики и теории прозы» // Н.Г. Чернышевский Статьи, исследования и материалы. Вып. 7. Саратов, 1975. С. 161-166.

- 10 Духовников Ф. В. Николай Гаврилович Чернышевский // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях... С. 122
- 11 Бушканец Е. Г. Указ. Соч. С. 194-195.
- 12 Духовников Ф. В. Указ. Соч. С. 125-126
- 13 Демченко А. А. Н.Г. Чернышевский. Научная биография. В 4-х т. Саратов, 1978. Т. 1. С. 237.
- 14 Воронов М. А. Мое детство // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях... С. 148
- 15 Шапошников Г. Г. Воспоминания о Н.Г. Чернышевском - учителе Саратовской гимназии // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях... С. 152.
- 16 Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 248. Д. 536

К истории науки о Чернышевском. Владимир Афанасьевич Сушицкий

В ряду исследователей биографии и творчества Н.Г. Чернышевского заметное место принадлежит Владимиру Афанасьевичу Сушицкому (1900-1944).

Его судьба сложилась трагично. Он погиб молодым, но не на войне, как можно предположить по внешне совсем «военным» датам его жизни, а в одном из сталинских сибирских лагерей. Сушицкого арестовали 28 июня 1938 г., и его научное творчество (в авторском списке около 30 работ), оказалось пресеченным этим зловещим годом. Насильственное изъятие его имени из науки оказалось первопричиной замалчивания его трудов и последующего медленного их вхождения в научный обиход. Реабилитация состоялась в августе 1957 г. В справке, полученной вдовой, Надеждой Дмитриевной Сушицкой, отмечалось, что «приговор Военной коллегии от 29 октября 1938 г. в отношении Сушицкого В. А. По вновь открывшимся обстоятельствам отменен, и дело за отсутствием состава преступления прекращено»¹. Наиболее полный, (но не исчерпывающий) перечень работ ученого о Чернышевском находим в библиографическом указателе 1960 г.

Доарестный период биографии В. А. Сушицкого восстанавливается благодаря сохранившемуся в Саратовском областном музее краеведения архивному «Личному делу»³. Приведем текст «Автобиографии», датированной 23 ноября 1936 г. (авторизованная машинопись, заверенная ученым секретарем музея В. Шиллеровой):

«Сушицкий Владимир Афанасьевич родился в 1900 г. в городе Ржеве. Отец в эти годы служил на Московско-Виндавской железной дороге (до этого он служил в канцеляриях каких-то государственных учреждений и нотари-

альной конторе). Учился в Ржевской частной гимназии Адо, Митавской и Режицкой (правительственной) гимназиях, меняя учебные заведения соответственно переводам отца с одного места на другое. Октябрьскую революцию встретил в г. Скопине (рязанской губ.), где учился в эвакуированной Режицкой гимназии, реорганизованной в трудовую школу. Эту школу и кончил я в 1919 г. С весны этого же года стал работать над созданием местного краеведческого музея, которым и стал заведовать в 1920 г.

В период организации Союза Рабпроса⁴ вступил в него членом, а в 1920–21 г. был председателем его скопинского уездного отделения. В эти же годы напечатал свою первую работу – компилятивный очерк по истории г. Скопина. В конце 1921 г. уехал учиться в Саратовский университет, педагогический факультет которого и кончил в 1926 г. По линии общественной работы в университете руководил студенческим литературным кружком. В 1922 г. работал в Саратовском Крайархиве, оттуда вскоре перешел в Саратовский губернский музей, в котором и работаю в настоящее время.

В последние годы работал также в Саратовском Институте краеведения.

Общественная работа в эти годы. редактирование стенгазеты, председательствование в МК⁵, командировки в колхозы, выступления с докладами в университете культуры и т. д. В 1924 г. журнал «Каторга и ссылка» напечатал мою статью по истории революционного движения начала 80-х гг. в Саратове⁶. С этого же времени вступил на путь исследовательской работы. Работаю по истории саратовского революционного движения⁷, по библиографии⁸ и по Чернышевскому. Печатаюсь в журналах и сборниках: «Каторга и ссылка», «Известия Саратовского Института краеведения», «звенья» и др. Отдельными книгами напечатаны: «Материалы для указателя по истории революционного

движения в Саратовском крае» (совместно с Соколовым)⁹ и «Саратов в беллетристике» (1928, 1934)¹⁰.

Вхожу в ВАРНИТСО с момента ее организации».

Дополнительные сведения содержат «Трудовой список» от 10 января 1927 г. и «Личный листок по уходу кадров» от 13 августа 1936 г.: уточняется дата рождения – 9 сентября 1900, беспартийный, за границей не был, годен к военной службе – рядовой, запасной первой очереди (так что он был бы призван впервые же дни войны), наград не имеет, партчистку и партпроверку не проходил. Выполняемая работа с начала трудовой деятельности: с 1 мая 1919 – агент по охране памятников старины и искусств Скопинского отдела народного образования, с 1 января 1922 – архивариус Саратовского губернского отдела Центрархива, с 20 декабря 1922 – научный сотрудник Областного музея. Прочерки стоят в графах: работа по совместительству, участие в выборных органах, знание иностранного языка, участие в боях, служба в армии, в войсках или учреждениях белых правительств. Был дважды премирован (в 1834 и 1835 гг.) за «ударную работу».

Переезд в Саратов в 1921 г. связан с приглашением, полученным от П. С. Рыкова, бывшего преподавателя истории в Режицкой гимназии и Скопинской трудовой школе 2-ой ступени, где учился В. А. Сушицкий. В ту пору П. С. Рыков заведовал губмузеем¹², а с 1924 г. вплоть до ареста в 1937 г. возглавлял Саратовский краевой музей. Одновременно он руководил кафедрой археологии в университете, в 1924–1927 гг. был деканом педагогического факультета¹³. Сколько можно судить по следственному делу В. А. Сушицкого, ему инкриминировали именно это давнее и близкое знакомство с врагом народа»¹⁴.

Будучи сотрудником историко-революционного отдела краевого музея и занимаясь историей революционного движения на саратовщине, Сушицкий не мог обойти имени Н.Г. Чернышевского. Его первые работы о писателе-

демократе – обзор литературы за 1926-1927 гг., статьи «Что читать о Чернышевском» и «Памяти Н.Г. Чернышевского»¹⁵. В год столетия со дня рождения Чернышевского В. А. Сушицкий публикует биографический очерк о нем¹⁶. В свою работу, обобщающую результаты исследований по истории революционного движения в Саратове, Сушицкий включил и главку о Чернышевском¹⁷. В соответствии с принятыми в те годы характеристиками автор «Что делать?» объявлялся главой революционного подполья, готовившего крестьянскую революцию в России. Биография и творчество писателя истолковывались преимущественно в этом освященном правящей идеологией ключе, и таковыми же были и не могли быть другими формулировки, содержащиеся в работах Сушицкого.

С 15 июля 1929 г. В. А. Сушицкий становится сотрудником Дома-музея Н.Г. Чернышевского, в ту пору организационно входившего в состав Саратовского областного музея краеведения¹⁸. С этого времени изучение Чернышевского приобрело в его занятиях специальный, целенаправленный характер. Его первой работой здесь становится научно-популярный очерк, написанный в связи с 40-летием смерти писателя¹⁹. По своему содержанию и пафосу основных выводов он мало чем отличается от появлявшихся в те годы работ подобного жанра, будь то брошюра или журнальная (газетная) статья²⁰. В то же время следует отметить критическое отношение автора к тогдашним, весьма настойчивым попыткам «модернизировать Чернышевского, доказать, что едва ли не родоначальник русского марксизма» «Эта ошибочная позиция, - писал, впрочем, Сушицкий с последующей отсылкой на известные тезисы М. Н. Покровского о Чернышевском, - находит себе объяснение в том, что в сочинениях Чернышевского, действительно, имеются элементы, очень близкие, родственные переживаемому нами моменту»²¹.

Главным объектом изучения, определившим на ближайшие годы научные интересы В. А. Сушицкого, стал музейный архив, который сохраняясь со времени образования Дома-музея в 1920 г., существенно пополнился в 1926-1927 гг крупной коллекцией из рукописного отделения Академии Наук (Ленинград)²². Перед сотрудниками музея встала задача обработки и систематизации находившихся здесь материалов, и В. А. Сушицкий с первых же дней был вовлечен в эту кропотливую и важную для науки о Чернышевском работу²³.

Еще при жизни основателя Дома-музея М. Н. Чернышевского (1857-1924), издателя первого Полного собрания сочинений Н.Г. Чернышевского в 10 томах (М., 1905-1906), было задумано новое издание сочинений под редакцией директора Историко-революционного архива в Петрограде П. Е. Щеголева, оно не было осуществлено, но идея продолжала оставаться актуальной и в последующие годы. Фронтальное изучение архива позволило научному сотруднику С. И. Быстрову составить описание рукописного фонда. В результате выявлен ряд текстов, существенно дополнивших представления об объеме писательского наследия. С. И. Быстров, П. А. Супоницкая, изучавшая рукописи молодого Чернышевского, в частности его семинарские сочинения²⁵, Е. П. Дьякова, обследовавшая семейный архив²⁶, стали коллегами В. А. Сушицкого по Дому-музею, руководимому Н. М. Чернышевской. Сосредоточенность молодого ученого на изучении первоисточников – биографических материалов и новооткрываемых текстов – сказалась на результатах исследований, сохраняющих научную ценность и по сей день. Важнейшие работы В. А. Сушицкого в этом ряду – статьи и о мемуарах Ф. В. Волховского²⁷ и Е. А. Белова²⁸. Сушицкий печатал тексты этих воспоминаний по авторитетной рукописной копии М. Н. Чернышевского (первые) и по автографу (вторые), поэтому именно его публикации впоследствии служили (и еще долго будут

служить в будущем) основным источником при их переизданиях и изучениях.

Воспоминания Ф. В. Волховского были переписаны М. Н. Чернышевским, как он сам указывал, «Из дневника Феликса Вадимовича Волховского. 1866», отобранного жандармами при аресте его в 1868 г. Записи касались «гражданской казни» Чернышевского, устроенной властями 19 мая 1864 г. в Петербурге на Мытнинской площади перед отправкой писателя в Сибирь. Они, по справедливому заключению исследователя, «представляют значительный интерес», поскольку очень близки хронологически к событию, объективно и довольно точно воспроизводят подробности дела, передают настроения современников «в чистом своем виде, лишены напластований публикаций и изысканий последующего времени», и, что подчеркнуто особо, содержат «оценку приемов поведения правительства», не считающегося с обычными юридическими нормами в стремлении, во что бы то ни стало расправиться с писателем. Однако, исследуя текст, В. А. Сушицкий пришел к важному, основательно аргументированному выводу: Волховский «не был очевидцем описываемого» и привел воспоминания очевидца, имени которого не сообщил. Тем не менее, с этим выводом, к сожалению не всегда считались. Так, при позднейшей перепечатке «Записок Ф. В. Волховского» их автор объявлялся «очевидцем гражданской казни Н. Г. Чернышевского»²⁹, хотя в том же издании в соответствии с заключениями В. А. Сушицкого и со ссылкой на его публикацию передается более точная история создания источника³⁰. Кроме того, сопоставление печатных тестов 1931 и 1959 гг., восходящих к рукописи М. Н. Чернышевского, показывает, что первая публикация воспроизводит рукописный источник точнее. Упущения весьма незначительны, но их можно было легко избежать при более внимательном отношении к результатам исследования В. А. Сушицкого.

Второй мемуарный текст – воспоминания Е. А. Белова, который знал Чернышевского по совместной службе в Саратовской гимназии и поддерживал отношения с ним вплоть до ареста писателя³¹. В руках публикатора оказалась никогда не печатавшаяся рукопись, выполненная по просьбе А. Н. Пыпина под впечатлением известия о смерти Чернышевского и отправленная ему 2 ноября 1889 г. Е. А. Белов, не перебеливая написанного, иногда вычеркивал целые куски текста и вставлял взамен более короткие фразы. В. А. Сушицкий принял решение опубликовать весь текст полностью, всякий раз, в подстрочных примечаниях точно указывая на сокращенные и замененные автором места. Другой текстологический принцип применен Н. М. Чернышевской при повторном воспроизведении мемуаров в 1939 г. «Воспоминания Белова, - отмечала она, - публикуются по рукописи, хранящейся в Доме-музее, в исправленном виде по сравнению с публикацией их в «Известиях Нижне-Волжского института краеведения», т. IV, Саратов, 1931»³². «Исправление» заключалось в том, что все зачеркнутые Беловым фрагменты помещены не в основном тексте, как у В. А. Сушицкого, а в подстрочнике, тогда как строки, призванные заменить вычерки, введены в основной текст. Подобная перестановка, если исходить из содержания сообщаемого мемуаристом, себя не оправдывала, поскольку произведенные Беловым замены имели целью сказанное ранее, сказанное, по мысли мемуариста, слишком подробно или якобы без прямого отношения к Чернышевскому. Е. А. Белов как бы предоставлял А. Н. Пыпину право выбора, и мы не знаем, как Пыпин распорядился бы этим правом. Но первая публикация, восстанавливающая более детальное изложение событий, достигала цели успешнее, нежели вторая. Принадлежащая Н. М. Чернышевской. В качестве примера укажем на следующее место воспоминаний. Не в основном тексте, а лишь в примечаниях оказался довольно большой фрагмент, касающийся передачи мнений Черны-

шевского о петрашевцах («что же были между петрашевцами филологи? И т. д.), «о печальном положении развития просвещения в России», о сослуживцах по гимназии («добрые, но скучные люди» и т. д.). В основной текст в данном случае не вошло и такое важное наблюдение мемуариста: «В суждениях моего знакомого меня поразила одна черта – стремление подойти к коню дела, обобщение, отсутствие интереса к частностям»³³. Под строкою находим также описание споров с Н. И. Костомаровым о Великой французской революции и ее последствиях: белов и Чернышевский «доказывали, что террор в бессознательной самоуверенности приготовили сами жирондисты»³³. К тому же в публикации 1939 г. выпущены без всяких пояснений некоторые места, связанные с характеристикой Саратовской мужской гимназии, сообщением о И. Я. Посяденко (Посяде) – участнике общества Кирилла и Мефодия, о Казанском университете 1840-х годов. Наконец, текст Белова дается в книге 1939 г. без нескольких последних страниц, что значительно обедняет публикацию в целом.

Новая перепечатка мемуаров Е. А. Белова состоялась в 1858 г. в первом томе издания «Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников». Здесь текст воспроизведен по изданию 1931 г. с упоминанием о существовании «второй редакции» 1939 г. (строго говоря, речь можно вести не о второй редакции, а о вариантах текста) и с сокращением последних страниц воспоминаний (сравнительно с изданием 1939 г. в конце прибавлено очень немного)³⁵. Таким образом публикация В. А. Сушицкого имеет преимущество и перед этим изданием.

Работе В. А. Сушицкого отдано предпочтение также при подготовке нового сборника воспоминаний о Чернышевском. На этот раз текст дан полностью³⁶. Однако отсутствие указаний на разночтения делает и эту публикацию в текстологическом отношении слабейшей в сравнении с изданием В. А. Сушицкого.

Успешное освоение новым научным сотрудником Дома-музея материалов о Чернышевском обратило на себя внимание не только саратовских ученых. Публикация воспоминаний Е. А. Белова, например, заинтересовала, по свидетельству Н. М. Чернышевской, В. Д. Бонч-Бруевича, организовавшего в Москве издание историко-литературных сборников «Звенья». «Имейте в виду, - писал он заведующей Домом-музеем Н.Г. Чернышевского в 1931 г., - что о Чернышевском мы напечатаем решительно все, каждое его письмо, каждую строку, каждую записочку, все сведения биографические, - все будет постоянно печататься»³⁷. В «Звенья» были посланы письма Е. К. Барановской, супруги саратовского губернатора, правившего в 1861-1862 годы³⁸. Не прерывались связи и с журналом «Каторга и ссылка», редакция которого охотно принимала работы саратовских исследователей. Здесь появилась публикация по корректуре статьи Чернышевского «Опыты открытий и изобретений»³⁹. Работы В. А. Сушицкого печатались и в других авторитетных научных изданиях - «Ученых записках» Саратовского университета⁴⁰, «Историческом архиве»⁴¹, «Литературном наследстве»⁴².

Вся эта кропотливая, обширная и весьма заметная на фоне мощно в 1828-1936 гг. развернувшейся деятельности советских ученых по изучению биографии и творческого наследия Чернышевского работа получила общий знаменатель - подготовку к изданию нового Полного собрания сочинений Н.Г. Чернышевского, предпринятым Гослитиздатом к 50-летней годовщине со дня смерти великого критика, исполняющейся в 1939 г., задачей Дома-музея являются подготовка к печати текстов для этого издания и сверка их по рукописям и корректурам. В текущем году проводится работа по сличению текстов для первых пяти томов. Проверены «Литературные воспоминания», «Автобиографические рассказы», закончена сверка тома «Политика» 1859 г., готовятся тексты литературно-критических работ 1857 г.,

статей по крестьянскому вопросу 1858 г и переписка 1846-1875 гг.»⁴³. Заметная часть всего здесь означенного готовится В. А. Сушицким. На это есть прямое документальное указание Б. П. Козьмина, одного из инициаторов Полного собрания сочинений. В письме к Н. М. Чернышевской от 9 сентября 1938 г. Б. П. Козьмин писал, подытоживая сделанное В. А. Сушицким для ПСС: «Как Вы знаете, В. А. Сушицкий приготовил нам, кроме V т., который Вы в настоящее время пересматриваете, VII (статьи 1860-61 гг.), VIII («Политика» 1860-1862) и значительную часть IX тома (статьи 1862 и сл. Гг.)»⁴⁴.

В научном контексте подготавливаемого Полного собрания сочинений следует рассматривать и вышедшие в 1937 г. в Саратовском областном книжном издательстве две книги - «Из литературного наследия Н.Г. Чернышевского»⁴⁵ и «Чернышевский Н.Г. Из автобиографии»⁴⁶. Выпуск этих книг, представлявших собою сборники заново проверенных текстов Чернышевского, был задержан в связи с изменением плана выпуска Полного собрания сочинений. Так, Б. П. Козьмин извещал Н. М. Чернышевскую 15 декабря 1935 г.: «На днях состоялось первое заседание редакционной коллегии собрания сочинений Чернышевского <...> На 1936 г. намечен выпуск двух томов: 1) Дневники, автобиография и воспоминания 20 Политика 1859 с приложением двух статей <...> Текст дневников и автобиографии будет подготавливать Н. А. Алексеев. Вас же просим взять на себя подготовку текстов второго из указанных выше томов и воспоминаний <...> На 1937 г. намечено издание 8-ми томов, а именно: №-х томов беллетристики, 1-го тома писем, тома со статьями 1857 г., тома со статьями 1858-1859 гг., тома, заключающего в себе «Очерки политической экономики по Миллю», и тома с произведениями 1862 и всех последующих годов. Подготовка текста трех томов беллетристики решено предложить А. П. Скафтымову, о чем я ему пишу одновременно с настоящим письмом. Подготовка

текста остальных пяти томов мы просим организовать Вас. Сдача текста этих томов должна быть закончена между 1 августа и 1 ноября 1936 (иначе их будет трудно выпустить в 1937 г.)»⁴⁷. В письме от 19 октября 1937 г.: «По плану издательства текстологическая работа по Чернышевскому должна быть закончена в течение 1938 г.»⁴⁸. ноября 1937 г.: «На 1838 г. издательство намечает выход 5 томов вместо 8-ми стоявших первоначально в плане. Из-за недостатка бумаги три тома нам вычеркнули»⁴⁹.

Обе саратовские книги как бы подводили итог усилиям В. А. Сушицкого в области изучения Чернышевского и в то же время являлись этапными научными трудами, возмещавшими о богатых возможностях молодого исследователя.

Первая книга издана, как указано на титульном листе, под редакцией профессора А. П. Скафтымова. Имя авторитетного ученого, к тому времени признанного специалиста по Чернышевскому⁵⁰, придавало изданию научный вес и свидетельствовало о плодотворном сотрудничестве маститого профессора и его бывшего студента по педагогическом факультете университета. Высокий уровень научной подготовки публикуемого здесь материала (текстологический, комментаторский), контролируемый профессором, позволяет говорить о значительном влиянии научной школы А. П. Скафтымова на закрепление исследовательских навыков и приемов у набирающего силу публикатора.

Книга сложилась из ранее опубликованных работ В. А. Сушицкого. Она открывается незаконченной статьей Чернышевского «Разговор отчасти литературного, а более нелитературного содержания», посвященной разбору романа И. С. Тургенева «Рудин» (С.5-15). Статья печаталась по сохранившейся части рукописи. Впоследствии она была включена в 3-й том нового Полного собрания сочинений Н.Г. Чернышевского, вышедший в 1949 г. (подготовка текста и комментарии Н. М. Чернышевской)⁵¹ с пояснением: «Печатается по рукописи (автографу)» (Т. III. С. 866). В.

А. Сушицкий не упомянут, и это вполне по тому времени объяснимо, однако нет даже отсылки к первой публикации статьи, что является явным библиографическим изъяном. Такая же участь постигла и все другие вышеупомянутые работы В. А. Сушицкого о Чернышевском, так или иначе использованные в ПСС. В качестве противоположного примера приведем составленную А. П. Скафтымовым библиографию сочинений Чернышевского и литературы о нем, включенную в его книгу о Чернышевском 1947 г. Имени В. А. Сушицкого здесь, конечно, не найти, но все его основные труды отмечены. Например, указано время и место опубликования статьи «Разговор отчасти литературного, а более нелитературного содержания» (1934 и 1937 гг.). Более того, А. П. Скафтымов дал оценку публикации, заявив о статье, что «к известным немногим высказываниям Чернышевского о Тургеневе она вносит существенные дополнения»⁵².

Текст статьи о Тургеневе в ПСС целиком перепечатан из книги 1937 г., и только в нескольких случаях обращение к первоисточнику позволило исправить допущенные ранее погрешности. Так, вместо «исполнить тяжелый долг» (С. 11) - «исполнять тяжелый долг» (Т. III. С. 779); «стыдно вам не сделаться» (С. 12) - «стыдно вам будет не сделаться» (Т. III. С. 780); «пожимая ему руку» (С. 13) - «пожимая его руку» (Т. III. С. 781); «стольких нелепых» (С.13) - «столько нелепых» (Т. III. С. 781); «красив каждый мазок!» (С. 14) - «красив каждый листок!» (Т. III. С. 782); «гул и рокот дождя» (С.14) - «гул и ропот дождя» (Т. III. С. 866)⁵³.

Рассмотрим включенные в книгу статьи Чернышевского 1858 г. по крестьянскому вопросу. Первая из них «Ответ на замечания г. Провинциала» впервые появилась на страницах «Современника». Сохранившаяся рукопись⁵⁴ позволила выявить значительные цензурные изъяты, которые и восстановлены в публикации В. А. Сушицкого. Анализ показывает, что текстологическая работа выполнена им более

тщательно, чем в ПСС, где статья помещена в 5-м томе (М., 1950). Восстанавливая в квадратных скобках почти все вычеркнутое Чернышевским в рукописи, публикатор вполне обоснованно исходил, в конечном счете, из содержания статьи, которое одно только и позволяло определить, что именно было снято цензурой. Поэтому некоторые из вычерков попали не в основной текст, а в примечания. В ПСС же, где работа В. А. Сушицкого явно использована, приведены, в отличие от первой публикации, вычерки, которые, однако, могут быть объяснены авторской стилистической правкой и никакого отношения к цензурным придирам не имели. Так у В. А. Сушицкого: «чтобы лиц этого класса можно было осуждать» (С. 18) с примечанием: «в рукописи: чтобы людей этого класса, как людей, можно было осуждать» (С.145). В ПСС: «чтобы лиц этого класса [как людей] можно было осуждать» (Т.V. С.144). В других случаях, напротив, текст дан по «Современнику» («но эти имена, вероятно известны нашим читателям, и, вероятно, они знают, что все эти лица» - Т.V. С.149) без указания на разночтения в рукописи («но эти имена известным каждому из наших читателей, и, вероятно, каждый знает, что все эти лица» - С.22, 149). Возможно, в последнем примере текстолог вправе оставить в ПСС текст «Современника», но оговорить это при наличии рукописного варианта он был обязан. Сделанных в ПСС исправлений по рукописи немного: «благодарный человек» (С.21) - «благородный человек» (Т.V. С.147-148); «закончился» (С.23) - «заклучился» (Т.V. С.150); «освобождении крестьян» (С.24) - «освобождении крепостных крестьян» (Т.V. С.151)⁵⁵.

Трудности ждали публикатора и при работе со статьей «О способах выкупа крепостных крестьян», которая ни в «Современнике», ни позднее не печаталась. Сохранившаяся рукопись и корректуры предоставляли возможность наиболее полно учесть авторскую волю. Однако установление основного текста представлялось делом непростым, тре-

бующим от текстолога особой ответственности за те части текста, которые вносились из корректуры. Включение статьи В ПСС (Т.V. С.179-212) в том виде, в каком она была подготовлена В. А. Сушицким (хотя и без соответствующей отсылки), свидетельствует о высоком качестве проделанной ученым работы. Более того, издание 1937 г. содержит подробный текстологический комментарий (С.146-147), а в ПСС указан лишь один случай разночтения (Т.V. С.963). В результате публикация, осуществленная В. А. Сушицким до сих пор сохраняет источниковедческую ценность.

Не отмечена фактом перепечатки в ПСС (Т.V. С.686-710) и научная ценность подготовки включенной в книгу 1937 г. статьи Чернышевского «Суеверие и правила логики» (С 61-115, 147-150) – настолько богаче здесь текстологический комментарий и всякого рода текстовые указания. Так, В. А. Сушицкий, располагавший корректурами цензурской и авторской (редкий случай!) ввел в текст два вида скобок: квадратные – для обозначения цензурных изъятий и остроугольные – для фиксирования авторских поправок. В ПСС подобные разъяснения отсутствуют, и при изучении этой статьи исследователь обязан обратиться к тексту издания 1837 г.

Исследователь творчества Чернышевского не пройдет и мимо результатов работы В. А. Сушицкого над статьей «Национальная бестактность» (С.84-102, 150-151). В ПСС на это раз отмечена книга 1937 г. (Т.VII. С.1074), которая более точно воспроизводила цензурные изъятия сравнительно с их первой публикацией⁵⁶. Внимание по сравнению с ПСС задерживает следующее место о положении галицийских малороссов (русинов): «А их положение! Это племя по преимуществу – племя поселян, доля которых тяжела. Их патриотизм чист от помысла о порабощении других; они желают лишь того, чтобы им самим было легче жить на вольном свете; никакое другое племя не хотят они подчинять себе или обижать». В книге 1937 г. это место как цен-

зурнос изъятие заключено по общепринятому правилу в квадратные скобки (С.86), тогда как в ПСС (Т.VII. С.775) оно в круглых скобках, которые легко спутать с авторскими синтаксическими конструкциями, требующими круглых скобок.

Встречаются в ПСС и другие места иного воспроизведения основного текста рассматриваемой статьи Чернышевского, но они почти все могут быть квалифицированы как примеры текстологического спора с упомянутой в ПСС книгой 1937 г. В этой связи ситуацию несколько проясняют следующие строки из письма Б. П. Козьмина к Н. М. Чернышевской от 2 сентября 1938 г.: «Я знаю, что комментарии Сушицкого перерабатывались в связи с тем, что вопреки нашей инструкции он взял в качестве основного текста не журнальный, а текст рукописный. Расхождения же журнального текста с рукописями приводил в своих примечаниях. Конечно, это пришлось переделывать»⁵⁷. Какие именно статьи имелись в виду, здесь не указывается. Но пример статьи «Национальная бестактность» показывает, что в ПСС она печаталась «по тексту «Современника», сверенному с рукописью и корректурами» (Т.VII. С.1075). В. А. Сушицкий же воспроизводил ее «по авторской корректуре» (С.84). Поскольку в ПСС все разночтения цензурного происхождения также внесены в основной текст, как и у В. А. Сушицкого, то в целом воспроизводимые тексты почти полностью совпали и расхождения были незначительными, хотя всякий раз и они обнаруживали иные текстологические установки. Например, в соответствии с корректурой В. А. Сушицкий печатает: «Точно так же мы вполне переведем следующую за программой статью, напечатанную с такою же...» (С.90), а в примечание введено разночтение с «Современником»: «За программой следует статья, напечатанная такою же...» (Т.VII. С.780), но без указания в примечаниях на вариант.

Находим в ПСС и случаи правильного исправления текстуальных ошибок, допущенных В. А. Сушицким. Так, в фразе «в нашей стране, названною Галицией по имени русского города»⁵⁸ (Т.VII. С.779, 1042) в книге 1937 г. вместо «города» - «народа» (С.89).

Особого разговора заслуживает «добролюбовский» цикл статей Чернышевского (С.103-105, 151-156), на которые ПСС сделаны-таки библиографические отсылки (Т.VII. С.1976 и Т.X. С.1070), где указана первая публикация корректуры статьи «В изъявление признательности» в 25-26 томе «Литературного наследства»). Ни ПСС, ни все последующие перепечатки статей «Добролюбов» и «В изъявление признательности»⁵⁹ не содержат той полноты приведенных текстовых разночтений в «Современнике», рукописи или корректуре, какая присутствует в книге 1937 г.

С не меньшей ответственностью подошел В. А. Сушицкий к опубликованию разночтений, которые обнаружались при изучении корректуры статьи Чернышевского «Опыты открытий и изобретений» (С.116-129, 156-162) (вторую часть этой статьи Г. Магистр Н. Де-Безобразов – псевдоним он печатал отдельно как самостоятельное произведение – С.129-134,162). В ПСС находим ссылку на первоначальную публикацию доцензурного текста в журнале «Каторга и ссылка» за 1933 г. (Т.X. С.1068), то есть работу В. А. Сушицкого. Указание на него сделано и в отдельном издании произведений «Свистка»⁶⁰. Но если в ПСС варианты корректуры приведены лишь выборочно (Т.X/ С.1069), то в издании «Свистка» они заново проверены по первоисточнику, как и у В. А. Сушицкого полностью⁶¹.

Книга 1937 г. была внимательно отрецензирована И. Г. Ямпольским. Она оценена как «значительное подспорье» предпринятому Государственным издательством Полному собранию сочинений. Сделано справедливое замечание по поводу бедности комментариев к статье «Опыты открытий и изобретений». Особо отмечено, завершающее книгу

приложение «Описание корректур Н.Г. Чернышевского, хранящихся в Доме-музее его имени в Саратове» представляет большую ценность»⁶².

Рецензент не дал развернутой характеристики этому приложению, но, действительно, саратовская коллекция корректур статей 1856-1862 гг., насчитывающая 121 документ (С.135-144), составляет поистине замечательнейшую часть архива писателя. Впервые описание корректур, ставшее результатом фронтального изучения архива Чернышевского, было издано в 1935 г. при поддержке Саратовского Нижне-Волжского Института краеведения им. М. Горького⁶³, и включение этого перечня в книгу 1937 г. значительно расширяло возможности ознакомления исследователей с этим источником.

Другой библиографической работой этих стал указатель «Саратовский университет и Н.Г. Чернышевский»⁶⁴ - первая попытка фиксации печатных источников на тему «Чернышевский в истории Саратовского университета и названий трудов научных работников вуза о Чернышевском за 1917-1932 гг. Оговаривалось, что это те самые статьи и выступления, которые были сделаны ими в период работы в университете. В некоторых случаях брошюра содержала сведения, не учтенные в позднейшем специальном библиографическом пособии⁶⁵, и это придает работе особое значение справочника, который необходимо учесть при подготовке в будущем научной библиографии трудов о Чернышевском.

Вторая книга 1937 года (подписана к печати 21 декабря и вышла, вероятно, в начале следующего года) представляла собой собрание материала, который «объединяется автобиографической тематикой в творчестве Чернышевского (включая «Дневник» за его саратовский период, как имеющий крупное самостоятельное значение) и относится к нашему краю и нашему городу» (С.4). Основной корпус сборника составили две редакции «Из автобиографии», а в

приложении даны автобиографические отрывки из романа «Повести в повести», воспоминания «Наша улица», «Рассказы о саратовской старине», «Бабушкины рассказы», отрывки из сибирских писем, фрагменты комментариев к «Материалам для биографии Добролюбова» (М., 1890), замечания по поводу «Автобиографии Н. И. Костомарова» (1885). Все эти материалы уже были ранее опубликованы, и В. А. Сушицкий добросовестно упомянул всех, кто готовил их к печати. Однако он не ограничился задачей простого компилятивного соединения всех автобиографических свидетельств Чернышевского под одну обложку, хотя, разумеется, и эта работа оказалась бы полезной и получила бы полное одобрение. Наверняка В. А. Сушицкий, приступая к изданию книги, держал в своих планах далеко идущие биографические цели. Ведь саратовская часть биографии писателя в то время еще не была должным образом исследована, и, кроме давних публикаций Ф. В. Духовникова и А. А. Лебедева⁶⁶, работ на эту тему не было. Богатый комментарий (С. 237-238), составление которого потребовало дополнительных биографических, краеведческих и библиографических разысканий, свидетельствовал о готовности составителя к выполнению самостоятельного биографического труда о Чернышевском. Сообщена масса сведений из родословной писателя, его семейного окружения, даны подробности окружавшей его саратовской действительности. В примечаниях находим краткие содержательные очерки заселения Саратовщины украинцами и немцами-колонистами (С. 240-241), много нового сообщено о раскольниках (С. 241, 1730274), о юродивых Антонушке, личности весьма популярной в XIX веке, и Иванушке, о котором до сиз пор известно крайне мало (С. 243), о губернаторах (С. 256-257). В. А. Сушицкий первым в советской саратовской историографии ввел в научный оборот материалы романа Д. Л. Мордовцева «Профессор Ратмиров», первые главы которого вышли в 1889 г. (С. 276-278). Именно В. А. Сушицкому

принадлежит идея сопоставления изображенной в работе «Из автобиографии» в сатирических тонах саратовских градоправителей с произведениями М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» и «Пампадуры и пампадурши» (С.255, 257-258)⁶⁷. Не случайно рецензент книги Б. П. Козьмин полагал «удачной» мысль соединить и издать отдельно автобиографические произведения Чернышевского, подчеркивая, «что выбор материала придает книге специфический краеведческий характер», хотя, конечно, «Из автобиографии» имеет «большое общее значение как документ, чрезвычайно важный для русской общественной и частной жизни первой половины XIX столетия»⁶⁸.

Текстологические решения В. А. Сушицкого и принципы его работы с автобиографическими сочинениями Чернышевского требуют специальных пояснений.

Наличие двух «редакций» (точнее сказать, вариантов) «Из автобиографии» объясняется намерением самого Чернышевского переделать первоначальную рукопись, поспешно выполненную (первый вариант), в текст для печати, более компактный и литературно обработанный (второй вариант). В. А. Сушицкий печатает обе «редакции» (С.7-128, 129-175). В ПСС первый вариант «Из автобиографии» помещен в 1-м томе (Т.1. С.566-691), второй вариант – в составе «Повести в повести», органической частью которой он являлся (Т.ХII. С.479-528). Эти тексты, вычитанные из ПСС по рукописи, почти ничем не отличаются от издания 1937 г. Но приведенные В. А. Сушицким в примечаниях варианты, извлеченные из брошенных Чернышевским черновиков и первоначальных набросков (девять разрозненных полулистов), не учтенные в ПСС, придают изданию 1937 г. значение важной текстологической информации, полезной для исследователя.

Существуют различия с ПСС при сопоставительном анализе текста автобиографических отрывков «Наша улица. 1. Корнилов дом. 2. Жгут». Для издания 1937 г. текст «Кор-

нилова дома» подготовлен Н. А. Алексеевым (С.4), который, несомненно, ориентировался на первоначальную расшифровку рукописи М. Н. Чернышевским, опубликованной в 1928 г.⁶⁹ В рукописи Н.Г. Чернышевский широко использовал особую систему сокращений, и спорных вариантов прочтения очень много. Явно не в пользу ПСС следующий пример: в книге 1937 г., как и в рукописи «Корнилов дом», «валяные сапоги» (С.176)⁷⁰ – в ПСС: «валеные сапоги» (Т.1. С.693). Другие разночтения – суть разночтения ПСС, где текст также подготовлен Н. А. Алексеевым, с первой публикацией⁷¹. «Впрочем, ясно» (С.180) – в ПСС: «Конечно, ясно» (Т.1. С.697); «на посмешище» (С.180) – в ПСС: «на посмеяние» (Т.1. С.697); «от оторванной каймы» (С.181) – «от отпавшей каймы» (Т.1. С.698); «Самых близких» (С.182) – «очень близких» (Т.1. С.699); «по хозяйству приличное что-нибудь» (С.182) – «по хозяйству что-нибудь» (Т.1. С.700); «учеником и студентом был он плох» (С.184) – «ученик и студент был он плохой» (Т.1. С.701). В рассказе «Жгут» к слову «дощанник» (С.184) Чернышевский в рукописи дал разъяснение, которое он затем зачеркнул (В. А. Сушицкий привел его в примечаниях) «по-нашему, саратовскому – небольшое судно с палубой» (С.271). В ПСС (в основном тексте): «небольшое судно с палубой» (Т.1. С.702), слова «по-нашему, саратовскому» почему-то выпущены. Кроме того, в ПСС (Т.1. С.703) после слов «крупных рытвин» по недосмотру выпущено: «которые можно бы назвать маленькими оврагами – по-нашему «барачками» (С.186) и отсутствует в примечании зачеркнутое Чернышевским пояснение к последнему слову: «т.е. буерачками; я в детстве, читая книжонки, всегда понимал под словом барак – овраг, и дивился странной выдумке, будто в бараках нет сырости; от этого у меня и теперь антипатия к слову барак во французском значении» (С.271)⁷².

После выхода обеих книг В. А. Сушицкий, выполняя обязательство перед Гослитиздатом, вероятнее всего торо-

пился завершить свою часть работы для Полного собрания сочинений Н.Г. Чернышевского, но арест в июле 1938 г. оборвал его планы.

В фондах Областного музея краеведения сохранилась фотография коллектива музея на первомайской демонстрации 1938 г. На ней Владимир Афанасьевич в 3-м ряду, несет флаг. Лицо на фотографии выскоблено. По обеим сторонам от него коллеги несут портреты В. И. Ленина и И. В. Сталина. Еще один документ – из семейного архива его сына: справка (она не датирована) начальника лагерной больницы: «Заклученный Сушицкий Владимир Афанасьевич, находящийся при центральной больнице Тайшетлага, по состоянию своего здоровья нуждается в усиленном питании». Переправляя справку, В. А. Сушицкий писал жене: «Опасаясь, что то письмо, в котором я отправил тебе справку на отправление мне посылки, может пропасть, посылаю в этом письме второй экземпляр справки. Предъяви ее на почте: она даст тебе право отправить мне посылку почтой. Адрес пишу такой: Иркутская область, город Тайшет. Почтовый ящик 215. Заклученному (имя рек) Вот и все. Указания на больницу не пиши. Меня могут переместить, тогда посылка проплутает лишнее время». В том же письме находим строки, свидетельствовавшие о его интересе к своим прежним научным трудам: «От тебя я получил три бандероли (черновая тетрадь – большая ценность для меня, чем всякая чистая бумага; «Остров в степи», «Автобиография» Чернышевского, хотя и дефектный, но вполне приличный экземпляр)». Можно предположить, что Надежда Дмитриевна послала вырванные из первого тома Полного собрания сочинений (М., 1939) страницы «Автобиографии» и тетрадь с записями, связанными с работой В. А. Сушицкого над текстом «Автобиографии». Его, разумеется, интересовало, как в ПСС использовали результаты его работы. В письме от 20 февраля 1944 г. из той же больницы к сыну Борису он сообщал о полученных книгах, в том числе

«А. С. Пушкин» Кирпотина, «Лермонтов», сб<орник> крит<ических> статей». «теперь, - писал он здесь, - с нетерпением жду книгу Скафтымова о Чернышевском⁷³. Рад был бы получить и другие новинки о Ник<олае> Гавриловиче, над жизнью и творчеством которого я работал немало лет. Вчера я послал маме список работ, в сохранении которых я заинтересован. Если некоторые книги и оттиски из этого списка сохранились в большом количестве, то порознь пришли мне те из них, которые связаны с Чернышевским, но не в счет тех, что ты собирался посылать мне для чтения, а сверх того». Примерно в это же время он писал Анне Павловне, своей родственнице:

«Разрешите еще раз поблагодарить Вас за все, что Вы сделали и делаете для блага моих детей и для меня. Целую Вас и Ваши руки. Придет час и мы будем опять вместе. Был я на Колыме, а теперь вблизи Западной Сибири», был в тюрьме, а теперь в лагере, а настанет время и кончится моя неволя». Времени конца неволи Владимиру Афанасьевичу не пришлось дожидаться, и не пришлось ему продолжить свои столь успешно некогда начатые исследования по Чернышевскому, интерес к которому не пропал и в страшные лагерные годы.

В науке о Чернышевском В. А. Сушицкий пробыл недолго – около одиннадцати лет. Но сделанное им вошло содержательными, не потерявшими научной ценности страницами в историю изучения писателя-демократа, которое еще долго будет невозможно без обращения к трудам незабвенного Владимира Афанасьевича.

Примечания.

¹ Документ хранится в личном архиве живущего ныне в Саратове младшего сына В. А. Сушицкого Бориса Владимировича, которому приношу глубокую благодарность за предоставленные материалы. Старший сын В. А. Сушицкого Всеволод погиб на фронте 6 февраля 1945 г. Н. Д. Сушицкая умерла в 1968 году.

- 2 Изучение Н.Г. Чернышевского в Саратове за советский период Библиография / Сост. П. А. Супоницкая. Саратов: Изд-во Саратов Ун-та, 1960 32 с.
- 3 Научный архив СОМК Оп. 2-н. № 11. Л.35-40
- 4 Союз работников просвещения
- 5 Местный комитет профсоюза
- 6 Сушицкий В Попытка освобождения народовольца Новицкого из саратовской тюрьмы // Каторга и ссылка. 1924. № 5 (12). С.227-240.
- 7 Сушицкий В. Из истории революционной деятельности А. Христофорова в Саратове // Каторга и ссылка 1924. № 6 (13) С.84-94, Сушицкий В Революционное прошлое Саратова: краткий очерк Саратов, 1930. 48 с.; Сушицкий В. Николаенко А Кожаная куртка. Из истории саратовской тюрьмы. Саратов, 1931. 15 с.
- 8 Сушицкий В Газеты и журналы Саратовской губернии за 10 лет: материалы // Коммунистический путь. 1928. № 8. С.43-50. Сушицкий В. Указатель литературы по революционному движению в Саратовском крае. 1861-1921. Саратов, 1930 15 с.; Сушицкий В. Материалы для указателя по революционному движению в Саратовском крае. 1861-1921. 1-е дополнение // Известия Саратовского Нижне-Волжского Института краеведения Саратов, 1931. Т V С.49-68; Сушицкий В Саратовские тюрьмы. Опыт аннотированной библиографии по истории саратовских тюрем как мест заключения политических преступников // Известия Саратовского Нижне-Волжского Института краеведения Саратов, 1933. Т.IV. С.157-197.
- 9 Сушицкий В., Соколов С Материалы для указателя по революционному движению в Саратовском крае. Саратов, 1928. 76 с.; Сушицкий В Октябрьская революция в Вольском и Аткарском уездах // Коммунистический путь. 1927. №20. С.102-111.
- 10 Сушицкий В Саратов в беллетристике Библиографический указатель Саратов, 1928, 2-е изд Саратов, 1934 136 с.
- 11 Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству.
- 12 Губмузей – Губернский комитет по делам музеев при губернских отделах народного образования См.: Миронов Д. В Формирование структуры Саратовского областного музея краеведения в 1920-е годы // Труды СОМК. Саратов, 1996. Вып.4 С.7-9.
- 13 Подробнее о П. С. Рыкове см.: Максимов Е. К. Павел Сергеевич Рыков: к 100-летию со дня рождения // Археология Восточно-Европейской степи Межвуз. Науч. Сб. Саратов: Издво сСарат Ун-та, 1989 С.3-11.
- 14 Архив УФСБ РФ Саратовской области ОФ 12350.
- 15 Саратовские известия. 1927. « октября; 23 октября, 30 октября
- 16 Сушицкий В Н.Г. Чернышевский: популярная биография. Саратов, 1928 54 с.
- 17 Сушицкий В Революционное прошлое Саратова: краткий очерк. Саратов, 1930 С.15-16, 20

18 Приказ № 27 от 10.07.1929. Содержание документа сообщено ученым секретарем СОМК Анной Ивановной Мироновой, которой выражаю глубокую признательность за содействие в работе над статьей о В. А. Сушицком

19 Сушицкий В. Чем нам близок Чернышевский. Саратов, 1930. 10 с. 2-е изд. Саратов, 1934.

20 См. Мурения Е. К. Литературно-юбилейная статья как социокультурный факт и литературный жанр // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов: Изд-во Саратов. Пед. Ин-та, 1997. С.63-77

21 Сушицкий В. Чем близок Чернышевский. Саратов, 1930. С.1-2.

22 Чернышевская Н. М. К истории создания Дома-музея Н.Г. Чернышевского // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 1978. Вып. 8. С. 272. Архив Н.Г. Чернышевского находился в Доме-музее до 1941 г. В настоящее время хранится в РГАЛИ (Москва).

23 См.: Демченко А. А. 60 лет научной работы // Проповандивст великого наследия: из истории Дома-музея Н.Г. Чернышевского. Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 1984. С.44-46.

24 Быстров С. И. Описание рукописей Н.Г. Чернышевского, хранящихся в Доме-музее его имени // Н.Г. Чернышевский. Неизданные тексты, материалы и статьи. Саратов, 1928. С.325-429.

25 См.: Супоницкая П. А. Семинарские сочинения Н.Г. Чернышевского // Звенья. М., 1951. № 8. С.431-437.

26 См. Дьякова В. П. История дома Н.Г. Чернышевского до основания в нем музея (1822-1920) // Звенья. М., 1950. № 8. С.578-582.

27 Сушицкий В. Записки Ф. В. Волковского о гражданской казни Н.Г. Чернышевского // Литературные беседы. Саратов, 1930. Вып. 2. С. 105-115.

28 Сушицкий В. Воспоминания Е. А. Белова о Чернышевском // Известия Нижне-Волжского Института краеведения. Саратов, 1931. Т. IV. С.135-137.

29 Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: В 2 т. / Общая редакция Ю. Г. Оксмана. Саратов, 1958-1959. Т.2. С.16

30 Там же. С.19, 23

31 Взаимоотношения Н.Г. Чернышевского с Е. А. Беловым рассматривались в работах: Демченко А. А. Н.Г. Чернышевский. Научная биография. В 4 т. Саратов, 1978-1994. Т.1. С.224, 241-244, 248, 251, 256, 266; Т.2. С. 244; Т.3. С. 54-55, 57, 114-115; Порох И. В. «Вместе и в одном направлении» // Саратовские друзья Чернышевского. Саратов: Приволж. Кн. Изд-во, 1985. С.44-55

32 Н.Г. Чернышевский в Саратове. Воспоминания современников / Сост. Н. М. Чернышевская. Саратов, 1939. С.7

33 Там же. С.62-63

34 Там же. С.67.

35 Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. В 2 т. Т.1. С.163-172.

36 Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников / Сост. е. И. Покусаев и А. А. Демченко. М., 1982. С.137-151.

37 Чернышевская Н. М. С соратниками В. И. Ленина Из истории Дома-музея Н.Г. Чернышевского // Н.Г. Чернышевский Статьи, исследования и материалы Саратов, 1975. Вып. 7. С.201.

38 Письма Е. К. Барановской к М. В. Авдееву / Вступ. Статья и комментарии В. Сушицкого // Звенья М., 1932. Т. IV. С.907-920.

39 Сушицкий В. Из литературного наследства Н.Г. Чернышевского // Каторга и ссылка 1933 № 10. С.85-116

40 Сушицкий В. «Рудин» в ранней оценке Н.Г. Чернышевского Из неопубликованного наследства Чернышевского // Учен. Зап. Сарат. Ун-та. 1934. Т.12. Вып. 2. С.113-128

41 Сушицкий В. Неопубликованные статьи Н.Г. Чернышевского по крестьянскому вопросу // Исторический архив 1936. № 1. С.291-339

42 Чернышевский о Добролюбову / Публикация В. Сушицкого // Литературное наследство. М., 1936 Т.25-26. С.147-161.

43 Текущая работа Дома-музея Н.Г. Чернышевского в Саратове // Литературное наследство. Т. 25-26. С.692. Между прочим, здесь же указано «Научным сотрудником Дома-музея В. А. Сушицким в Москве, Ленинграде и Горьком были собраны материалы по Добролюбову (коллекция газетных вырезок в количестве 350 экз., иллюстрации и литература)».

44 Государственный музей-усадьба Н.Г. Чернышевского (ГМУЧ) Основной фонд № 5849/621. Л.5; Озерянский А. С. Б. П. Козьмин - редактор полного собрания сочинений Н.Г. Чернышевского 1939-1953 годов. письма Б. П. Козьмина Н. М. Чернышевской // Освободительное движение в России. Саратов, 1991. Вып. 14. С.151

45 Из литературного наследства Н.Г. Чернышевского / Подготовка текста, комментарии и вступ. Заметки В. А. Сушицкого. Саратов, 1937. 168 с. В дальнейшем ссылки на эту книгу даются в тексте с указанием ее страниц

46 Чернышевский Н.Г. Из автобиографии / ред. И. коммент. В. А. Сушицкого. Саратов, 1937. 284 с. В дальнейшем ссылки на эту книгу даются в тексте с указанием ее страниц

47 ГМУЧ. Основной фонд. № 5848/629. Л.14 - 14 об

48 ГМУЧ. Основной фонд. № 5849/632. Л.7

49 Там же Л.14

50 См. Медведев А. П., Супоницкая П. А. Список печатных работ А. П. Скафтымова // Учен. Записки Саратовск. Ун-та Саратов, 1957. Т. LVI. Вып. Филологич. С. 479-482; Покусаев Е. И., Порох И. В. Жизнь и деятельность Н.Г. Чернышевского в трудах саратовских ученых // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1961. Вып. 2. С.317-318; Методология и методика изучения русской литературы и фольклора: ученые-педагоги саратовской филологической школы

/ Под ред. Проф. Е. П. Никитиной. Саратов, 1984. С. 18-24; Демченко А. А. Н.Г. Чернышевский в исследованиях А. П. Скафтымова // Скафтымовские чтения / Отв. Ред. Г. Н. Антонов. Саратов, 1993. С. 57-61.

51 Чернышевский Н.Г. Полн. Собр. Соч. В 16 т. М., 1939-1953. Т. III. С. 776-782. В дальнейшем ПСС. Ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страниц соответственно римскими и арабскими цифрами

52 Скафтымов А. П. Жизнь и деятельность Н.Г. Чернышевского. Изд. 2-е, испр. И доп. Саратов, 1947. С. 89. Ссылку на работу В. А. Сушицкого «Из литературного наследия Н.Г. Чернышевского» (Саратов, 1937) находим также в справочнике 1953 г. Николай Гаврилович Чернышевский: рекомендательный указатель литературы / Науч. Ред. М. М. Григорьян. М., 1953. С. 229

53 Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) Ф. 1. Оп. 1. № 72. Л. 2, 3, 3 об., 4, 4 об.

54 В. А. Сушицкий ошибочно утверждает, что сохранилась также и корректура этой статьи (С. 17). В действительности речь шла о корректуре статьи «О способах выкупа крепостных крестьян» (см.: С. 141, 146-147).

55 РГАЛИ Ф. 1. Оп. 1. № 148. Л. 1, 3 об., 4, 5 об.

56 Литературное наследство. М., 1932. Вып. III. С. 99-102.

57 ГМУЧ. Основной фонд. № 5849/621. Л. 2 об.

58 РГАЛИ Ф. 1. Оп. 1. № 200. Л. 4 об.

59 См.: Чернышевский Н.Г. Литературная критика: В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 256-270, 323-333.

60 См. Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок. Сатирическое приложение к «Современнику» 1859-1863 / Изд. Подг. А. А. Жук и А. А. Демченко. Отв. Ред. Е. И. Покусаев, И. Г. Ямпольский. М., 1981. С. 528.

61 Там же. С. 528-533.

62 Литературное обозрение. 1937. № 12. С. 42, 44.

63 Сушицкий В. Описание корректур Н.Г. Чернышевского, хранящихся в Доме-музее его имени. Саратов, 1935. 23 с.

64 Сушицкий В. Саратовский университет и Н.Г. Чернышевский 1909-1934 / Под ред. В. А. Артисевич. Саратов, 1934. 32 с. С признательностью отмечено здесь «товаришеское содействие в работе со стороны В. И. Трекова» (С. 8).

65 Имеются в виду некоторые из работ В. В. Буша, В. И. Герчикова, В. Я. Каплинского, Г. Лелевича (Л. Г. Калмансона), В. А. Павлова, И. П. Разумовского, П. С. Рыкова, Б. М. Соколова, не упомянутых в указателе: Изучение Н.Г. Чернышевского в Саратове за советский период: Библиография. Саратов, 1960.

66 См. Русская старина. 1890. № 9; 1910. № 12, 1911. № 1; 1912. № 1, 3, 4, 5.

67 Впоследствии на эту тему писали Покусаев Е. И. Н.Г. Чернышевский: Очерк жизни и творчества. Изд. 5-е, испр. И доп. М., 1976. С. 16; Грачев А. П. Н.Г. Чернышевский и М. Е. Салтыков-Щедрин // Поэтика русского реализма второй половины XIX века: Учебн. Пособие. Ижевск, 1978. С. 23-41.

68 Книжные новости. 1938 № 6. С.25-26

69 Н.Г. Чернышевский // Литературное наследие: В 3 т. М., 1928-1930. Т. I С.173-185.

70 РГАЛИ Ф. 1. Оп. 1. № 235. Л. 2; Н.Г. Чернышевский // Литературное наследие. Т. 1. С. 174.

71 Н.Г. Чернышевский // Литературное наследие. Т. 1. С.176, 177, 178, 181, 182

72 Там же. С.182, 183, 184.

73 Имеется в виду книга: Скафтымов А. П. Жизнь и деятельность Н.Г. Чернышевского. Саратов: Одгиз, 1939. 100 с.

Указатель имен

А

- Авдеев М.В., 116, 120
Аксаков С.Т., 221
Аксакова Т.С., 28
Алдочина Н.Б., 80
Александр I, 248
Александр II, 3, 83, 225
Алексеев Н.А., 267
Алибуртсон Т., 70
Алмазов Б.Н., 132
Анненков П.В., 116, 117, 149,
183, 220
Анненковов П.В., 37
Антонова Т.Н., 131, 133, 283
Антонович М.А., 130, 195, 198
Аристотель, 180, 254
Арцыбашев Н.С., 178
Ахматова Е.Н., 110, 111, 112,
117, 123

Б

- Баллин Н.П., 162, 168, 169, 170,
171, 174
Барановская Е.К., 266, 282
Баренбаум И.Е., 174
Бахтин М.М., 16, 30, 185, 188
Белинский В.Г., 12, 38, 109, 115,
119, 126, 132, 163, 176, 180,
186, 187, 199, 200, 201, 202,
203, 204, 205, 206, 207, 208,
209, 210, 215, 216, 219

- Белов Е.А., 250, 256, 264, 265,
266
Белов Е.Н., 281
Белова Н.М., 134
Беляев А., 56
Бенедиков В.Г., 126
Беренштам В., 245
Бернштам В., 196
Беспалова С.В., 199
Бичер-Стоу Г., 77
Боград В., 132
Бодиско В.К., 70
Болтина И.Н., 178
Бонч-Бруевич В.Д., 167, 174, 266
Борисов Ю.Н., 2
Боткин В.П., 104, 105, 114, 116,
180
Брамбеус Барон, 108, 109, 111,
112, 209
Бройд А.М., 80, 99, 104, 105
Буало Н., 180
Булич Н.Н., 41, 254
Бультман Р., 57
Бурсов Б.И., 199, 209
Бухарев А.М., 51, 58
Буш В.В., 283
Бушканец Е.Г., 256, 257
Быстров С.И., 262, 281
Бьюмонт Ч., 76, 78

В

- Варгацова Н.А., 238

Васильчиков А.И., 162, 170, 171,
174
Ватанабэ М., 173
Вахрушев В.С., 14, 30
Веневитинов Д.В., 183
Вернадский В.И., 26
Веселовский А.Н., 30
Виноградов В.В., 16
Вовчок М., 241
Волховский Ф.В., 263, 281
Волынский А.Л., 3
Воронов М.А., 253, 254, 255, 257
Вяземский П., 38

Г

Гаевский В.П., 127, 130
Галахов А.Д., 45
Гегель Г., 52, 58
Геродот, 247
Герцен А.И., 28, 87, 124, 131,
133, 136, 163, 164, 168, 169,
170, 173, 210, 222, 224, 226,
227, 228, 229, 230
Герчиков В.И., 283
Гете И.В., 15, 18
Гинзбург Л.Я., 132
Гиппиус З., 20
Гоголь Н.В., 39, 44, 51, 53, 57,
58, 100, 102, 110, 117, 187,
189, 203
Годунов-Чердынцев Ф., 14, 189,
197
Гончаров И.А., 54, 58, 116, 127
Горбачев М.С., 167
Горбачева О.В., 222

Горький М., 19
Готорн Н., 70
Григорович Д.В., 115, 116, 120,
127, 181
Григорьев Ан., 56, 58, 220
Гусакова О.Я., 210

Д

Давыдов С., 190, 193, 198
Даль В., 75, 79
Демченко А.А., 2, 15, 30, 37, 57,
123, 132, 162, 176, 180, 182,
222, 223, 226, 229, 230, 245,
256, 257, 258, 281, 282, 283
Де-Пуле М.Ф., 233, 234, 236, 237
Державин Г.Р., 42
Джугашвили И.В., 21
Дьверштейн Е., 236
Дидро Д., 205
Диккенс Ч., 18
Динерштейн Е., 231, 233, 236
Дмитриев М.А., 212, 221
Дмитриева М., 183, 210, 211,
212, 213, 221
Добролюбов Н.А., 20, 42, 43,
128, 129, 132, 133, 136, 173,
179, 186, 225, 226, 231, 233,
243, 273, 275, 282
Достоевский Ф.М., 19, 24, 30,
37, 55, 58, 59, 60, 62, 63, 65,
67, 68, 69, 78, 79, 150, 151,
160, 165
Дружинин А.В., 80, 81, 82, 83,
84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91,
92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99,

100, 101, 102, 103, 104, 110,
111, 112, 113, 114, 115, 116,
117, 118, 119, 120, 121, 122,
123, 128, 129, 210, 214

Духовников Ф.В., 193, 198, 257,
275

Дьяков Е.П., 262, 281

Е

Евгеньев-Максимов Е., 123

Егоров Б.Ф., 104, 123, 199, 206,
209

Ж

Жаравина Л.В., 44

Жук А.А., 123, 245, 283

Жуковский В.А., 181, 252

З

Захарьина В.Ф., 223, 229

Зельдовича Г.М., 37

Зеньковский В.В., 4

Зуммер Вс., 57, 58

Зюзин А.В., 175

И

Иванов А.А., 44, 45, 46, 47, 48,
49, 50, 51, 52, 53, 57, 58

Идэ, 173

Имаи Ёсио, 162, 164, 165, 173,
174

Исикава, 164, 173

К

Кавелин К.Д., 149, 222, 223, 224,
225, 226, 227, 228, 229, 230

Кавур К.Б., 100

Калинина Л.Л., 2

Калмансон Л.Г., 283

Канэко Ю., 163, 164, 173

Каплинский В.Я., 283

Каракозов Д., 62

Карамзин Н.М., 163, 175, 176,
177, 178, 179, 180, 181, 182,
211, 212, 243

Карамышев А., 256

Карташев А.В., 58

Катков М.Н., 223, 226

Като С., 173

Киржаев С.Н., 174

Кирсанов, 25, 65, 134

Китаев В.А., 147

Клименко С.В., 59, 69

Козлов Е.Н., 170

Козьмин Б.П., 267, 272, 276, 282

Кокосов В.Я., 195, 196, 198

Кокшарский А.Г., 196

Колбасин, 116

Кольцов М., 39

Кондаков И., 188

Коновалов В.И., 203, 209

Конопасевич И.А., 173

Конт Огюст, 19

Корвин-Круковская, 62

Корнилов А.А., 222, 276, 277

Короленко В.Г., 196

Корсаков Д., 245

Костомаров Н.И., 238, 239, 240,
241, 242, 243, 244, 245, 275

Котляревский Н.А., 222

Кошовенко А.Е., 222, 229

Краевский А.А., 115
Крамской И.Н., 54, 58
Краснов Е.В., 37
Кропоткин П.А., 163, 167
Крошина В.А., 189
Кузнецов О.В., 160
Кулиш П.А., 44, 241

Л

Лаврецкий А., 199
Лавров П.Л., 163, 228, 230
Лажечников И.И., 116
Ламанский В.И., 158
Латынина А., 188
Левин Ш.М., 230
Лелевич Г., 283
Ленин В.И., 26, 167, 173, 222,
229, 278, 282
Лермонтов М.Ю., 39, 126, 252,
279
Лессинг Г.Э., 15
Ливий Т., 247
Линкольн А., 72, 77
Линниченко И.А., 246
Листвина Е.В., 31
Ломако О.М., 247
Лопухов, 25, 26, 29, 59, 62, 67,
74, 75, 76, 79, 134
Лосев А.Ф., 256
Лотман Ю.М., 44, 45, 51, 57
Луначарский А.В., 20, 209
Лягушенко И.И., 79
Ляцкий Е.А., 190, 198

М

Майков А.Н., 39
Майковы Братья, 116
Макаровская Г.В., 37
Максимов Е.К., 280
Мамонов В.А., 57
Марлинский А., 109, 126
Мелвилл Г., 71
Мережковский Д., 20
Мерзляков А.Ф., 180
Мерцалова А.И., 29
Милюков А.П., 108, 109, 123
Миронов Д.В., 280
Михайлов М.М., 116
Могиланский А.П., 132
Мордовцев Д.Л., 238, 239, 240,
241, 242, 243, 245
Мотольскую Д.К., 37
Муренина Г.П., 2
Муренина Е.К., 281
Мустафина Е.Н., 70
Мысляков В.А., 132
Мышкин, 59, 60, 61, 63, 64, 65,
66, 67, 68, 69

Н

Набоков В.В., 14, 189, 190, 191,
192, 193, 194, 195, 196, 197,
198
Наганава М., 173
Надеждин Н.И., 38, 199, 209
Надеждина Н., 38
Неандер Вильгельм, 44, 46
Некрасов А.Н., 5

Некрасов Н. А., 39, 43, 111, 114,
115, 118, 119, 122, 124, 125,
127, 129, 186, 196, 204, 242

Несмелов В., 56

Никитин В. Н., 196, 198

Никитина Е. П., 2

Николаев П. Ф., 192, 198

Николаева П. А., 192, 193, 199

Ницше Ф., 55, 58

Ньютон Исаак, 24

О

Озерянский А. С., 282

Оксман Ю. Г., 182, 236, 281

Оно М., 142, 145, 168, 174

Ордынский Б., 180

Островский А. Н., 120

П

Павлов А., 283

Панаев А., 62

Панаев И. И., 111, 124, 125, 127,
132, 204, 210, 220

Панаева А. Я., 125, 196

Пантелеев Л. Ф., 222, 227, 229,
230

Панчулидзева А. Д., 22

Палерно И., 69, 167, 190, 192,
193, 198

Паульсен Ф., 256

Петр I, 244

Печаткин В., 113

Пиль Р., 100

Пинаев М. Т., 15

Писарев Д. И., 56, 58, 163

Писемский А. Ф., 124, 125, 126,
127, 128, 129, 130, 131, 132

Плеханов Г. В., 163, 173, 209

Плещеев А. Н., 232, 236

Погодин М. П., 243

Покровский М. Н., 261

Покусаев Е. И., 37, 283

Полевой Кс., 210, 213, 214, 215,
216, 217, 218, 219, 220

Полевой Н. А., 38, 178, 199, 208,
209, 210, 211, 212, 213, 214,
215, 216, 217, 218, 219, 220,
221

Полонский Л. А., 147, 148, 150,
151, 152, 153, 156, 159

Попе, 180

Порох И. В., 2, 162, 222, 229,
236, 281, 282

Потехин А. А., 116, 120

Прозоров В. В., 2

Пушкин А. С., 37, 38, 39, 40, 41,
42, 43, 55, 100, 102, 109, 126,
163, 176, 181, 182, 183, 189,
206, 207, 217, 252, 279

Пыпин А. Н., 4, 5, 147, 153, 154,
155, 156, 157, 158, 159, 160,
182, 194, 198, 250, 256, 264

Р

Радищев А. Н., 163

Раев А. Ф., 193, 198

Разумникова И. И., 79

Разумовский И. П., 283

Рахматов, 19, 24, 26, 61, 74, 134,
135, 146

Рейнгардт Н.В., 196, 198
Рейсман П.С., 231
Рейфман П.С., 233, 234, 236
Розальская В.П., 19, 61
Розанов А.И., 10
Розанов В.В., 13, 184, 185, 186,
187, 188
Роуни Д.К., 173
Рыков П.С., 260, 280, 283

С

Сажин М.П., 196
Сакамото Х., 173
Сакон Т., 173
Салтыков-Щедрин М.Е., 22, 276
Сасаки Т., 173
Свифт Дж., 22
Селиванов А.Ф., 244
Селиванов В.В., 7
Семанова М.Л., 231, 233
Семенов-Тянь-Шанский А.П., 225
Сенковский О.И., 107, 108, 109,
110, 111, 112, 117, 122, 199,
201, 203, 208, 209
Сен-Симон А., 45
Сент-Бёв, 205
Сераковский З., 71
Скатов Н.Н., 123
Скафтымов А.П., 15, 30, 267,
268, 269, 279, 282, 283, 284
Сликк С., 70
Смирдин А., 183
Соколов Б.М., 283
Соллогуб Ф.К., 116, 127
Соловьев В., 186, 233, 234, 236

Соловьева И., 231
Спасович В.Д., 148
Сталин И.В., 167, 278
Старчевский А.В., 110, 112, 113,
115, 123
Стасюлевич М.М., 149
Стахович С.Г., 196
Стеклов Ю.М., 190, 195, 197, 198
Степняк-Кравчинский С.М., 134,
136, 146
Сторешников, 22
Суворин А.С., 231, 232, 233, 234,
235, 236, 237
Сувориным А.С., 232
Супоницкая П.А., 262, 280, 281,
282
Суслова А., 62
Сушицкая Н.Д., 258
Сушицкий В.А., 258, 260, 261,
262, 263, 264, 265, 266, 267,
268, 269, 270, 271, 272, 273,
275, 276, 277, 278, 279, 280,
281, 282, 283
Сэки К., 173

Т

Тареев М., 56
Татищев В.Н., 178
Тацит, 247
Тверитинов А., 196
Техкерей У., 17, 22
Тимашева О.В., 124
Тимофеев, 126
Толстой Л.Н., 8, 28, 39, 56, 58,
120

Тургенев И.С., 39, 47, 48, 57,
104, 116, 120, 124, 127, 128,
129, 132, 135, 182, 229, 230,
268, 269

Тучкова-Огарева Н.А., 194

Тютчев Ф.И., 189

У

Уилдон Фэй, 14

Ф

Фадеев Р.А., 160

Фаликова Н.Э., 79

Фейсбах Л. 50, 52, 53, 54, 58,
194

Фет А., 39, 120, 122, 125, 132

Философов Д., 20

Флоренский П.А., 57, 58

Флоровский Г.В., 56, 58

Фудзии И., 173

Фукидид, 247

Фурье Шарль, 25, 165, 166, 169

Х

Хосоя, 164, 173

Ч

Чаадаев П., 21

Черногаев С.П., 184, 188

Чернышевская Н.М., 17

Чернышевская Н.М., 281

Чернышевская О.С., 61

Чернышевский А.Н., 11

Чернышевский М.Н., 11

Чичерин Б.Н., 171

Чуковский К.И., 123

Ш

Шаганов В.Н., 196

Шапиро А.Л., 21

Шапошников Г.Г., 255, 257

Шевченко Т.Г., 239, 241

Шевырев С.П., 199, 209

Шекспир В., 18, 115

Шелгунов Н.В., 196

Шиллерова В., 258

Шитова В., 231, 233, 236

Шишкина Т.А., 231

Штраус Давид Фридрих, 44, 45,
46, 47, 48, 52, 53, 57

Щ

Щеголев П.Е., 262

Щербакова Г.И., 107

Ю

Юнг Карл Густав, 185, 188

Юркевич П.Д., 58

Я

Якушкин П.И., 100

Ямпольский И.Г., 123, 283

Содержание

ОТ РЕДАКТОРА	3
1. ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ	
В. В. СЕЛИВАНОВ <i>Н. Г. Чернышевский как представитель духовной элиты России</i>	7
В. С. ВАХРУШЕВ <i>«Что делать?» и автобиография Н. Г. Чернышевского: «игровые» ходы авторской мысли</i>	14
Е. В. ЛИСТВИНА <i>Современная социокультурная ситуация и феномен Н. Г. Чернышевского</i>	31
Г. В. КРАСНОВ <i>Пушкинские пристрастия Н. Г. Чернышевского на рубеже 1850 - 1860-х годов</i>	37
Л. В. ЖАРАВИНА <i>Н. Г. Чернышевский и А. А. Иванов</i>	44
С. В. КЛИМЕНКО <i>Женский вопрос в романах «Что делать?» и «Идиот»</i>	59
Е. А. МУСТАФИНА <i>Чарльз Бьюмонт и американская тема в романе «Что делать?»</i>	70
Н. Б. АЛДОНИНА <i>А. В. Дружинин - публицист 60-х годов</i>	80
Г. И. ЩЕРБАКОВА <i>Журнал «Библиотека для чтения» в общественно- литературной ситуации середины 1850-х годов</i>	107
О. В. ТИМАШЕВА <i>Роман А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» и «Современник»</i>	124
Н. М. БЕЛОВА <i>Роман С. М. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов» и традиции Чернышевского</i>	134
В. А. КИТАЕВ <i>Славянский вопрос в «Вестнике Европы» конца 1860-х - 70-х годов</i>	147

2. СООБЩЕНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Ёсио Имаи (Япония)

Н.Г. Чернышевский и его современники Н. П. Баллин и А.И. Васильчиков как кооператоры (из истории русской общественной мысли).....162

А. В. Зюзин

Н.Г. Чернышевский о Н. М. Карамзине.....175

С. П. Черногаев

В. В. Розанов и Н.Г. Чернышевский.....184

В. А. Крошина

Мемуары о Н.Г. Чернышевском как биографический источник в романе В.В.Набокова «Дар».....189

С. В. Беспалова

«Очерки гоголевского периода русской литературы»: проблема жанра.....199

О.Я. Гусакова

Н. А. Полевой в воспоминаниях Кс.Полевого.....210

О.В. Горбачева

Еще раз о К.Д.Кавелине и Н.Г. Чернышевском.....222

Т.А. Шишкина

Отношение А.С.Суворина к Н.Г.Чернышевскому.....231

Н.А. Варганова

Д. Л. Мордовцев и Н. И. Костомаров.....238

О.М. Ломако

Мир мужской Классической гимназии времен Н.Г.Чернышевского.....247

А.А. Демченко

К истории науки о Чернышевском. Владимир Афанасьевич Сушицкий.....258

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН285

Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Статьи, исследования и материалы.

№13

Редактор М.П. Ларина

Издательство Саратовского педагогического института

Бумага офсетная №1, печать офсетная. Формат 84x108^{1/32}, тираж 200 экз. Усл. печ. л. 9. Отпечатано: производственно-полиграфическая фирма «Фоллиант», г. Саратов ул. Дзержинского, 12